

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семьякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент; Макарова Ю.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н., доцент; Макеева И.С., к.ю.н., доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадица О.В., к.ю.н.; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Спирин А.В., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н., доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 28.05.2024. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 40 экз. Заказ № 34

Дата выхода в свет 31.05.2024. Свободная цена

BULLETIN

№ 2 (42) • 2024

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Gusev A.V., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., *dr. of law, professor*; Balakshin V.S., *dr. of law, professor*;
Bozrov V.M., *dr. of law, professor*; Goncharov D.YU., *dr. of law, associate professor*; Gribunov O.P., *dr. of law, professor*; Davletov A.A., *dr. of law, professor*; Darmenov A.D., *cand. of law, associate professor*;
Degtyarev S.L., *dr. of law, professor*; Karasyov A.T., *dr. of law, professor*;
Kodan S.V., *dr. of law, professor*; Majorov V.I., *dr. of law, professor*;
Mansurov G.Z., *dr. of law, professor*; Osincev D.V., *dr. of law, professor*;
Savos'kin A.V., *dr. of law, associate professor*; Semyakin M.N., *dr. of law, professor*; Smykalin A.S., *dr. of law, professor*; Stelmakh V.Yu., *dr. of law, associate professor*; Tat'yanina L.G., *dr. of law, professor*; Shaburov A.S., *dr. of law, professor*; SHnarbaev B.K., *dr. of law, associate professor*

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., *cand. of law, associate professor*

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., *cand. of law*; Goloviznin A.V., *cand. of law*;
Grebenshchikova I.V., *cand. of law, associate professor*; Deryugin R.A., *cand. of law, associate professor*; Makarova Ju.A., *cand. of law*; Kazancev A.O., *cand. of law, associate professor*; Klimovich YU.S., *cand. of law, associate professor*; Kokorin D.L., *cand. of law, associate professor*;
Krysanov A.V., *cand. of law, associate professor*; Kurilov S.I., *cand. of law*;
Lappo E.A., *cand. of law, associate professor*; Makeeva I.S., *cand. of law, associate professor*; Noskova Yu.B., *cand. of law, associate professor*;
Orlov K.A., *cand. of law, associate professor*; Peresadina O.V., *cand. of law*;
Sazon K.D., *cand. of law, associate professor*; Sergeev D.N., *cand. of law, associate professor*; Spirin A.V., *cand. of law, associate professor*;
Khamidullin R.S. *cand. of law*; Schetinina N.V., *cand. of law, associate professor*; Kharlamova A.A., *cand. of law, associate professor*

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on May 28, 2024. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0.
Uch.-ed. L. 18.0 Edition 40 copies. Order No. 19
Date of publication on May 31, 2024. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
<i>Балашихова А.А.</i> Следственные действия по видео-конференц-связи: допрос (возникающие вопросы)	5
<i>Латыпов В.С.</i> Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ	10
<i>Пашута Н.Н.</i> Алгоритм действий сотрудника уголовного розыска как лица, производящего дознание, на начальном этапе рассмотрения заявления или сообщения о преступлении (по материалам Республики Беларусь)	16
<i>Спирин А.В.</i> Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: правовое регулирование и теоретический анализ	24
<i>Стельмах В.Ю.</i> Допрос, не направленный на установление обстоятельств совершения преступления, как правовой феномен	31
Актуальные проблемы административного права и процесса	
<i>Литвин И.И.</i> К вопросу об административной ответственности в сфере искусственного интеллекта	36
Актуальные проблемы частного права	
<i>Дегтярев С.Л.</i> Некоторые процессуальные особенности стадии возбуждения гражданского дела о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на имя или псевдоним	41
<i>Короленко И.И., Парковская М.И.</i> Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы развития	49
<i>Мельник С.В., Гомозова О.Ю.</i> Представительство в суде или профессиональный процесс: обязательный образовательный ценз в судах первой инстанции	53
<i>Семенов Е.Ю., Коломиец С.Р.</i> К вопросу о возможности авторско-правовой охраны результатов деятельности искусственного интеллекта, сопоставимых с произведениями	57
Вопросы криминалистики	
<i>Ганжа М.В.</i> Проблемы унификации и использования понятия «электронно-цифровой след» с учетом специфики реализации на практике	63
<i>Дерюгин Р.А.</i> Криминалистическая характеристика хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет	69
<i>Елфимов П.В.</i> Информационное значение экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений против личности	75
<i>Лубин А.Ф., Юматов С.В.</i> Установление давности образования следов рук с использованием показаний эксперта / специалиста	81
<i>Мосин И.В.</i> Детерминанты преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий	87
<i>Плахтий Е.В.</i> Способы совершения и сокрытия хищений как элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 164 Уголовного кодекса Российской Федерации	93
Дискуссионная трибуна	
<i>Власова С.В.</i> Этатизм современной концепции уголовно-правовой защиты экономики от преступлений	99
Обеспечение национальной безопасности	
<i>Михеева С.Н.</i> Миграционная безопасность в контексте национальной безопасности России на современном этапе	104
Основные тенденции государственно-правового развития	
<i>Иванцова А.И.</i> Современный конституционный механизм введения чрезвычайных правовых режимов в различных государствах мира	109
<i>Савоськин А.В., Мещерягина В.А., Вохидова А.Ш.</i> Организация мониторинга качества предоставления государственных услуг	116
Права человека и их обеспечение	
<i>Вилачева М.Н.</i> Проблемные аспекты правового регулирования семейного дошкольного образования в Российской Федерации: опыт муниципалитетов	122
<i>Лихова А.А.</i> Становление и развитие конституционного обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка в Российской Федерации	126
Теория и практика борьбы с преступностью	
<i>Алимпиев С.А.</i> Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как один из субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений в Свердловской области: проблемы и пути совершенствования	130
<i>Борисова О.В.</i> Характеристика способов сокрытия тайников («закладок») с наркотическими средствами на основе анализа практики	134
<i>Веденин Д.В.</i> О современном состоянии киберпреступности в Российской Федерации	140
<i>Гребенщикова И.В.</i> Деятельность органов внутренних дел Свердловской области по охране общественного порядка во второй половине 70-х – начала 80-х гг. XX столетия	146
<i>Иванов С.И.</i> Оперативно-розыскная операция как эффективная организационная форма применения сил и средств оперативно-розыскной деятельности при противодействии организованной преступности (исторический опыт)	151
<i>Каргапольцева Н.И.</i> К вопросу о правовых основаниях организации и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1917–1922 гг.	157
<i>Мясникова Т.В.</i> Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии	162
Уголовное право и уголовная политика	
<i>Ермакова О.В.</i> Модель «идеальной» конструкции конкретного состава преступления: миф или реальность	167

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

<i>Balashova A.A.</i> Features of interrogation via video conferencing	5
<i>Latypov V.S.</i> Institute for suspension of preliminary investigation in light of amendments by Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ	10
<i>Pashuta N.N.</i> Algorithm of actions of a criminal investigation officer at the initial stage of considering an application or report of a crime as a person conducting an inquiry (based on materials from the Republic of Belarus)	16
<i>Spirin A.V.</i> Functions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings: legal regulation and theoretical analysis	24
<i>Stelmakh V.Yu.</i> Interrogation not aimed at establishing the circumstances of the crime as a legal phenomenon	31

Topical problems of administrative law and process

<i>Litvin I.I.</i> On the issue of administrative responsibility in the field of artificial intelligence	36
--	----

Topical problems of private law

<i>Degtyarev S.L.</i> Some procedural features of the stage of initiation of a civil case for compensation for moral damage caused by violation of the right to a name or pseudonym	41
<i>Korolenko I.I., Parkovskaya M.I.</i> Inheritance fund in Russia: problems and development prospects	49
<i>Melnik S.V., Gomozyova O.J.</i> Representation in court or professional process: mandatory educational qualification in the courts of first instance	53
<i>Semenov E.Yu., Kolomiets S.R.</i> On the question of the possibility of copyright protection of the results of artificial intelligence comparable to works	57

Questions of criminalistics

<i>Ganzha M.V.</i> Problems of unification and use of the concept of «electronic digital footprint» taking into account the specifics of implementation in practice	63
<i>Deryugin R.A.</i> Forensic characteristics of cash thefts funds made using personal Internet user data	69
<i>Elfimov P.V.</i> The informational value of the examinations assigned in the investigation of crimes against the person	75
<i>Lubin A.F., Yumatov S.V.</i> Establishing the age of handprints using expert / specialist testimony	81
<i>Mosin I.V.</i> Determinants of crimes committed using computer and telecommunication technologies	87
<i>Plakhtiy E.V.</i> Methods of committing and concealing embezzlement as an element of the criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation	93

Discussion tribune

<i>Vlasova S.V.</i> Etatism of the modern concept of criminal legal protection of the economy from crime	99
--	----

Ensuring national security

<i>Mikheeva S.N.</i> Migration security in the context of Russia's national security at the present time	104
--	-----

The main trends of state and legal development

<i>Ivantsova A.I.</i> Modern constitutional mechanism for introduction of emergency legal regimes in different states of the world	109
<i>Savoskin A.V., Meshcheryagina V.A., Vohidova A.S.</i> Organization of monitoring the quality of provision of public services ...	116

Human rights and their ensurance

<i>Vilacheva M.N.</i> Problematic aspects of the legal regulation of family preschool education in the Russian Federation: the municipalities experience	122
<i>Likhova A.A.</i> Formation and development of constitutional provision and protection of the rights and legal interests of the child in the Russian Federation	126

Theory and practice of combating crime

<i>Alimpiev S.A.</i> Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as one of the subjects of prevention of neglect and delinquency in the Sverdlovsk region: problems and ways of improvement	130
<i>Borisova O.V.</i> Characteristics Method of uncovering hiding places («stash»s) with narcotic drugs based on analytical practice	134
<i>Vedenin D.V.</i> On the current state of cybercrime in the Russian Federation	140
<i>Grebenshchikova I.V.</i> Activities of internal affairs bodies to protect public order in the second half of the 70s – early 80s. XX century (using the example of the Sverdlovsk region)	146
<i>Ivanov S.I.</i> Operational and search operation as an effective organizational form of application of forces and means of operational and investigative activities in countering organized crime (historical experience)	151
<i>Kargapol'tseva N.I.</i> On the issue of the legal basis for the organization and activities of the Cheka in 1917–1922	157
<i>Myasnikova T.V.</i> Prevention of occupying a high position in the criminal hierarchy	162

Criminal law and criminal policy

<i>Ermakova O.V.</i> The model of the «ideal» construction of a specific corpus delicti: myth or reality	167
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343

Особенности проведения допроса посредством видео-конференц-связи

Балашова Анна Александровна
Академия управления МВД России, Москва, Россия, aumvd@mvd.ru, annbalashova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с введением в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) статьи 189.1. Делается акцент на проблемных вопросах, возникающих при проведении допроса по видео-конференц-связи, и важности психологического аспекта подготовки следователя (дознателя) к производству данного следственного действия.

Ключевые слова: цифровизация, видео-конференц-связь, допрос, подозреваемый, психологическое сопровождение, очная ставка, опознание, следователь

Для цитирования: Балашова А. А. Следственные действия по видео-конференц-связи: допрос (возникающие вопросы) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 5–9.

Original article

Features of interrogation via video conferencing

Balashova Anna A.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, aumvd@mvd.ru, annbalashova@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the introduction of Article 189.1 into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Emphasis is placed on problematic issues that arise during interrogation via video conferencing, and the importance of the psychological aspect of preparing the investigator (interrogator) for this investigative action.

Keywords: digitalization, videoconferencing, interrogation, suspect, psychological support, confrontation, identification, investigator

For citation: Balashova A. A. Investigative actions by video-conferencing: interrogation (emerging issues) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 5–9.

Цифровизация уголовного судопроизводства в России на сегодняшний день находится в состоянии постоянного совершенствования. И это неудивительно, так как мы живем в эпоху информационных технологий. Сейчас, пожалуй, сложно назвать хоть одну отрасль жизнедеятельности, которую не затронула бы цифровая трансформация.

Однако складывается впечатление, что некоторые изменения, введенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) и преследующие своей целью совершенствование и облегчение проведения предварительного расследования на самом деле выглядят весьма «сыровато».

До сих пор в научной среде имеются разногласия и ведутся споры, вызванные введенной Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ в УПК РФ ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Не менее противоречивые мнения высказываются относительно ст. 189.1 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», введенной Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. На сегодняшний день их эффективность вызывает массу вопросов, и, на наш взгляд, проработать все стороны, связанные с техническим обеспечением органов предварительного расследования, необходимо было в процессе обсуждения и проработки нововведений, на что обращают внимание многие ученые [1, с. 70]. При этом если говорить о важном, а именно о качестве расследования уголовных дел, то, по нашему мнению, с учетом той интерпретации ст. 189.1 УПК РФ, которая имеет место быть в настоящее время, суть этой стороны вопроса осталась как будто второстепенной.

Так, из текста данной нормы следует, что указанные следственные действия можно проводить с любым участником уголовного дела, будь то подозреваемый или потерпевший, свидетель или специалист. Складывается впечатление, что при разработке статьи не учтено, что каждый участник уголовного дела – личность со своими индивидуальными особенностями, а подготовительные мероприятия, предусмотренные проведением следственного действия, требуют от проводящего расследование определенного подхода с учетом тех самых личностных особенностей.

Рассматривая элементы статьи, связанной с проведением допроса, отметим, что данное следственное действие, проводимое по видео-конференц-связи (далее – ВКС) давно используется при судебных разбирательствах. Казалось бы, какие сложности в таком случае оно может вызвать при производстве предварительного расследования? Однако его сущность, цель и тактические приемы, используемые следователем или дознавателем, а также психологическое сопровождение на данной стадии – это абсолютно иной процесс, включающий в себя совершенно иную подготовку и производство.

Первоначально обращает на себя внимание то, что законодателем не сформулированы случаи проведения указанных в статье следственных действий посредством видео-конференц-связи, как это сделали коллеги из Казахстана. Например, Ахмедова Гузалхон и Абутаева Сапаркуль Базарбайкызы в своей работе, указывают, что согласно ст. 213 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан дистанционный допрос производится в случаях:

- 1) невозможности непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам;
- 2) необходимости обеспечения безопасности лица;
- 3) проведения допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего;
- 4) необходимости обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования, судебного рассмотрения дела;
- 5) наличия причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами¹.

Исходя из ст. 189.1 УПК РФ производство допроса, очной ставки и опознания посредством ВКС при любых обстоятельствах допустимо по личному желанию следователя или дознавателя.

Важно упомянуть, что в уголовно-процессуальном законодательстве России определения понятия «допрос» не содержится. При этом в научной литературе можно найти много точек зрения по данному вопросу. Наиболее понятным определением, на наш взгляд является, является сформулированное М. С. Строгович: допрос – это «следственное действие, которое заключается в получении от допрашиваемого лица сведений о фактах, входящих в предмет доказывания по делу, или в получении следователем показаний по обстоятельствам, имеющим значение по делу» [2, с. 101]. Очень интересно высказался по поводу допроса Н. И. Порубов: «допрос – это искусство, требующее высокого мастерства и способностей» [3, с. 154]. С этим мнением сложно не согласиться, суть этих слов практическим работникам особенно понятна и близка.

В основе этого следственного действия, на наш взгляд, лежит умение мастерски «наладить контакт» между следователем (дознавателем) и допрашиваемым лицом. К каждому конкретному участнику расследуемого уголовного дела этот подход будет индивидуален, а значит, и тактические особенности производства допроса также будут индивидуальны. В связи с тем, что целью допроса является получение максимально полной и правдивой информации об обстоятельствах совершенного преступления, следователь или дознаватель планирует и проводит

¹ Уголовно-процессуальный кодекс республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2024). URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 08.01.2024).

дальнейшие следственные действия. Лицу, ведущему расследование, необходимо грамотно выстроить общение с участниками уголовного дела с учетом их психологического портрета и особенностей поведения. Поэтому совершенно справедливо отмечается, что с психологической точки зрения допрос представляет собой «общение между его участниками, протекающее в строгих процессуальных формах, с предусмотренными законом обязательными элементами» [4, с. 160]. Кроме того, ученые отмечают, что «это познавательная коммуникативная деятельность, которая сопровождается следователем непосредственно и лично, воспринимая допрашиваемое лицо и имеющая ретроспективную направленность, характеризующаяся воздействием на личность допрашиваемого» [5, с. 316].

Совершенно актуальной на сегодняшний день остается мысль, высказанная советским юристом Л. Р. Шейнином о преступниках: «не поняв психологии этих людей, следователь не поймёт преступления, которое они совершили. Не разобравшись во внутреннем мире каждого обвиняемого, в сложном, иногда удивительном стечении обстоятельств, случайностей, пороков, дурных привычек и связей, слабостей и страстей, следователь никогда не разберётся в деле, в котором он разобраться обязан. Вот почему работа следователя неизменно связана с проникновением в тайники человеческой психологии, с раскрытием человеческих характеров» [6, с. 19].

На основании данного мнения возникает вопрос, возможно ли понять психологию подозреваемого или обвиняемого, создать его психологический портрет, суметь найти к нему подход, глядя в монитор компьютера и видя человека через экран? Можно ли получить от человека нужную реакцию и обратную связь? Ведь даже невербальное общение может сказать о многом лицу, проводящему расследование, что очень важно, но эта информация недостижима, если человек находится не рядом.

Например, подозреваемый, являясь лицом, нарушившим закон, причинивший вред своим деянием другому человеку и понимающий, что за это он должен понести наказание, если его вина будет доказана, старается как можно дольше не идти на контакт со следователем, скрыть свою причастность к расследуемому событию, а возможно и оговорить невиновного. Все моменты лживого поведения и лживых показаний следователь может определить, только общаясь с преступником вживую.

Совершенно справедливо отмечают ученые, что кроме подготовки к самой процедуре допроса важно расположить допрашиваемого к себе, «принять меры к устранению смыслового и эмоционального барьера, проявить интерес к личности допрашиваемого» [7, с. 113].

Перед допросом приветствуется беседа на нейтральные темы, в ходе которой следователь или дознаватель может и должен применить определенные тактические приемы, благодаря им будут устранены смысловые и эмоциональные преграды, у допраши-

ваемого появится интерес к общению. При этом необходимо соблюдать культуру общения, что станет залогом получения положительного результата и достижения тех целей, которые стоят перед следователем, дознавателем при проведении данного следственного действия.

Проектируя указанные выше элементы на производство допроса посредством ВКС, отметим, что невозможно установить необходимый в каждом конкретном случае психологический контакт с допрашиваемым лицом, находящимся на расстоянии от следователя, дознавателя, за экраном компьютера.

Многочисленные высказывания ученых по этому поводу вполне обоснованы. Так, по мнению профессора Л. В. Головки, «важен эмоциональный аспект, важно увидеть выражение его лица» [8, с. 34]. Также созвучно со словами, приведенными выше, следующее высказывание: «Умение следователя не только слушать, но и слышать, найти подход к конкретному человеку, поймать на лжи, убедить сознаться под неопровержимым грузом собранных доказательств, использовать тактические приемы – все это может быть нивелировано несовершенством технических средств, сбоями программного обеспечения, отсутствием необходимых умений и навыков пользователя, помехами, нестойким соединением интернета» [9, с. 79].

По нашему мнению, никакие компьютерные технологии никогда не заменят точность и качество информации, полученной при непосредственном общении людей. Нельзя прочувствовать эмоции и глубину переживаний, которые испытывает человек при воспроизведении рассказа о событии преступления. Не всегда получится у следователя распознать через экран ложные показания.

Справедливо отмечено учеными, что «для всесторонности и объективности расследования следователь (дознаватель) как главный субъект расследования уголовного дела должен непосредственно проводить следственные действия» [10, с. 120]. При этом, на наш взгляд, сомнительно мнение о том, что необходимо «максимально увеличить возможность видео-конференц-связи, включив сюда допрос свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также очную ставку, предъявление для опознания, освидетельствование, следственный эксперимент и проверку показаний на месте» [11, с. 138]. Именно по той простой причине, что при проведении следственных действий посредством ВКС оценить доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достоверности будет непросто.

Вполне логичным представляется тот факт, что следователь или дознаватель, которому поручено производство допроса по месту нахождения лица, не может на 100 % погрузиться в «чужое» уголовное дело, находящее не в его производстве, ведь он только оказывает помощь коллегам в рамках поручения, поэтому у него нет возможности вникнуть и пере-

строиться на новое расследование. Соответственно, результат такого следственного действия – лишь исполнение поручения.

Не принимая во внимание факт того, что следственные действия, проводимые посредством ВКС, могут сократить в какой-то мере сроки расследования, о чем также неоднократно упоминается в юридической литературе, необходимо сделать акцент на самом главном – на качестве проводимых следственных действий, обеспечивающем полноту и всесторонность расследования.

С учетом изложенного считаем преждевременным говорить о высоком качестве доказательств, полученных с использованием ВКС. На наш взгляд, рассматриваемая статья 189.1 УПК РФ требует кардинальных уточнений и изменений. В этой связи необходимо:

1. Определить перечень случаев, когда будет решено проводить следственные действия посредством ВКС.

2. Ограничить круг лиц, с которыми разрешено проводить допрос посредством ВКС (однозначно исключить подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего).

3. Внести подробные уточнения по поводу проведения очной ставки и опознания посредством ВКС.

4. Проработать и уточнить все вопросы технического оснащения мест проведения следственных действий посредством ВКС.

5. Обеспечить полное соответствие информации, полученной в ходе проведения следственных действий посредством ВКС, элементам доказывания и признакам относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

6. Проработать вопросы, связанные с заполнением и подписанием протоколов следственных действий, проводимых посредством ВКС.

Библиографический список

1. Ушаков А. Ю., Расулова Н. С. О вопросах производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с применением видео-конференц-связи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 69–74.

2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. Т. 2.

3. Порубов Н. И. Информационная сущность допроса // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки: научно-теоретический журнал. 2009. № 4.

4. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики: учебное пособие. Волгоград, 1993.

5. Ахмедшин Р. Л. Лекции по правовой психологии: учебное пособие: [для обучающихся юридических вузов]; Нац. исслед. Том. гос. ун-т, Юрид. ин-т. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019.

6. Шейнин Л. Р. Записки следователя: сборник. М.: Издательский дом «Правда», 1986.

7. Аксенова Л. Ю. Тактические и психологические аспекты допроса / Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1 (76).

8. Головкин Л. В. Перепрыгивания через судебные инстанции быть не должно // Уголовный процесс. 2022. № 2.

9. Кирянина И. А. К вопросу об эффективности использования дистанционных ресурсов при производстве предварительного расследования // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 20 лет спустя»: материалы XIV Международной научно-практической конференции, 24–25 июня 2022 г. (Санкт-Петербург): сборник статей / кол. авторов; отв. ред. Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. М.: РУСАЙНС, 2022.

10. Титов П. М., Шараева Я. А., Гриценко Т. В. Производство следственных действий с использованием видео-конференц-связи // Юристы-Правоведы: науч.-теоретич. информ.-метод. журнал. Ростов-на-Дону, 2023. № 1 (104).

11. Щерба С. П., Архипова Е. А. Применение видео-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.

References

1. Ushakov A. Y., Rasulova N. S. About Issues of interrogation, confrontation and identification with the use of videoconferencing // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3. С. 69–74.

2. Strogovich M. S. Course of Soviet criminal procedure: The procedure of criminal proceedings under the Soviet criminal procedural law. M., 1970. T. 2.

3. Porubov N. I. Information essence of interrogation // Bulletin of the Polotsk State University. Series D, Economic and legal sciences: scientific and theoretical journal. 2009. No. 4.

4. Belkin R. S. Sketches of criminalistic tactics: textbook. Volgograd, 1993.

5. Akhmedshin R. L. Lectures on legal psychology: textbook: [for students of law schools]; National Research. Tomsk State University, Juridical Institute. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019.

6. Sheinin L. R. Sheinin L. R. Zapiski investigator: collection. M.: Pravda Publishing House, 1986.

7. Aksenova L. Y. Tactical and psychological aspects of interrogation / Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2019. T. 24. № 1 (76).

8. Golovko L. V. Jumping over judicial instances should not be // Criminal Process. 2022. № 2.

9. Kiryanina I. A. To the question of the effectiveness of the use of remote resources in the production of preliminary investigation // Scientific School of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State

University «Criminal Procedure Code of the Russian Federation: 20 years later»: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, June 24-25, 2022 (St. Petersburg): collection of articles / collective of authors; ed. by N. G. Stoyko, V. Y. Nizamova. M.: RUSAINS, 2022.

10. Titov P. M., Sharaeva Ya. A., Gritsenko T. V. Production of investigative actions using videoconferencing // Jurist-Pravoved'y: scientific-theoretical and methodological journal. Rostov-na-Don, 2023. No. 1 (104).

11. Shcherba S. P., Arkhipova E. A. Application of videoconferencing in criminal proceedings of Russia and foreign countries: experience, problems, prospects: a monograph. M.: Yurlitinform, 2016.

Информация об авторе

Балашова Анна Александровна – кандидат юридических наук

Information about author

Balashova Anna A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 03.02.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья

УДК 343.1

Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ

Латыпов Вадим Сагитьянович

Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа,
Россия, vadi-latypov@yandex.ru

Аннотация. Автором статьи проанализировано новое основание приостановления предварительного расследования, введенное Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, связанное с призывом подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации. Автором анализ проведен с позиций: актуальности и своевременности введенных изменений, совершенства нормативной формулировки, а также возможной правоприменительной реализации.

В завершение исследования сформулировано три вывода, отражающих историческую, научную и практическую значимость Федерального закона №64-ФЗ в контексте правового регулирования института приостановления предварительного расследования.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, призыв на военную службу, уголовное преследование, временный перерыв, уголовное дело, назначение уголовного судопроизводства

Для цитирования: Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 10–15.

Original article

Institute for suspension of preliminary investigation in light of amendments by Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ

Latypov Vadim S.

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia,
vadi-latypov@yandex.ru

Abstract. The author of the article analyzed a new basis for suspending a preliminary investigation introduced by Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024 related to the conscription of a suspect or accused for military service during mobilization or in wartime in the Armed Forces of the Russian Federation. The author of the analysis was carried out from the standpoint of: the relevance and timeliness of the introduced changes, the perfection of the regulatory wording, as well as possible law enforcement implementation.

At the end of the study, three conclusions were formulated reflecting the historical, scientific and practical significance of Federal Law No. 64-FZ in the context of the legal regulation of the institution of suspending a preliminary investigation.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, conscription, criminal prosecution, temporary break, criminal case, appointment of criminal proceedings

For citation: Latypov V. S. Institute for suspension of preliminary investigation in light of amendments by federal law of March 23, 2024 No. 64-FZ // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 10–15.

Введение

Институт приостановления предварительного расследования, или, как отмечено в законе, следствия¹ (гл. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), является одним из самых неоднозначных и противоречивых институтов уголовного судопроизводства. Его уникальность заключается в вынужденном принятии должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, процессуального решения о временном перерыве в расследовании. Как правило, на момент принятия решения о приостановлении отсутствуют даже приблизительные прогнозы о том, каким будет по продолжительности временной промежуток такого приостановления. Учитывая, что назначение уголовного судопроизводства не достигнуто, права и законные интересы пострадавших от преступления лиц и организаций не восстановлены, лицо, совершившее преступление, не привлечено к ответственности, государство посредством соответствующих органов вынуждено принимать столь противоречивое решение. Такое решение обусловлено, во-первых, необходимостью сохранения имеющихся сроков расследования уголовного дела по отдельным основаниям приостановления, а во-вторых, невозможностью продолжения расследования, производства следственных действий ввиду того, что все возможные в отсутствие подозреваемого, обвиняемого следственные действия уже проведены.

При этом данный институт не является новеллой современного уголовно-процессуального законодательства, первое упоминание о возможности приостановления уголовного судопроизводства следует датировать 1864 г., что связано с принятием Устава уголовного судопроизводства Российской империи². Каждый последующий уголовно-процессуальный закон лишь его дополнял и детализировал. В привычном для современного процессуалиста виде он существует со времен УПК РСФСР 1960 г., включая исчерпывающий перечень самих оснований приостановления предварительного следствия. Действующий УПК РФ 2001 г. заимствовал практически в неизменном виде нормативное регулирование данного института, более того, до 2024 г. в него практически не выносились изменения, за исключением корректировки норм с упоминанием не только обвиняемого, но и подозреваемого, а также отдельных вопросов, связанных с имуществом, подлежащем аресту в силу установленных законом обстоятельств и применению мер государственной защиты. Вводимые изменения не носили системного характера, направленного на совершенствование института приостановления

предварительного расследования, а представляли собой, скорее, сопутствующие изменения, коснувшиеся иных процессуальных институтов.

Постановка проблемы

В рамках настоящей статьи предпринята попытка рассмотреть введенное впервые за последние десятилетия новое основание для приостановления предварительного расследования, нормативно закрепленное в п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Учитывая отсутствие теоретических исследований, посвященных анализу указанной законодательной новеллы, представляется целесообразным рассмотреть данное основание для приостановления предварительного следствия с нескольких позиций: актуальности и своевременности введения, совершенства нормативной формулировки и всеобъемлемости сопутствующих правовых и процессуальных институтов, а также возможной правоприменительной реализации.

Исследовательская часть

Актуальность и своевременность введения

Полагаем, что единственно верным способом оценить актуальность и своевременность введения упомянутого выше Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ³ (далее – Федеральный закон № 64) является применение так называемой формулы, раскрывающей особый методологический дух Нижегородской школы процессуалистов, – формулы «живого уголовного процесса» [1, с. 22]. Суть данной формулы заключается в неизменном принципе самой диалектики, подчеркнутым еще античным философом Гераклитом, что все подлежит развитию, изменению. В этой связи мы полностью разделяем подход Нижегородской школы процессуалистов и считаем, что уголовный процесс должен чутко реагировать на все изменения, происходящие в социальной, технической, политической, экономической жизни населения нашей страны и «должен служить улучшению жизни российского общества» [1, с. 22] в вопросах обеспечения справедливого уголовного правосудия. Именно существованием живого уголовного процесса можно объяснить вводимые перманентные изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство нашей страны, которых с момента принятия УПК РФ 2001 г. насчитывается порядка трех с половиной сотен.

Важно помнить и понимать, как формировалось современное уголовное судопроизводство Российской Федерации, какие варианты развития рассматривались и что составило основу действующего уголовно-процессуального закона нашей страны.

Конец XX в. для нашей страны ознаменовался кардинальными политическими и демократическими преобразованиями, выразившимися в смене коммунистической идеологии, распаде Союза Советских Социалистических Республик, что, соответственно,

¹ Для удобства и унификации анализируемого процессуального института вне зависимости от форм расследования в рамках настоящего исследования предлагается употребление термина «приостановление предварительного расследования».

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г.: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1. СПб, 1867.

³ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.

привело к необходимости пересмотра нормативной основы функционирования отношений. Особо остро стоял вопрос об определении нового уголовного курса государства. Рассматривались несколько вариантов реформирования уголовного судопроизводства. Проанализировавший данный вопрос в рамках диссертационного исследования Н. В. Азарёнок совершенно справедливо отмечает: «Одни процессуалисты выступили за сохранение советского курса развития права [2, 3, 4], другие предложили коренным образом изменить сложившиеся юридические механизмы, взяв за образец англосаксонскую модель уголовного судопроизводства [5, с. 50]» [6, с. 4].

Как результат в 1991 г. была принята и утверждена Концепция судебной реформы в Российской Федерации, основанная на прозападных устоявшихся взглядах относительно вопросов состязательности уголовного процесса, что и получило нормативное закрепление в УПК РФ 2001 г., в том числе и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Но это *de-jure*, реализовать же указанный принцип в полном объеме на досудебных стадиях *de-facto* не представляется возможным ввиду специфичности отечественного модели уголовного процесса.

Нам импонирует определенный главой государства вектор дальнейшего развития общественных отношений, прозвучавший в следующей цитате: «мы должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа»¹.

Провозглашенные Конституцией Российской Федерации как высшая ценность права и свободы человека могут быть обеспечены лишь при должной защите суверенитета, конституционного строя государства [7, с. 5–6]. События, происходящие в России с начала 2022 г., доказали верность высказанного утверждения.

Следует отметить, что с февраля 2022 г., с момента принятия решения о начале специальной военной операции, наше государство вступило в новый исторический этап развития, заключающийся в планомерном отказе от идеализации норм международного законодательства, европеизации отечественного правового пространства. Напомним, что в соответствии с резолюцией Европейского суда по правам человека от 21–22 марта 2022 г. прекращено членство Российской Федерации в Совете Европы.

Процедура денонсации вызвала необходимость принятия Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»², определившего прекращение

действия в отношении Российской Федерации ряда международных договоров, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., что подчеркивает необходимость переосмысления содержания отдельных уголовно-процессуальных институтов, актуализацию их нормативного регулирования вплоть до пересмотра современной концепции уголовного судопроизводства, требующего взвешенных трезвых решений, подкрепленных необходимыми научными исследованиями.

В контексте принятого государством суверенного направления социального, экономического и правового развития, проводимой специальной военной операции, для успешной реализации которой важен каждый человек, изъявивший желание служить своей Родине, вносимые Федеральным законом № 64 изменения видятся крайне актуальными и своевременными.

Анализ нормативной формулировки и всеобъемлемости сопутствующих правовых и процессуальных институтов

Внесенное изменение в существующую систему оснований приостановления предварительного расследования затронуло отдельно взятую категорию лиц, совершивших преступление, тех, кто попал под призыв либо заключил контракт на военную службу в период мобилизации, военного положения или военного времени, а также лиц, проходящих военную службу в указанные периоды.

Именованная данная категория лиц специальными субъектами уголовного преследования представляется не совсем верным, поскольку на момент совершения преступления они не имели отношения к военной службе. Вместе с тем детализация особого режима, введенного в стране (мобилизация, военное положение, военное время), подчеркивает специфичность самого основания. Кроме того, следует подчеркнуть, что до внесенных Федеральным законом № 64 изменений уголовно-процессуальное законодательство современной России не содержало норм, упоминавших о мобилизации, военном положении или военном времени.

Возможно, это лишь начало предпринятой законодателем деятельности по оптимизации и приведению к актуальному состоянию нормативного регулирования уголовно-процессуальных отношений в соответствии с внешнеполитическими реалиями и вызовами современности. В связи с чем считаем допустимым два самостоятельных пути развития отечественной системы уголовного судопроизводства: первый заключается во введении в УПК РФ самостоятельного раздела, раскрывающего порядок регулирования уголовно-процессуальных отношений в период всеобщей мобилизации, военного положения или военного времени; второй – в принятии военного уголовного процесса (Военного УПК РФ). Второй вариант развития системы уголовного процесса в международной уголовно-процессуальной карте мира встречается, к примеру, в Швейцарии [8, 9], Франции [10,

¹ ТАСС. Выступление В. В. Путина на заседании клуба «Валдай»: полный текст // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://tass.ru/politika/12727931> (дата обращения: 14.04.2024).

² Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

с. 69]. Важно учитывать, что оба варианта требуют серьезных самостоятельных научных исследований, поскольку посягают на регулирование уголовно-процессуальных отношений в особых условиях военного положения. Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии (ст. 1)¹.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 указанного нормативно-акта предусмотрена возможность в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельности организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, прав их должностных лиц. Исходя из указанного, следует, что приоритетом является безопасность страны, при этом на граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности.

С положительной стороны следует отметить всеобъемлющий характер вносимых Федеральным законом № 64 изменений не только в уголовно-процессуальное, но и в уголовное законодательство, предусматривающих дополнительные основания как для освобождения от уголовной ответственности, наказания, так и для прекращения уголовного преследования.

Также подчеркнем, что внесенные изменения затронули интересы не только подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых еще не принято окончательное процессуальное решение, но и лиц, уже отбывающих наказание, а также имеющих непогашенную или неснятую судимость, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключивших в период мобилизации, военного положения или в военное время контракт.

В свою очередь, объективно говорить о внесенных системообразующих изменениях действующего уголовного судопроизводства в направлении регулирования уголовно-процессуальных правоотношений в период мобилизации, военного положения или в военное время позволит лишь сформировавшаяся правоприменительная практика и доктрина.

Возможность правоприменительной реализации

В рамках проводимого исследования позволим себе отразить несколько узловых моментов анализируемого Федерального закона № 64, нуждающихся в дополнительном толковании на примере реализации решения о приостановлении предварительного расследования по новому основанию.

В современной модели российского уголовного процесса, несмотря на всю ее эклектичность, приоритет в осуществлении уголовного преследования, формировании материалов уголовного дела на основе проводимых процессуальных и следственных действий, в принятии процессуальных решений отдан властным субъектам уголовного процесса – следователю, дознавателю. Следует выделить и существующую концепцию процессуального руководства расследованием руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, органа дознания, которые в силу своих должностных полномочий имеют возможность давать указания о направлении расследования, но при этом должны соблюдаться гарантии процессуальной независимости и самостоятельности следователя.

Учитывая указанное, следует обратить внимание на введенную Федеральным законом № 64 ч. 9 ст. 208 УПК РФ, в которой, по сути, процессуально закреплена возможность командования воинской части (учреждения) давать указание органам, осуществляющим предварительное расследование, в принятии процессуального решения о приостановлении уголовного дела по новому основанию, но облеченное законодателем в понятие «ходатайство». На случай несогласия следственных органов (органов дознания) выполнить заявленное ходатайство законодатель в этой же норме предусмотрел, что процессуальная самостоятельность должна быть реализована *«совместными решениями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, в полномочия которых входит осуществление предварительного расследования»*. На наш взгляд, просматривается несколько тревожная тенденция, посягающая на процессуальную независимость следственных органов, но, очевидно, данная необходимость вызвана особыми условиями периода мобилизации, военного положения или военного времени. Следует понимать, что это совсем иной режим правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, требующий фундаментального пересмотра и адаптации уголовного судопроизводства к указанным условиям.

С позиции правореализации вызывает вопрос сама процедура заявления ходатайства командованием воинской части (учреждения). Представится ли объективная возможность в условиях ведения боевых действий командованию воинской части формировать ходатайство в правоохранительные органы с просьбой приостановить производство по конкретному уголовному делу в отношении одного из военнослужащих? Возможно, лицам, осуществляющим уголовное преследование данного военнослужащего, придется самостоятельно инициировать перед ко-

¹ Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

мандованием воинской части заявление указанного ходатайства.

И в заключение проясним вопрос о спорной, на первый взгляд, инициативе законодателя приостанавливать предварительное расследование, освободить от уголовной ответственности и наказания лиц, переступивших закон, потенциально причинивших вред своим преступлением, посягнув на права и законные интересы лиц и организаций.

Действительно, назначение уголовного судопроизводства, определенное ст. 6 УПК РФ, не достигнуто, вред, нанесенный преступлением, не заглажен, лицо к ответственности не привлечено, правосудие в конечном счете не состоялось – так о каком прекращении уголовного преследования, приостановлении предварительного расследования и освобождении от ответственности и наказания может идти речь?

Ответом на данный вопрос является реализуемый интерес. Уголовное судопроизводство в зависимости от вида осуществляемого уголовного преследования направлено на реализацию частного, частно-публичного или публичного интереса. Безусловно, это крайне важно и в отдельных случаях играет приоритетное значение, но есть нечто более важное – национальный интерес, национальная безопасность. В отношении подозреваемого, обвиняемого, изъявившего желание отстаивать суверенитет государства, основы конституционного строя России в сложный для страны период, при этом награжденного государственной наградой в период прохождения военной службы, бесспорно, должно быть применено поощрительное производство [11]. В этой связи позиция законодателя вполне понятна и заслуживает поддержки.

Вывод

Осуществленный анализ института приостановления предварительного расследования в свете принятого Федерального закона № 64 позволил прийти к определенным результатам, которые можно концентрированно изложить в следующем варианте:

1. Система оснований приостановления предварительного расследования после длительного периода стагнации пополнилась новым основанием, продиктованным внешнеполитическими вызовами, необходимостью обеспечения национальной безопасности и суверенного интереса нашей страны.

2. Предложенный законодателем порядок приостановления предварительного расследования по новому основанию видится малоэффективным и вызывает определенные вопросы с позиции реализации принципа процессуальной самостоятельности следственных органов, а также процессуального руководства расследованием.

3. Историческое, научное и практическое значение Федерального закона № 64 видится во вводимых им особенностях правового и уголовно-процессуального регулирования правоотношений в период мобилизации, военного положения или военного времени. Возможно, мы являемся очевидцами зарождения дифференциации системы уголовного процесса России на общий и военный.

Уголовный процесс, подобно лакмусовой бумаге, позволяет отразить внутреннюю уголовную политику и силу государства. В сложном историческом периоде развития внешнеполитических отношений необходимости самоопределения в дальнейшем концептуальном совершенствовании национального законодательства видится объективная потребность в разработке современного уголовного процесса, отвечающего исторической форме, ментальной идеологии нашей страны и накопившемуся положительному правоприменительному опыту.

Библиографический список

1. Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / науч. ред. В. Т. Тomin, А. П. Попов и И. А. Зинченко. Пятигорск: Изд-во «РИА-КМВ», 2014. 412 с.
2. Ветрова Г. Н. [и др.]. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В. М. Савицкого. М., 1990. 317 с.
3. Проект ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка под руководством А. Д. Бойкова // Соц. законность. 1990. № 3. С. 34–47.
4. Проект рабочей комиссии Верховного Совета СССР с участием представителей Верховного Суда СССР и ученых // Известия. 1991. 28 июня.
5. Концепция уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации / под ред. С. Е. Вицина, Э. Ф. Куцовой, А. М. Ларина, И. Б. Михайловской, Т. Г. Морщаковой, С. А. Пашина, И. Л. Петрухина и Ю. И. Стецовского // Государство и право. 1992. № 8. 50 с.
6. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 547 с.
7. Чабукиани О. А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2022. 553 с.
8. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Том 2. Военное уголовное судопроизводство Швейцарии; Ювенальное уголовное судопроизводство Швейцарии; Противодействие коррупции в швейцарской юстиции; Правоохранительные органы и правосудие в кантонах Ааргау и Берн. М., 2018. 1006 с.
9. Трефилов А. А. Военный и ювенальный уголовный процесс Швейцарии: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 232 с.
10. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М., 2016. 510 с.
11. Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. 564 с.

References

1. Russian criminal trial. Problem lectures: textbook (for students of higher legal educational institutions) / scientific. ed. V. T. Tomin, A. P. Popov and I. A. Zinchenko. Pyatigorsk: «RIA-KMV», 2014. 412 p.

2. Vetrova G. N. [and oth.]. Criminal procedure legislation of the USSR and the RSFSR. Theoretical model / ed. V. M. Savitsky. M., 1990. 317 p.

3. Project VNII problems of strengthening law and order under the leadership of A. D. Boykov // Social. legality. 1990. No. 3. Pp. 34–47.

4. Draft working commission of the Supreme Soviet of the USSR with the participation of representatives of the Supreme Court of the USSR and scientists // Izvestia. 1991. June 28.

5. The concept of criminal procedure legislation of the Russian Federation / ed. S. E. Vitsina, E. F. Kutsova, A. M. Larina, I. B. Mikhailovskaya, T. G. Morshchakova, S. A. Pashin, I. L. Petrukhin and Yu. I. Stetsovsky // State and law. 1992. No. 8. 50 p.

6. Azarenok N.V. The concept of improving the Russian criminal process within the framework of its historical form: dis. ... dr. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2021. 547 p.

7. Chabukiani O. A. Theory of investigative activity: concept, functions, ways of improvement: dis. ... dr. jurid. sciences. SPb, 2022. 553 p.

8. Trefilov A. A. Criminal process of foreign countries. Vol. 2. Swiss military criminal proceedings; Juvenile criminal proceedings in Switzerland; Countering corruption in Swiss justice; Law enforcement and justice in the cantons of Aargau and Bern. M., 2018. 1006 p.

9. Trefilov A. A. Military and juvenile criminal proceedings in Switzerland: monograph. M.: Yurlitinform, 2024. 232 p.

10. Barabanov P. K. French criminal trial. M., 2016. 510 p.

11. Rusman G. S. Incentive forms of criminal proceedings: dis. ... dr. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2023. 564 p.

Информация об авторе

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент

Information about author

Latypov Vadim S. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья
УДК 343

Алгоритм действий сотрудника уголовного розыска на начальном этапе рассмотрения заявления или сообщения о преступлении как лица, производящего дознание (по материалам Республики Беларусь)

Пашута Наталья Николаевна
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь,
int@amia.by

Аннотация. В статье анализируется значение криминалистической алгоритмизации проведения проверок заявлений или сообщений о преступлениях. Обосновывается необходимость разработки алгоритмов действий сотрудников ОВД в зависимости от доследственных ситуаций, складывающихся на различных этапах проверки (начальном, промежуточном и заключительном). Автор приводит доводы в пользу того, что на стадии возбуждения уголовного дела начальному этапу проверки заявлений или сообщений о преступлениях принадлежит ключевая роль. На основании проведенного исследования выделены типичные доследственные ситуации данного этапа и предложены алгоритмы действий сотрудника ОВД как лица, производящего дознание.

Ключевые слова: криминалистическая алгоритмизация, проведение проверки, стадия возбуждения уголовного дела, преступления по линии уголовного розыска

Для цитирования: Пашута Н. Н. Алгоритм действий сотрудника уголовного розыска на начальном этапе рассмотрения заявления или сообщения о преступлении как лица, производящего дознание (по материалам Республики Беларусь) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 16–23.

Original article

Algorithm of actions of a criminal investigation officer at the initial stage of considering an application or report of a crime as a person conducting an inquiry (based on materials from the Republic of Belarus)

Pashuta Natalya N.
The Academy of the Ministry Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus,
int@amia.by

Abstract. The article analyzes the importance of forensic algorithmization for checking statements or reports of crimes. The necessity of developing action algorithms for police officers depending on pre-investigation situations that arise at various stages of the inspection (initial, intermediate and final) is substantiated. The author argues that at the stage of initiating a criminal case, the initial stage of verifying statements or reports of crimes plays a key role. Based on the conducted research, typical pre-investigation situations at this stage are identified and algorithms for the actions of a police officer as the person conducting the inquiry are proposed.

Keywords: forensic algorithmization, verification, the stage of initiation of a criminal case, crimes in the line of criminal investigation

For citation: Pashuta N. N. Algorithm of actions of a criminal investigation officer at the initial stage of considering an application or report of a crime as a person conducting an inquiry (based on materials from the Republic of Belarus) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 16–23.

© Пашута Н.Н., 2024

Статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь за 2023 г. свидетельствуют о том, что, что по линии уголовного розыска зарегистрировано 46,56 % преступлений. К ним в соответствии с локальными нормативными актами отнесены преступления против личности (жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы, личной свободы, чести и достоинства граждан, в том числе убийства, тяжкие телесные повреждения, изнасилования с покушениями и др.), против собственности (разбойные нападения, грабежи, кражи личного имущества граждан, кражи из жилищ, квартир и частных домов, мошенничества, вымогательства, поджоги; угоны транспортных средств и др.) и по розыску исчезнувших лица.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что одним из направлений повышения эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов по раскрытию и расследованию указанных видов преступлений является ее алгоритмизация, то есть разработка и внедрение в практическую деятельность научно обоснованных рекомендаций, представленных в виде алгоритмов действий.

На современном этапе развития криминалистических знаний алгоритмизация является востребованным направлением в криминалистике, прикладному значению которого в научной литературе посвящено большое количество работ, в том числе труды Р. С. Белкина, Л. Г. Видонова, Г. А. Густова, А. В. Дулова, И. П. Можяевой, А. Э. Набатовой, Д. А. Степаненко, А. Г. Филиппова и др. В то же время судебно-следственная практика свидетельствует о том, что успех раскрытия и расследования преступлений определяется еще в ходе проведения проверок по заявлениям или сообщениям о противоправных действиях. Следовательно, для того, чтобы указанная деятельность носила системный характер, а также была снижена вероятность совершения ошибок, влекущих за собой несвоевременность и неполноту установления обстоятельств проверяемого факта, необходимо применение криминалистической алгоритмизации.

Анализ специальной литературы позволяет отметить, что выбор средств, с помощью которых могут быть установлены данные, указывающие на признаки преступления, а также их последовательность и достаточность, зависит от целого ряда факторов, среди которых, на наш взгляд, ситуационные имеют особое значение. В этой связи полагаем, что наиболее целесообразной, с точки зрения оптимизации деятельности сотрудника ОВД как лица, производящего дознание, является разработка алгоритма действий по проведению проверки в зависимости от следственных ситуаций, складывающихся на различных этапах (начальном, промежуточном и заключительном) ее проведения [1].

На наш взгляд, начальному этапу проведения проверки (с момента поступления заявления или сообщения о преступлении и до истечения трех суток)

на стадии возбуждения уголовного дела принадлежит ключевая роль. В этот период уголовно-процессуальная деятельность осуществляется, как правило, в условиях информационной неопределенности, дефицита времени, неотложности производства следственных и иных процессуальных действий, а также других факторов, усложняющих исходную ситуацию. На указанном этапе проведения проверки сотрудник ОВД как лиц, производящее дознание, решает задачи по обнаружению, закреплению и сохранению максимально возможной криминалистически значимой информации, выявлению очевидцев совершенного деяния, а иногда и пострадавших, проверке достоверности предоставленных ими сведений, розыску и задержанию заподозренного лица, обнаружению и изъятию предметов преступного посягательства, обеспечению возмещения ущерба, установлению причин и условий, способствующих совершению деяния, позволяющих принять своевременное решение о необходимости возбуждения уголовного дела.

Проведенный анализ материалов по преступлениям по линии уголовного розыска позволяет сгруппировать: начальные доследственные ситуации, исходя из поводов, послуживших отправной точкой проведения проверки и степени информированности о произошедшем событии:

1. *Ситуации группы № 1* – проверка, сопровождаемая сбором информации в полном объеме: в этом случае поводом к началу ее проведения служат заявления гражданина, сообщение должностного лица государственных органов и иных организаций о наступлении вредных последствий (например, сообщение из лечебных учреждений об обратившихся (поступивших) гражданах с травмами, отравлениями криминального характера; сообщение о повреждении либо хищении имущества и др.), непосредственное обнаружение органами уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления, осуществление ведомственного контроля и прокурорского надзора, а также явка с повинной.

2. *Ситуации группы № 2* – проверка, для которой характерно проведение незначительного объема проверочных действий, отправной точкой для которых могут стать непосредственное обнаружение органами уголовного преследования в ходе осуществления оперативно-розыскной, административной и уголовно-процессуальной деятельности сведений, указывающих на признаки состава преступления, сообщение должностного лица государственных органов и иных организаций о результатах проведенного дисциплинарного расследования.

Приступая к описанию алгоритмов действий сотрудника ОВД необходимо учитывать, что к криминалистическим алгоритмам при проведении проверок заявлений и сообщений о преступлениях должны предъявляться следующие требования: гарантии быстрого и полного получения всей необходимой криминалистически значимой информации как в ходе деятельности по раскрытию и расследованию престу-

плений, так и на отдельных ее этапах; динамичность в виде непрерывного учета всех значимых изменений криминалистической ситуации и автоматической корректировки действий, максимальная доступность для сотрудников с любыми способностями и профессиональным опытом; конкретность и детальность алгоритмических рекомендаций [2, с. 83–84], а также использование средств проведения проверки, разрешенных на данном этапе уголовного производства.

Изучение судебно-следственной практики, а также личный практический опыт автора свидетельствуют о том, что первая группа начальных доследственных ситуаций вызывает наибольшие затруднения, связанные с дефицитом информации, так как, чем меньше степень ясности события, тем больше объем закрепляемых сведений [3, с. 130].

Таким образом, на наш взгляд, наиболее полный **алгоритм действий сотрудника ОВД как лица, производящего дознание, по проведению проверки для первой группы начальных доследственных ситуаций** может быть описан исходя из способа поступления информации о произошедшем в правоохранительные органы: по специальной линии «102» (ситуация № 1.1); путем непосредственного прибытия заявителя (ситуация № 1.2); опосредованным способом – почтовая связь, электронная почта, размещение информации в специальной рубрике на официальном сайте ОВД в глобальной компьютерной сети Интернет, поступление данных из иных ОВД для рассмотрения их по территориальности (ситуация № 1.3).

Так, рассматривая ситуацию № 1.1, когда **заявление или сообщение о преступлении в ОВД поступило по специальной линии «102»**, отметим, что при получении информации о совершении деяния, содержащего признаки состава преступления, оперативный дежурный ОВД организует убытие на место происшествия группы быстрого реагирования и, как правило, следственно-оперативной группы (далее – СОГ) под руководством следователя либо лица, производящего дознание, т. е. сотрудника ОВД. Отдельно необходимо указать, что в тех случаях, когда СОГ руководит следователь, сотрудник ОВД, являясь ее участником, выполняет обязанности сотрудника оперативного подразделения либо участкового инспектора милиции. Следовательно, в тех случаях, когда СОГ руководит сотрудник ОВД как лицо, производящее дознание, порядок проведения проверочных действий, их последовательность, а также участие тех или иных специалистов определяет именно он.

Таким образом, алгоритм действий сотрудника ОВД в тех случаях, когда под его руководством осуществляется выезд СОГ на место происшествия, будет зависеть от мероприятий, направленных на подготовку к выезду, от результатов непосредственного осмотра места происшествия, а также от анализа полученных результатов всех действий.

В ходе организации выезда на место происшествия сотрудник ОВД получает информацию лично либо через оперативного дежурного о лице, заявив-

шем о совершении деяния, и фигурирующих в произошедшем событии, предмете, средствах, а также об обстоятельствах совершенного деяния. При этом используются оперативные, криминалистические и иные базы данных и информационные системы. В необходимых случаях задействуются современные технические возможности и ресурсы информационных и вычислительных центров городского, областного и республиканского уровня.

По прибытии на место происшествия сотрудник ОВД:

1. Предпринимает меры по недопущению оставления собственных следов на месте происшествия (например, неопозволительно касаться открытыми участками рук предметов и объектов, оставлять собственные окурки от сигарет и другой биологический материал, перемещать предметы из одного положения в другое, уничтожать либо повреждать видимые следы совершенного деяния и др.), использует резиновые перчатки и бахилы.

2. Получает исходную информацию от пострадавшего (заявителя), очевидцев, в том числе сотрудников ОВД, прибывших первыми на место происшествия, о времени, месте, способе и средствах совершения деяния (идентификационные номера, индивидуальные признаки и др.), об обстоятельствах, предшествовавших деянию, лице, предположительно совершившем деяние (анкетные и контактные данные, место жительства, пол, возраст, рост, телосложение, приметы одежды, обуви и др.) и о характере его взаимоотношений с заявителем, очевидцем, свидетелем до совершения деяния (если таковое имело место), а также об иных источниках информации (например, документы и иные предметы, подтверждающие право собственности на предмет преступного посягательства, фотографии похищенного имущества, данные лица, с которым оно приобреталось, фото- и видеоизображения и др.). Устанавливает путь движения потерпевшего и заподозренного лица к месту совершения деяния, перечень предметов, принадлежащих указанным лицам, которые могли остаться на месте происшествия и др.

3. На основании полученных сведений производит осмотр места происшествия, предварительно определив круг участников данного следственного действия, включая следователя и специалиста Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ), составив перечень применяемых научно-технических средств, уточнив границы осмотра и объекты, подлежащие изъятию.

4. Проводит поисковые мероприятия, направленные на установление орудий, средств, предмета совершения деяния, очевидцев произошедшего, лиц, совершивших деяние, а также получение иных сведений, имеющих значение для принятия уголовно-процессуального решения, в том числе посредством сети Интернет.

5. Изучает личность заподозренного лица (элементы и признаки внешности, место жительства, круг

общения, номер телефона), уделив особое внимание судимости, возможному состоянию опьянения во время совершения деяния и др. А при наличии оснований предполагать, что указанное лицо может скрыть свое местонахождение, уничтожить следы деяния, предпринимает меры к его задержанию «по горячим следам». Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что не во всех случаях необходимо предпринимать меры к незамедлительному задержанию заподозренного, так как зачастую он может и не подозревать, что в отношении него в ОВД поступило заявление или сообщение о преступлении. Данные обстоятельства позволяют сотруднику изучить его личность (правовой статус, возраст, материальная составляющая, его передвижения накануне, в момент и после совершения деяния, а также иной характеризующий материал), получить необходимую информацию об обстоятельствах совершенного деяния, что в дальнейшем позволит грамотно выбрать тактику проведения следственных и иных процессуальных действий с участием заподозренного лица.

6. При необходимости истребует в соответствии с ч. 2 ст. 103 и ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь в учреждениях и организациях предметы и документы, на которых могут быть оставлены следы (в широком смысле слова), в том числе имеющие значение для принятия законного и обоснованного решения по материалу проверки, после чего производит их осмотр.

В общем порядке получение документов возможно путем направления соответствующего письменного требования (запроса) на имя руководителя организации или ее подразделения, а также в соответствии с Инструкцией о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) их копий органами внутренних дел, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 16 апреля 2004 г. № 88 (в редакции от 26 мая 2009 г. № 166) путем составления протокола изъятия.

Несмотря на установленный порядок истребования дополнительных сведений, на практике возникают ситуации, когда сотрудник ОВД при проведении поисковых мероприятий не может указанными способами получить необходимую информацию. Например, если категории документов и предметов не подпадают под регламентацию указанной Инструкции, а направить запрос от своего имени сотрудник ОВД не уполномочен, так как ч. 2 ст. 39 УПК предусмотрено его утверждение начальником органа дознания. При этом отмеченные обстоятельства в силу промедления могут привести к уничтожению либо частичному изменению необходимых предметов и документов (например, уничтожение записи видеонаблюдения).

Анализ специальной литературы позволяет нам предположить, что решить указанные затруднения возможно в соответствии с ч. 4 ст. 103 УПК, согласно которой доказательства (в том числе и при рассмо-

трении заявления или сообщения о преступлении) могут быть добровольно представлены любыми физическими и юридическими лицами. В связи с информационно-недостаточностью в ходе проведения проверки видится целесообразным принимать все представленные участниками предметы и документы [4, с. 11].

Следовательно, придерживаясь позиции И. В. Данько, И. М. Князева, П. В. Мытника, А. В. Победкина, В. Н. Яшина и других ученых, считаем, что получение добровольно предоставленных предметов, документов и иных носителей информации следует оформлять путем составления процессуального документа – протокола, правильное наименование которого «Протокол получения предмета (документа, другого носителя информации)» либо «Протокол получения и осмотра предмета (документа, другого носителя информации)», со ссылкой на п. 34 ст. 6 и ч. 4 ст. 103 УПК и статьи, регламентирующие основания и порядок проведения осмотра [5, с. 140–141].

7. При необходимости производит осмотр компьютерной информации, в том числе удаленной. Особое место, что подтверждают изученные материалы проверок по преступлениям по линии уголовного розыска, среди носителей цифровой информации, занимает смартфон (мобильный телефон). Так, при его осмотре можно обнаружить: сведения об обслуживающем операторе, тарифе, видах предоставляемых услуг; цифровые следы о времени и содержании соединений (сообщений, телефонных разговоров) с другими абонентами или устройствами (серверами); записи в телефонной книге; электронные файлы; фотографии и др. Отдельное внимание уделяется установленным приложениям (Viber, Skype, WhatsApp, Facebook, V Kontakte и др.). Цифровая информация в мобильном телефоне хранится в файлах и представлена в виде текстовой, числовой, графической информации, фото- и видеоизображений и т. д. [6, с. 41].

8. Получает объяснение у заявителя (пострадавшего), очевидцев и иных лиц, располагающих криминалистически значимой информацией об обстоятельствах предкриминального, криминального и посткриминального характера (об этом указано в пункте 2 ситуации № 1.1).

9. При необходимости в целях обнаружения следов совершенного деяния, телесных повреждений, выявления состояния алкогольного опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для рассмотрения заявления или сообщения по существу, выносит постановление о проведении освидетельствования лица.

Изучение материалов говорит о том, что освидетельствование участников проверки проводилось на предмет нахождения в состоянии алкогольного и иного опьянения. В то же время, на наш взгляд, сотрудники ОВД необоснованно недооценивают указанное следственное действие. Так, проведение судебно-медицинской экспертизы может быть затруднено по различным причинам, которые связаны

с тем, что прошло какое-то время (следы на теле и одежде уничтожены), отсутствием связи с потерпевшим (нет мобильного телефона, не проживает по указанному месту жительства, скрывает свое местонахождение), его нежеланием дальнейшего рассмотрения заявления или сообщения о преступлении и др. Все это в свою очередь не позволяет эксперту в полном объеме провести исследование. В этой связи, полагаем, что перед вынесением постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы на предмет определения степени и характера получения телесных повреждений, необходимо провести освидетельствование, в том числе путем дополнительного фиксирования посредством использования фото- и видеотехники в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, а также путем изготовления фотографий в цвете и размещения их в фототаблице. На наш взгляд, это позволит дополнительно получить источники доказательственной информации о следах совершенного деяния, а по определенным видам преступлений вынести итоговое законное и обоснованное уголовно-процессуальное решение.

10. При необходимости для определения степени и характера получения телесных повреждений, а также размера причиненного ущерба выносит постановление о проведении судебной экспертизы.

11. При необходимости выносит постановление и производит отбор образцов для сравнительного исследования в порядке ст. 234 УПК Республики Беларусь. Здесь внимание обращается на то, что в соответствии с указанной статьей получение для сравнительного исследования образцов почерка относится к экспериментальным образцам. Получение же свободных образцов почерка для сравнительного исследования возможно путем оформления акта добровольной выдачи, то есть протоколом получения предметов и документов. В случае отказа от предоставления отмеченных образцов сотрудник ОВД должен принять меры по их обнаружению и последующему изъятию посредством проведения процессуальных действий (например, запрос на их получение в школу, проведение осмотров места происшествия, предметов и документов и др.), допустимых в рамках проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Для получения условно-свободных образцов почерка сотрудник ОВД может использовать собственноручно выполненные пострадавшим (заявителем), заподозренным (подозреваемым) рукописные тексты (например, написанное им заявление, объяснение, фрагмент протокола).

12. В случае нахождения заподозренного лица на месте происшествия необходимо: а) при наличии оснований задержать его в порядке УПК Республики Беларусь; б) провести личный обыск в целях обнаружения предмета преступного посягательства, орудий его совершения и иных предметов, на которых могут быть сохранены материальные следы произошедшего события; в) провести осмотр места задержания, а

также иных мест возможного обнаружения предмета преступного посягательства, орудий его совершения и иных предметов, на которых могут быть сохранены следы произошедшего события, позволяющие установить обстоятельства деяния (время, место, способ и др.), а также выявление данных, опровергающих либо подтверждающих причастность лица к совершению деяния; г) при необходимости провести освидетельствование заподозренного лица; д) при необходимости получить образцы для сравнительного исследования; е) при необходимости вынести постановление о проведении судебно-медицинской экспертизы; ж) получить объяснение у заподозренного лица. В случае отказа от дачи объяснений либо предоставления заподозренным лицом противоречивых объяснений установить мотивы и причины этого.

По прибытии с осмотра места происшествия сотрудник ОВД:

1. Изучает собранные материалы.
2. Посредством использования оперативных, криминалистических и иных баз данных и информационных систем, проводит проверку сведений, полученных при производстве вышеуказанных действий.
3. Передает в оперативно-дежурную службу ОВД подготовленную телеграмму о похищенном имуществе, приметах подозреваемого и др.
4. В установленном порядке осуществляет постановку на учет похищенных, изъятых вещей и документов, имеющих индивидуальные номера, присвоенные изготовителем.
5. При необходимости составляет направление в территориальный орган ГКСЭ Республики Беларусь и обеспечивает явку лица для составления субъективных портретов подозреваемых в совершении деяния, и демонстрации выборки изображений лиц, помещенных в автоматизированную систему портретной идентификации.
6. При необходимости дальнейшего исследования изъятых в ходе осмотра предметов (следов) направляет их на экспертизу (баллистическую, дактилоскопическую, трасологическую, почерковедческую, технико-криминалистическую экспертизу документов и реквизитов, автотехническую, генотипоскопическую, судебно-медицинскую экспертизу физического лица и др.).
7. На основании полученной информации определяет дальнейшее проведение неотложных следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий.

В свою очередь **сотрудник ОВД в ситуации, когда заявление или сообщение о преступлении поступило путем непосредственного прибытия заявителя** (ситуация № 1.2):

1. Получает исходную информацию у заявителя и иных присутствующих с ним лиц, и располагающих криминалистически значимой информацией об обстоятельствах предкриминального, криминального и посткриминального характера (об этом указано в п. 2 ситуации № 1.1).

2. В случаях, не требующих отлагательств, незамедлительно выбывает на место происшествия и производит его осмотр, предварительно рассмотрев вопрос о возможном участии заявителя (потерпевшего) после изучения личности, так как, излагая механизм совершения деяния, он может способствовать исследованию материальной обстановки, а его пояснения позволяют более точно установить изменения, их объем, наличие или отсутствие отдельных материальных объектов, составляющих ранее элементы обстановки [7]. Порядок действий сотрудника ОВД при выезде на место происшествия осуществляется в последовательности, указанной в ходе рассмотрения ситуации № 1.1. В случае задержания лица действия сотрудника ОВД проводятся также как в ситуации, указанной в п. 5 и 12 ситуации № 1.1.

3. Получает информацию о лице, заявившем о совершении деяния, и фигурирующих в ней событиях, предмете, средствах, а также об обстоятельствах совершенного деяния посредством использования оперативных, криминалистических и иных баз данных и информационных систем, используя современные технические возможности и ресурсы информационных и вычислительных центров городского, областного и республиканского уровня.

4. При необходимости проводит поисковые мероприятия в сети Интернет.

5. Получает объяснения заявителя (пострадавшего), очевидцев и иных лиц, совместно прибывших в ОВД и располагающих криминалистически значимой информацией, указанной в п. 2 ситуации № 1.1.

6. Получает у заявителя (пострадавшего), лиц с ним присутствующих и имеющих отношение к произошедшему событию, предметы и объекты, на которых могут быть оставлены следы (в широком смысле слова) произошедшего события, а также истребует предметы и документы, принадлежащие либо находящиеся в распоряжении у соответствующих учреждений либо организаций, после чего проводит их осмотр. Порядок действий определен в п. 6 ситуации № 1.1.

7. При необходимости производит осмотр компьютерной информации.

8. При необходимости производит освидетельствование заявителя (пострадавшего лица) в целях обнаружения следов совершенного деяния, телесных повреждений, выявления состояния алкогольного опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для рассмотрения заявления или сообщения по существу. Порядок действий определен в п. 9 ситуации № 1.1.

9. При необходимости для определения степени и характера получения телесных повреждений, а также размера причиненного ущерба выносит постановление о проведении судебно-медицинской экспертизы.

10. При необходимости производит отбор образцов для сравнительного исследования. Порядок действий определен в п. 11 ситуации № 1.1.

11. При необходимости организует подготовку телеграммы о похищенном имуществе, приметах подозреваемого, средствах совершения деяния, а также осуществляет постановку на учет похищенных, изъятых вещей и документов, имеющих индивидуальные номера, присвоенные изготовителем.

12. При необходимости составляет направление в территориальный орган ГКСЭ Республики Беларусь и обеспечивает явку лица для составления субъективных портретов, подозреваемых в совершении деяния, и демонстрации выборки изображений лиц, помещенных в автоматизированную систему портретной идентификации.

13. При необходимости дальнейшего исследования направляет изъятые и предоставленные следы, предметы и объекты на исследование.

В ситуации, когда заявление или сообщение о преступлении поступило опосредованно (ситуация 1.3) через почтовую связь, электронную почту, размещение в специальной рубрике на официальном сайте, поступление из иных ОВД по территориальности, сотрудник ОВД должен действовать следующим образом:

1. Изучает первичные данные, содержащиеся в поступившем заявлении или сообщении о преступлении либо в поступившем материале проверки (результаты осмотра места происшествия, предметов и объектов, компьютерная информация, объяснения и др.), в соотношении с уголовно-правовой и криминалистической характеристикой заявленного деяния на предмет выдвижения версий произошедшего и определения недостающей криминалистически значимой информации.

2. Получает информацию о лице, заявившем о совершении деяния, и фигурирующих в ней лицах, предмете, средствах, а также об обстоятельствах совершенного деяния посредством использования оперативных, криминалистических и иных баз данных и информационных систем, в том числе информационных и вычислительных центров городского, областного и республиканского уровня, что позволяет проверить предоставленные сведения, устранить противоречия, а также изобличить ложь.

3. При необходимости получает информацию, в том числе дополнительную, от заявителя и иных лиц, которые могут подтвердить либо опровергнуть изложенные в заявлении факты, от сотрудников, первоначально реагировавших на заявление или сообщение о преступлении (в случае поступления материала из иного ОВД для рассмотрения по территориальности), а также от иных сотрудников правоохранительных органов, учреждений, организаций и лиц, располагающих сведениями предкриминального, криминального и посткриминального характера, указанных в п. 2 ситуации № 1.1.

4. При необходимости получает консультацию относительно предмета проведения проверки у соответствующих специалистов.

5. Определяет и при необходимости проводит:

а) неотложные следственные и иные процессуальные действия для закрепления и сохранения быстро

утрачиваемых следов произошедшего события, в том числе путем направления усилий со стороны заинтересованных лиц (например, производит осмотр места происшествия, компьютерной информации, получает объяснения от лиц, которые по объективным причинам в последующем не могут быть опрошены, выносит постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, осуществляет постановку на учет похищенных, изъятых вещей и документов, имеющих индивидуальные номера, присвоенные изготовителем и др.);

б) оперативно-розыскные мероприятия (в том числе в сети Интернет), направленные на установление заподозренного лица, очевидцев произошедшего, орудий, средств и предмета совершения деяния, а также на получения иных сведений, имеющих значение для принятия уголовно-процессуального решения.

Порядок действий сотрудника ОВД при выезде на место происшествия осуществляется в последовательности, указанной в ходе рассмотрения ситуации № 1.1, а в случае задержания лица – в последовательности, указанной в п. 5 и 12 ситуации № 1.1.

6. Планирует и производит следственные и иные процессуальные действия, разрешенные ст. 173 УПК Республики Беларусь, порядок и последовательность проведения которых зависит от объема первичной информации, взаимоотношений между участниками проверки и др. В этой связи при наличии достаточной информации, содержащейся в поступившем заявлении или сообщении о преступлении, на наш взгляд, в первую очередь необходимо планировать проведение таких действий, в ходе которых одновременно можно проверить несколько версий произошедшего, а также получить недостающую информацию, позволяющую в последующем использовать ее при получении объяснений от заинтересованных участников проверки, в том числе для устранения возникших противоречий.

В отличие от ситуаций группы № 1 для ситуаций группы № 2 характерно осуществление незначительного объема проверочных действий, так как в поступивших материалах как правило содержится криминалистически значимая информация о времени, месте, способе и средствах совершения деяния, об обстоятельствах, предшествовавших ему, а также об иных источниках информации. Зачастую в них имеются проведенные в рамках оперативно-розыскной, административной либо уголовно-процессуальной деятельности опросы лиц, осмотры, различного рода заключения, истребованные предметы и документы, принадлежащие либо находящиеся в распоряжении соответствующих учреждений и организаций (здравоохранения, ЗАГС, эксплуатация жилищного фонда, банки, кредитно-финансовые структуры, страховые, операторы электросвязи, агентства по государственной регистрации и земельного кадастра, военные комиссариаты, инспекции по налогам и сборам и др.). Таким образом, ряд действий, которые описаны нами

в ходе рассмотрения ситуаций группы № 1, выполнен, что обуславливает следующий порядок действий для ситуаций группы № 2. Так, сотрудник ОВД:

1. Анализирует имеющиеся данные в соотношении с уголовно-правовой и криминалистической характеристикой заявленного деяния на предмет определения недостающей криминалистически значимой информации.

2. При необходимости получает консультацию о предмете проведения проверки у соответствующих специалистов.

3. Определяет и при необходимости производит неотложные следственные и иные процессуальные действия, а также оперативно-розыскные мероприятия, отмеченные в п. 5 ситуации 1.3.

4. Планирует и производит следственные и иные процессуальные действия, а также при необходимости оперативно-розыскные мероприятия, направленные на устранение имеющихся в предоставленных материалах противоречий, а также на получение недостающей криминалистически значимой информации о признаках преступления, совокупность которых позволяет принять законное и обоснованное уголовно-процессуальное решение по поступившему сообщению о преступлении.

В заключении отметим, что в условиях информационной неопределенности и ограниченности времени проведения проверки криминалистическая алгоритмизация способствуют получению максимально возможной криминалистически значимой информации, позволяющей определить достаточность данных, указывающих на наличие либо отсутствие признаков преступления. Предложенные нами алгоритмы действий сотрудника ОВД как лица, производящего дознание, на начальном этапе проведения проверки являются примерными и в зависимости от складывающейся ситуации и от конкретного уголовно-наказуемого деяния могут быть дополнены. Они будут являться серьезным подспорьем для сотрудников ОВД, а также могут быть использованы в качестве практических ситуаций, подлежащих изучению на этапе вузовской подготовки будущих специалистов правоохранительных органов, в том числе на подготовительных курсах и на курсах повышения квалификации действующих сотрудников.

Библиографический список

1. Пашута Н. Н. Ситуационный подход при проведении проверки по заявлениям или сообщениям о преступлениях // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2023. № 1. С. 202–209.
2. Ищенко Е. П. Алгоритмизация следственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 304 с.
3. Меликян М. Н. Процессуальные и криминалистические аспекты предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 225 с.

4. Колесникова О. В. Собираание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2016. 24 с.

5. Мытник П. В. Иные процессуальные действия, направленные на собиание доказательств // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2023. № 2. С. 138–145.

6. Акиев А. Р., Сотников К. И. Тактика следственно-го осмотра и исследования цифровой информации средств телекоммуникации и Интернета: учебно-практическое пособие // Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб, 2023. 68 с.

7. Синенко С. А. Участие потерпевшего в осмотре // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Естественные, технические и медицинские науки. 2013. № 6. С. 11–15.

References

1. Pashuta N. N. Situational approach when conducting inspections based on statements or reports of crimes // Bulletin of the Academician Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus. 2023. No. 1. Pp. 202–209.

2. Ishchenko E. P. Algorithmization of investigative activities: monograph. M.: Yurlitinform, 2010. 304 p.

3. Melikyan M. N. Procedural and forensic aspects of preliminary verification of statements and reports of crimes: dis. ... cand. legal sci. Krasnodar, 1998. 225 p.

4. Kolesnikova O. V. Collecting evidence at the stage of initiating a criminal case: abstract. dis. ... cand. legal sci. Minsk, 2016. 24 p.

5. Mytnik P. V. Other procedural actions aimed at collecting evidence // Bulletin of the Academician Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus. 2023. No. 2. Pp. 138–145.

6. Akiev A. R., Sotnikov K. I. Tactics of investigative inspection and research of digital information of telecommunications and the Internet: educational and practical guide // St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg, 2023. 68 p.

7. Sinenko S. A. Participation of the victim in the examination // Scientific notes of the Oryol State University. Series: Natural, technical and medical sciences. 2013. No. 6. Pp. 11–15.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: правовое регулирование и теоретический анализ

Спирин Александр Владимирович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, a_v_spirin@bk.ru

Аннотация. Автор анализирует в статье уголовно-процессуальные функции прокурора в досудебном производстве, используя данную категорию в качестве исследовательского инструмента. Такой подход позволяет более детально изучить уголовно-процессуальную деятельность прокурора, охватить те ее стороны и составные части, которые зачастую остаются без соответствующего внимания ученых на периферии исследовательского интереса. В статье предлагается выделить (не закрепляя прямо в законе) дополнительно два направления деятельности прокурора, связанные с исследованием обстоятельств дела и обеспечением прав участников уголовного судопроизводства. Данные направления уже реализуются в рамках действующего законодательства, но, как полагает автор, нуждаются в осмыслении и совершенствовании. На основании проведенного исследования в статье предлагаются некоторые изменения в существующее правовое регулирование, расширяющие и конкретизирующие правовые средства прокурора.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная функция, прокурор, прокурорский надзор, уголовное преследование, исследование обстоятельств уголовного дела, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, досудебное производство, полномочия

Для цитирования: Спирин А. В. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: правовое регулирование и теоретический анализ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 24–30.

Original article

Functions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings: legal regulation and theoretical analysis

Spirin Alexander V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, a_v_spirin@bk.ru

Abstract. The author analyzes in the article the criminal procedure functions of the prosecutor in pre-trial proceedings, using this category as a research tool. This approach allows us to study in more detail the criminal procedure activities of the prosecutor, to cover those parties and components that often remain without the appropriate attention of scientists, on the periphery of research interest. The article proposes to distinguish (without directly enshrining in the law) an additional two areas of activity of the prosecutor related to the study of the circumstances of the case and ensuring the rights of participants in criminal proceedings. These areas are already being implemented within the framework of the current legislation, but, according to the author, they need to be comprehended and improved. Based on the study, the article proposes some changes to the existing legal regulation, expanding and specifying the legal means of the prosecutor.

Keywords: criminal procedure function; prosecutor; prosecutor's supervision; criminal prosecution; investigation of the circumstances of the criminal case; ensuring the rights of participants in criminal proceedings; pre-trial proceedings; powers

For citation: Spirin A. V. Functions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings: legal regulation and theoretical analysis // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 24–30.

Какие функции осуществляет прокурор в уголовном судопроизводстве? Каково их число? Ответы на эти вопросы могут уложиться в нескольких строках ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) либо занять впечатляющий объем солидной диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук [1]. При этом различаться будет как количество, так и наименование функций. В интервале между лаконичностью законодателя (фактически упоминающего функции участников уголовного судопроизводства только в п. 45 ст. 5, ст. 21 и, неявно, в ч. 1 ст. 37 УПК РФ) и обстоятельностью исследования А. А. Тушева (ученый выделяет систему из шести функций) лежит неисчислимо множество самых оригинальных точек зрения, нашедших отражение в различных научных публикациях. Справедливости ради, следует отметить, что неопределенность функциональной характеристики свойственна не только процессуальной фигуре прокурора, но фигуре еще одного ключевого участника уголовного судопроизводства – следователя.

Невольно возникает искушение присоединиться к оценке одного из известных правоведов, заявившего применительно к понятию функции в праве, что «более неопределенного, неточного и некорректного определения понятия в общественных науках не имеется» [2, с. 46]. Но при этом вопрос о функциях прокурора в уголовном судопроизводстве оставить без детального рассмотрения. Тем более, что законодательство (ст. 129 Конституции РФ, ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ» и упомянутые статьи УПК РФ), используя термин функции, не раскрывает его содержание, а лишь предписывает прокурору выполнение функций уголовного преследования от имени государства и осуществление надзора (ст. 37 УПК РФ уточняет: «за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия»). А раз функции предписаны прокурору законодательно, то и спорить не о чем.

Но можно подойти к поставленной проблеме иначе, используя понятие «функция» в качестве исследовательского инструментария «для правильного определения правового статуса» интересующего нас участника уголовного судопроизводства. Тогда на первый план выходит «служебная», исследовательская роль данного понятия [3; 4].

Выбирая такой подход («функция – исследовательский инструмент», необходимый, в конечном итоге, для правильного, основанного на научном анализе определения полномочий конкретного участника уголовного судопроизводства), нужно определиться, что мы будем понимать под функцией вообще и функцией участника уголовного судопроизводства в частности. Существуют две кардинальные позиции. В первом случае – это *отдельные виды, направления уголовно-процессуальной деятельности*, различающиеся по своей направленности, т. е. ближайшей цели, на достижение которой направлен данный вид деятельности. Вторая позиция состоит в том, что функции – это определяемые нормами права и вы-

раженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности *специальное назначение и роль ее участников или основная, ведущая процессуальная обязанность*, в которой проявляется главное назначение и роль каждого из участников [4].

В настоящей публикации мы намерены придерживаться первой позиции, рассматривая функции как отдельные виды или направления единой уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Уточнив понимание используемой терминологии, конкретизируем и поставленный в начале статьи вопрос: какие функции осуществляет прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства? Такое уточнение необходимо, поскольку очевидным представляется, что характер уголовно-процессуальной деятельности прокурора в судебных стадиях существенно отличается и требует отдельного рассмотрения.

Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в первых двух стадиях уголовного процесса представляет собой систему (насколько такая система полна, непротиворечива, совершенна – другой вопрос) закрепленных в УПК РФ действий и решений прокурора. Рассмотрим ее отдельные элементы, определяя возможность их отнесения к прямо названным законом функциям либо (предположим) к направлениям, в законе не упомянутым, но фактически существующим, требующим изучения и осмысления.

1. Функция уголовного преследования и полномочия, с помощью которых она реализуется.

Несмотря на однозначное отнесение законодателем прокурора к участникам со стороны обвинения, а также четкое указание на то, что он осуществляет уголовное преследование от имени государства, далеко не все процессуалисты согласятся с тем, что прокурор выполняет такую деятельность в досудебном производстве. Так, по мнению Ю. К. Якимовича, прокурор (а также следователь и дознаватель) должен быть исключен из числа участников со стороны обвинения. Его функция – надзор [5, с. 168]. Известные резоны для такого вывода есть, но определенные элементы избочительной направленности в деятельности прокурора в досудебном производстве имеются. Упомянем такие полномочия прокурора, как:

- выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В данном случае очевидна направленность решения прокурора: выявив нарушение уголовного закона (не обязательно в сфере уголовно-процессуальной деятельности), он инициирует уголовное преследование;

- давать дознавателю письменные указания о направлении расследования (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В данном случае широкое понятие «направление расследования» может предусматривать, например, постановку вопроса о расширении объема подозрения или круга подозреваемых по делу, определении ква-

лификации деяния и т. п., т. е. это руководство уголовным преследованием;

- утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Нельзя оставить без внимания тот факт, что решение о передаче уголовного дела в суд, т. е. о том, что изобличительная деятельность следователя (дознателя) достигла требуемого результата, принимает прокурор. Что это, если не элемент уголовного преследования, перевода его на другой этап или уровень?

Наш перечень можно продолжать, но представляется несомненным, что такое направление как уголовное преследование в деятельности прокурора в досудебном производстве присутствует. Другое дело, достаточно ли у прокурора полномочий для полноценного осуществления уголовного преследования? На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным. Нельзя вести речь о полноценном уголовном преследовании, не имея возможности принятия самостоятельного и категоричного решения о его начале, т. е. о возбуждении уголовного дела. Подчеркнем: не о постановке вопроса о начале уголовного преследования (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), а именно об «открытии» процедуры уголовного преследования.

Таким образом, если законодатель видит в прокуроре должностное лицо, осуществляющее по долгу службы уголовное преследование, то следует, прежде всего, вернуть ему право на возбуждение уголовного дела.

II. Функция надзора и полномочия, с помощью которых она реализуется.

Несмотря на самоочевидность утверждения «прокурор осуществляет надзор», с данной функцией все не так просто. Во-первых, надзор – функция не уголовно-процессуальная, и целый ряд авторитетных исследователей отрицают ее наличие у прокурора (они видят в прокуроре «уголовного преследователя») [6; 7]. Во-вторых, мы уже обратили внимание на уточнение ч. 1 ст. 37 УПК РФ: прокурор осуществляет надзор именно за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Как быть, если нарушения закона допущены со стороны, например, защитника? УПК РФ такой возможности (вполне реальной) не предусматривает.

Как бы то ни было, согласимся с наиболее распространенной и основанной на законе точке зрения: прокурор осуществляет надзор в досудебном производстве. Об этом свидетельствуют, например, такие его полномочия:

- проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Проверка исполнения закона – это несомненный элемент надзорной деятельности;

- требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, произ-

водстве дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

- возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Данный перечень тоже может быть продолжен. Оптимален ли «надзорный арсенал» прокурора? Рискнем снова дать отрицательный ответ. Критика наполнения правовыми средствами надзорного направления уголовно-процессуальной деятельности прокурора разделяется на два направления. С одной стороны, за рамками прокурорского надзора остаются некоторые решения следователя (например, в соответствии с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ прокурор лишен возможности проверки на соответствие закону постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и о назначении уголовно-преследуемому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа). С другой – вызывает сомнения, например, оправданность наделяния прокурора полномочием по отстранению дознавателя от дальнейшего расследования уголовного дела, если тем допущено нарушение требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Представляется, что приведенное полномочие свойственно другому виду деятельности – контролю за процессуальной деятельностью.

Нельзя не отметить важное обстоятельство: выделение отдельных полномочий прокурора, присущих именно надзору или именно уголовному преследованию, носит достаточно условный характер. Н. В. Мельников и поддержавшие его позицию А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева и Н. В. Буланова обращают внимание на то, что полномочия прокурора в ряде случаев одновременно направлены на реализацию и надзорной функции, и функции уголовного преследования [8; 9]. Истоки отмеченной условности связаны, по мнению исследователей, с неразрывностью осуществления функций уголовного преследования и надзора в деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. Очевидно, что поскольку уголовно-процессуальная деятельность прокурора едина, то многие средства, с помощью которых она осуществляется, позволяют ему реализовывать сразу несколько функций. Примером может служить полномочие, закрепленное в ч. 1 ст. 221 УПК РФ: прокурор рассматривает (т. е. проверяет исполнение процессуального законодательства, соблюдение прав участников) уголовное дело, поступившее от следователя, и, в зависимости от результата проверки, направляет уголовное дело в суд (принимая на себя дальнейшее осуществление уголовного преследования) либо возвращает дело для устранения выявленных нарушений. Существующая условность разделения полномочий прокурора не мешает ученым при анализе тех или иных правовых средств прокурора остановить свое внимание на том, насколько рассматриваемое правовое средство отвечает необходимости выяв-

лять (устранять) нарушения закона или избобличать уголовно-преследуемое лицо.

Оставаясь в рамках, очерченных УПК РФ, на этом можно было бы и остановиться. Но исследователи обращают внимание на то, что закрепленные непосредственно в УПК РФ функции прокурора – уголовное преследование (строго «процессуальная», определяющая место данного участника в состязательной построении процесса) и надзор (государственно-правовая), не охватывают всего разнообразия и сложности уголовно-процессуальной деятельности прокурора. На это обстоятельство обратили внимание ученые, придя к выводу о необходимости выделения и иных видов (направлений) деятельности этого участника. Так, Л. Г. Татьяна рассматривает четыре взаимосвязанных вида деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве: правозащитную, правоохранительную, правообеспечительную и правосстановительную [10]. М. Т. Аширбекова пишет о «фактоустановительной» деятельности прокурора, результатом которой становится вынесение им постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 и п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК [11]. В данном случае не имеет большого значения то, что упомянутые авторы не именуют перечисленные виды деятельности функциями. Важно другое: для глубокого анализа деятельности прокурора возникла необходимость условного обособления отдельных видов его деятельности, которые УПК РФ прямо не называет. На наш взгляд, есть необходимость выделения, по крайней мере, двух дополнительных направлений (функций) уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Рассмотрим их, дополнив наш реестр функций третьим и четвертым пунктами.

III. Функция исследования обстоятельств дела и полномочия, с помощью которых она реализуется.

С одной стороны, в досудебном производстве прокурор не располагает в настоящее время возможностью проведения следственных действий, возможностью непосредственного собирания доказательств. Вместе с тем, УПК РФ содержит целую совокупность норм, позволяющих с уверенностью говорить о наличии названной функции (или, если быть более осторожным, предпосылок для ее существования). Так, ч. 2 ст. 21 УПК РФ возлагает на прокурора наряду со следователем, органом дознания и дознавателем обязанность в каждом случае обнаружения преступления *принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления*. Положения ч. 2 ст. 14 УПК РФ о *возложении бремени доказывания обвинения и опровержения доводов защиты*, вне всяких сомнений, относятся к прокурору. Требования ст. 73 УПК РФ распространяются на него в полной мере: невозможно, например, принять законное и обоснованное решение об утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд, не убедившись, что все перечисленные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства установлены. Следователь устанавливает данные обстоятельства в ходе расследования, собирая доказательства, лично производя следствен-

ные и иные процессуальные действия, прокурор – изучая и проверяя материалы поступившего к нему уголовного дела. Но как первому, так и второму необходимо убедиться в том, что обстоятельства дела исследованы полно, всесторонне и объективно, собранные по делу доказательства соответствуют закону и их достаточно для последующего направления дела в суд. Это направление – исследование обстоятельств дела – не «сливается» с уголовным преследованием хотя бы потому, что речь идет об установлении по каждому делу, в том числе и обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, обстоятельств, не только отягчающих, но и смягчающих наказание (п. 5 и 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Наконец, для обеспечения законности, обоснованности и мотивированности постановлений прокурора (ч. 4 ст. 7 УПК РФ) последнему необходимо достоверно и объективно установить все юридически значимые аспекты предмета решения [12].

На существовании в уголовном судопроизводстве функции исследования обстоятельств дела настаивают многие ученые. Некоторые из них выделяют ее преимущественно в деятельности конкретного участника – следователя (или следователя и дознавателя) [13, с. 196–197, 467]. Наибольший интерес для нашего исследования представляет подход, согласно которому эта функция (ее название может варьироваться, но содержание остается в целом неизменным) распространяется как на следователя, так и на прокурора. Так, П. С. Элькинд (разумеется, в несколько иной уголовно-процессуальной «реальности») писала об установлении, проверке данных относительно преступлений и их расследовании, как уголовно-процессуальной функции, выполняемой органами дознания, следствия и прокурором [14, с. 59]. Комплексную функцию предварительного расследования, т. е. всестороннего, полного, объективного установления обстоятельств дела и принятия решений не только обвинительного, но и реабилитирующего (оправдательного) характера, осуществляют, по мнению А. А. Давлетова, не только следователь и дознаватель, но и прокурор [15].

Содержание функции исследования обстоятельств дела составляет, обобщенно говоря, полное и достоверное познание, исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, на основе которых может быть принято то или иное процессуальное решение.

Располагает ли прокурор в настоящее время достаточными правовыми средствами для реализации рассматриваемой функции? И снова ответ на поставленный вопрос будет отрицательным. Укажем лишь на два частных проявления неполноты правового регулирования в этой части.

Первое. Рассматривая поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением, прокурор лишен полноценной возможности про-

верки вещественных доказательств, приобщенных к делу. Он не может вскрыть упаковку вещественных доказательств для проверки их относимости и допустимости (и даже просто их фактического наличия) без риска тем самым поставить под сомнение уголовно-процессуальное значение этих доказательств. УПК РФ не предоставляет прокурору возможности на данном этапе производства по делу ознакомиться с приложениями к протоколу следственного действия (фотографиями, аудио- или видеозаписями, киносъемкой и т. д.), которые тоже хранятся при деле в печатанном виде. На отмеченные недочеты обращалось внимание в специальной литературе [16; 17].

Второе. Как уже говорилось ранее, за рамками прокурорского надзора остаются некоторые решения следователя (предусмотренные ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). Уточним и дополним свою позицию: прокурор не просто лишен возможности оценить законность итогового решения следователя по уголовному делу, закон не предоставляет ему в данном случае возможности изучить уголовное дело вообще!

IV. Правообеспечительная функция и полномочия, с помощью которых она реализуется.

В уголовном судопроизводстве обеспечение прав и свобод человека и гражданина выступает в качестве принципа уголовно-процессуальной деятельности. Положения ч. 1 ст. 11 УПК РФ возлагают на прокурора наряду с судом, следователем и дознавателем обязанность, во-первых, по разъяснению подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности, а во-вторых, по обеспечению возможности осуществления этих прав. Данное установление (наряду с другими нормами УПК РФ) позволяет вести речь о правообеспечительной функции прокурора.

В науке уголовного процесса названная функция изучается в основном применительно к следователю. Так, А. М. Ларин в свое время приводил основания выделения в особую группу действий, непосредственно направленных на создание возможности осуществления участниками процесса своих конкретных субъективных процессуальных прав (правомочий) и на охрану их личных и имущественных прав и законных интересов. Эти действия, как полагает указанный автор, в совокупности образуют особое направление процессуальной деятельности – процессуальную функцию, которую можно назвать обеспечением участникам уголовного судопроизводства их прав и охраной их законных интересов [18, с. 61].

Развитие данный подход получил в исследованиях современных исследователей: О. В. Гладышевой [19], Р. Ш. Асанова [20] и др. Вместе с тем в работах, посвященных непосредственно правообеспечительной деятельности прокурора, на наш взгляд, допускается неоправданное смешение правообеспечения с надзором [21; 22; 23].

По нашему мнению, правообеспечительная функция прокурора в уголовном судопроизводстве пред-

ставляет собой направление уголовно-процессуальной деятельности прокурора, включающее в себя предусмотренные УПК РФ действия, имеющие целью создание возможности (условий) беспрепятственного осуществления, реализации невластными участниками уголовного процесса своих прав, свобод и законных интересов, предотвращение возможности нарушения этих прав, свобод и законных интересов.

В рамках действующего УПК РФ правообеспечительная функция прокурора так или иначе находит свое выражение в ряде полномочий, например:

- принимать в пределах своей компетенции меры безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц (ч. 3 ст. 11 УПК);

- уведомлять обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и (или) их представителей об утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд и разъяснять им право заявлять ходатайство о проведении предварительного слушания, вручать обвиняемому, а также его защитнику и потерпевшему (при наличии соответствующего ходатайства) копии обвинительного заключения (акта, постановления) с приложениями (ч. 1 и 2 ст. 222, ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ);

- разъяснять подозреваемому или обвиняемому правовые последствия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ).

Указанные полномочия выделены нами, поскольку их вряд ли можно целиком и полностью расценить как проявление надзора или уголовного преследования.

И вновь, на этот раз заостряя свое внимание на выделенном нами правообеспечительном направлении деятельности прокурора в уголовном процессе, следует констатировать неполноту правового регулирования. Как представляется, в качестве перспективных направлений совершенствования УПК РФ в данной части следует признать наделение прокурора правом участия в следственных действиях (в первую очередь, проводимых с участием лиц, нуждающихся в повышенных гарантиях прав, например, несовершеннолетних), правом рассмотрения не только жалоб участников уголовного судопроизводства, но и их ходатайств. Безусловно, нуждаются в определенной унификации нормы, содержащиеся в ч. 1 и 2 ст. 222, ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ, поскольку, например, полномочие прокурора по разъяснению права заявлять ходатайство о проведении предварительного слушания прямо закреплено только в ст. 222 УПК РФ.

В связи с тем, что две из рассмотренных нами функций прямо закреплены в УПК РФ, закономерна постановка еще одного вопроса: следует ли включить указание на осуществление прокурором функций исследования обстоятельств дела и правообеспечения непосредственно в содержание ст. 37 УПК РФ? На наш взгляд, такой необходимости нет по ряду причин.

Прежде всего, приведенные выше требования ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 21 УПК РФ так или иначе уже налагают на прокурора соответствующие обязанности – «полномочия общего характера», которые реализуются с помощью иных прав и обязанностей, закрепленных в детализирующих статьях УПК [24, с. 95–96].

Во-вторых, прокурор не является единственным субъектом осуществления этих «не закрепленных напрямую в УПК РФ» функций. Соответствующие направления можно выделить в уголовно-процессуальной деятельности следователя (дознателя).

Вместе с тем стоит поддержать авторов, настаивающих на дополнении гл. 2 УПК РФ статьей, посвященной принципу всесторонности, полноты и объективности при производстве по уголовному делу и распространяющей свое действие на всех должностных лиц стороны обвинения и (даже!) на суд [25]. Что касается непосредственно прокурора, то содержание ч. 1 ст. 37 УПК РФ может быть скорректировано следующим образом: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а также осуществлять иные, основанные на закрепленных настоящим Кодексом принципах уголовного судопроизводства, виды деятельности». Как можно заметить, предлагаемая конструкция берет за основу действующие положения ч. 1 ст. 129 Конституции РФ и п. 1 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ». При этом предлагаемое определение намеренно не использует термин «функция», чтобы исключить противоречие с ч. 2 ст. 15 УПК РФ.

Подводя итог вышеизложенному, отметим главное. Выделение «дополнительных» функций (направлений) уголовно-процессуальной деятельности прокурора позволяет с различных ракурсов и с большей степенью детализации изучить сложную систему этой деятельности, обратить внимание на ее отдельные аспекты, которые остаются «в тени» большинства исследований, базирующихся на «классическом» понимании. В этом отношении статья содержит своего рода наметки, отправные точки для дальнейших исследований двух направлений деятельности прокурора, прямо не называемых в УПК РФ. Как представляется, такого рода изыскания позволят аргументировано сформулировать критические замечания к действующему правовому регулированию и предложить взвешенные, теоретически выверенные предложения по корректировке УПК РФ. Некоторые из возможных направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства были обозначены в этой статье.

Библиографический список

1. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. 384 с.

2. Осинцев Д. В. Правовые модели управления: монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 309 с.

3. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. 192 с.

4. Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 64–73.

5. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса // Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 168 с.

6. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. М., 2011. 296 с.

7. Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. 436 с.

8. Мельников Н. В. Уголовное преследование как самостоятельная государственно-властная деятельность прокуратуры // Уголовное право. 2005. № 4. С. 109–111.

9. Соловьев А. Б. Токарева М. Е. Буланова Н. В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2006. 176 с.

10. Татьяна Л. Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института России. 2010. № 3. С. 30–33.

11. Аширбекова М. Т. О новых поводах к возбуждению уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1 (20). С. 27–33.

12. Теучеж А. А. О полномочиях, обосновывающих реализацию прокурором уголовно-процессуальной функции установления объективной истины по уголовному делу // Власть закона. 2023. № 1. С. 308–316.

13. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. 2-е изд. / Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. 560 с.

14. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.

15. Давлетов А. А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 97–102.

16. Хайдаров А. А. Проверка и оценка вещественных доказательств прокурором по уголовному делу, направленному ему с обвинительным заключением (обвинительным актом) // Законность. 2019. № 3. С. 17–20.

17. Спирин А. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора на этапе окончания досудебного производства // Законность. 2020. № 1. С. 12–15.

18. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.

19. Гладышева О. В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 122–132.

20. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Симферополь, 2021. 34 с.

21. Воронин О. В. О правообеспечительной и правозащитной деятельности отечественной прокуратуры // Уголовная юстиция. 2015. № 1. С. 90–93.

22. Борозенец Н. Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 29 с.

23. Гринюк Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 24 с.

24. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. 640 с.

25. Деришев Ю. В., Олефиренко Т. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 56–60.

References

1. Tushev A. A. Prosecutor in criminal proceedings of the Russian Federation: system of functions and powers: dis. ... dr. jurid. sciences. Krasnodar, 2006. 384 p.

2. Osintsev D. V. Legal management models: monograph. M.: INFRA-M, 2020. 309 p.

3. Gulyaev A. P. Investigator in criminal proceedings. M., 1981. 192 p.

4. Daev V. G. Procedural functions and the principle of adversarial in criminal proceedings // Jurisprudence. 1974. No. 1. Pp. 64–73.

5. Yakimovich Yu. K. Concept, purpose, differentiation of the criminal process // Principles of Criminal Procedure. Tomsk, 2015. 168 p.

6. Lazareva V. A. Prosecutor in criminal proceedings: a textbook. M., 2011. 296 p.

7. Derishev Y. V. Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional and legal construction: dis. ... dr. Jurid. sciences. Omsk, 2005. 436 p.

8. Melnikov N. V. Criminal prosecution as an independent state-power activity of the prosecutor's office // Criminal law. 2005. No. 4. Pp. 109–111.

9. Soloviev A. B. Tokareva M. E. Bulanova N. V. Prosecutor in the pre-trial stages of the criminal process of Russia. M., 2006. 176 p.

10. Tatyana L. G. Types of activities of the prosecutor in the criminal process of Russia // Bulletin of the Siberian Law Institute of Russia. 2010. No. 3. Pp. 30–33.

11. Ashirbekova M. T. On new reasons for initiating a criminal case // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (20). Pp. 27–33.

12. Teuchezh A. A. On the powers justifying the implementation by the prosecutor of the criminal procedure function of establishing objective truth in a criminal case // Power of law. 2023. No. 1. Pp. 308–316.

13. Azarov V. A., Revenko N. I., Kuzembaeva M. M. Function of preliminary investigation in the history, theory and practice of the criminal process of Russia: monograph. 2nd ed. Omsk, 2008. 560 p.

14. Elkind P. S. Essence of Soviet criminal procedure law. L., 1963. 172 p.

15. Davletov A. A. Problems of the procedural form of criminal proceedings // Russian Law Journal. 2012. No. 6. Pp. 97–102.

16. Haidarov A. A. Verification and assessment of material evidence by the prosecutor in a criminal case sent to him with an indictment (indictment) // Legality. 2019. No. 3. Pp. 17–20.

17. Spirin A. V. Criminal procedure activities of the prosecutor at the stage of completion of pre-trial proceedings // Legality. 2020. No. 1. Pp. 12–15.

18. Larin A. M. Criminal investigation: procedural functions. M., 1986. 160 p.

19. Gladysheva O. V. Competence of the investigator to ensure the legitimate interests of the individual in pre-trial proceedings // Russian Law Journal. 2012. No. 6. Pp. 122–132.

20. Asanov R. Sh. Ensuring individual rights as a function of an investigator in a criminal trial: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Simferopol, 2021. 34 p.

21. Voronin O. V. On the legal and human rights activities of the domestic prosecutor's office // Criminal justice. 2015. No. 1. Pp. 90–93.

22. Furrow N. N. Legal support of the prosecutor at the stage of initiating a criminal case: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2016. 29 p.

23. Grinyuk E. N. The role of the prosecutor in ensuring the rights of participants in the criminal process at the pre-trial stages: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2018. 24 p.

24. Course of the Soviet criminal process. General part / ed. by A. D. Boykov, I. I. Karpets. M., 1989. 640 p.

25. Derishev Yu. V., Olefirenko T. G. Comprehensiveness, completeness and objectivity of the study of the circumstances of the case as a principle of modern criminal proceedings // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. No. 1. Pp. 56–60.

Информация об авторе

Спирин Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Spirin Alexander V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 21.05.2024

Допрос, не направленный на установление обстоятельств совершения преступления, как правовой феномен

Стельмах Владимир Юрьевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, vlstelmah@mail.ru

Аннотация. В статье кратко рассматривается феномен допросов, не направленных на установление обстоятельств совершенного преступления. Первая ситуация касается допроса лица, у которого признано наличие тяжелого психического заболевания, в связи с чем в отношении лица осуществляется производство по применению принудительных мер медицинского характера. Допрос этого лица проводится исключительно в целях определения степени его общественной опасности. При производстве допроса гарантируются базовые права допрашиваемого лица: разъяснение конституционного права не давать показания против самого себя, участие защитника и законного представителя. Требуется детальная фиксация сообщаемых лицом сведений, несмотря на их явно недостоверный характер. Вторая ситуация имеет место при допросе руководителем следственного органа обвиняемого перед согласованием ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Поскольку закон не регламентирует порядок производства такого допроса, возможны два варианта его проведения. Первый вариант предполагает соблюдение всех процессуальных правил, установленных для допроса обвиняемого, и прежде всего присутствие защитника. В этом случае результаты допроса могут использоваться в доказывании. Второй вариант возможен, поскольку допрос руководителем следственного органа является не способом доказывания, а частью механизма избрания самой строгой меры пресечения. Если для руководителя следственного органа главной целью является достижение с обвиняемым психологического контакта и уяснение мотивов содеянного, он может произвести допрос без участия защитника. В данном случае допрос не носит незаконного характера, однако его результаты не могут использоваться в доказывании по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, доказывание, следственные действия, допрос, следователь, руководитель следственного органа, меры пресечения, заключение под стражу, применение принудительных мер медицинского характера

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Допрос, не направленный на установление обстоятельств совершения преступления, как правовой феномен // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 31–35.

Original article

Interrogation not aimed at establishing the circumstances of the crime as a legal phenomenon

Stelmakh Vladimir Yu.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru

Abstract. The article briefly examines the phenomenon of interrogations not aimed at establishing the circumstances of the crime committed. The first situation concerns the interrogation of a person who is recognized as having a serious mental illness, in connection with which proceedings are being carried out against the person to apply compulsory medical measures. The interrogation of this person is carried out solely for the purpose of determining the degree of his public danger. During interrogation, the basic rights of the interrogated person are guaranteed: an explanation of the constitutional right not to testify against oneself, the participation of a lawyer and a legal representative. A detailed fixation of the information reported by the person is required, despite their clearly unreliable nature. The second situation takes place during the interrogation by the head of the investigative body of

the accused before agreeing on the investigator's petition to choose a preventive measure in the form of detention. Since the law does not regulate the procedure for such interrogation, two options for its conduct are possible. The first option involves compliance with all procedural rules established for the interrogation of the accused, and above all the presence of a lawyer. In this case, the results of the interrogation can be used in evidence. The second option is possible, since the interrogation by the head of the investigative body is not a way of proving, but part of the mechanism for choosing the most stringent preventive measure. If the main goal for the head of the investigative body is to achieve psychological contact with the accused and understand the motives of the deed, he can conduct interrogation without the participation of a lawyer. In this case, the interrogation is not illegal, but its results cannot be used in proving in a criminal case.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, evidence, investigative actions, interrogation, investigator, head of the investigative body, preventive measures, detention, use of compulsory medical measures

For citation: Stelmakh V. Yu. Interrogation not aimed at establishing the circumstances of the crime as a legal phenomenon // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 31–35.

В теории уголовного процесса считается общепринятым, что следственные действия производятся для получения доказательств, которые прежде всего относятся к совершению преступления [1, с. 112] (наличие факта преступного события, действия, составляющие объективную сторону состава преступления, форма вины, мотивы и цели и т. п.).

При этом в настоящее время усматриваются ситуации, являющиеся в определенном смысле исключением из этого правила. Это допросы, результаты которых не считаются показаниями и, соответственно, не могут использоваться при принятии решений о виновности или невиновности лица в инкриминируемом ему деянии.

В частности, закон не запрещает провести допрос лица, признанного по делу невменяемым, в отношении которого в связи с этим осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Прямо возможность производства такого следственного действия в УПК РФ не закреплена, однако в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» отмечено, что допрос может проводиться для обеспечения процессуальных прав субъекта, в отношении которого ведется дело.

Лицо, признанное невменяемым, не привлекается к уголовной ответственности и не подлежит уголовному наказанию, а меры медицинского характера носят смешанный лечебно-профилактический характер. В ходе предварительного расследования такое лицо после получения положительного заключения судебно-психиатрической экспертизы, констатирующего наличие психического заболевания, утрачивает статус обвиняемого (подозреваемого) и начинает называться «лицо, в отношении которого осуществляется производство по применению принудительных мер медицинского характера».

Очевидно, что с учетом наличия у лица серьезного психического заболевания сведения, сообщаемые этим лицом по поводу обстоятельств совершения им

общественно опасного деяния, носят заведомо недостоверный характер, поэтому не могут использоваться для установления отмеченных обстоятельств. Однако лицо может быть допрошено для установления степени его общественной опасности, которая определяется на основе описания лицом совершенных им действий, а также мотивов их совершения [2, с. 1094].

УПК РФ не закрепляет порядок производства такого допроса. По смыслу закона, он должен проводиться в статусе обвиняемого или подозреваемого, то в конечном уголовно-процессуальном статусе, которым обладало лицо до получения заключения судебно-психиатрической экспертизы. Допрашиваемому должно быть разъяснено гарантированное ст. 51 Конституции Российской Федерации право не давать показания против самого себя, поскольку это конституционное право носит универсальный характер и не зависит от наличия или отсутствия у лица статуса участника уголовного судопроизводства.

На допросе требуется присутствие защитника и законного представителя допрашиваемого. Их участие выступает дополнительной гарантией от самооговора. Кроме того, возможно привлечение к допросу специалиста в области судебной психиатрии.

Уточняя обстоятельства совершения лицом общественно опасного деяния, следователь должен фиксировать все сообщенные допрашиваемым сведения, несмотря на их абсурдный характер, поскольку именно он свидетельствует о расстройстве здоровья и наличии бредовых состояний. На допросе бесполезно и не нужно пытаться опровергнуть сообщенные лицом сведения путем постановки уточняющих вопросов, поскольку болезненное психическое состояние исключает рациональный характер действий лица.

Сообщенные лицом сведения записываются в протоколе допроса от первого лица и по возможности дословно.

Как было отмечено, существует ограничение на использование результатов такого допроса в процессе доказывания. Полученные сведения могут учитываться исключительно для оценки степени общественной опасности лица для самого себя или других

лиц либо возможности причинения им иного существенного вреда, а также при определении вида принудительной меры медицинского характера (абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»). Например, описание жестокого способа совершения преступления в совокупности с бредовыми мотивами этого поступка (ревность, преследование и т. п.) свидетельствует о крайне высокой степени вероятности повторения лицом подобных действий, а значит, о невозможности прекращения в отношении лица уголовного судопроизводства.

Кроме того, законодатель предусматривает возможность допроса руководителем следственного органа обвиняемого, в отношении которого выносятся ходатайство следователя об избрании меры принуждения в судебном порядке. Действовавший до 2002 г. УПК РСФСР требовал обязательного допроса несовершеннолетнего прокурором перед санкционированием последнего избрания заключения под стражу (в прежней терминологии – ареста). УПК РФ, с одной стороны, не наделяет прокурора правом на проведение допроса [3, с. 32; 4, с. 23], что означает, что при производстве дознания, когда согласие на обращение в суд с соответствующим ходатайством дает прокурор, допрос не проводится, а с другой стороны, не ограничивает круг допрашиваемых только несовершеннолетними, что позволяет руководителю следственного органа произвести допрос любого обвиняемого. Кроме того, действующая редакция п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ такова, что следователь вправе допросить обвиняемого перед избранием любой меры пресечения или иной меры процессуального принуждения, для которой предусмотрен судебный порядок (например, временное отстранение от должности или наложение ареста на имущество).

При этом действующий УПК РФ считает производство допроса перед дачей согласия с обращением в суд с ходатайством об избрании меры принуждения не обязанностью, а правом руководителя следственного органа.

Более того, норма, закрепляющая это право, помещена не в главу об избрании меры принуждения, а в статью, регламентирующую полномочия руководителя следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) [5, с. 66–67], в силу чего уполномоченные руководители следственных органов не обращают на нее внимания при согласовании ходатайства об избрании меры принуждения. В практической деятельности подобные допросы проводятся очень редко.

Вместе с тем возникает вопрос о порядке производства допроса руководителем следственного органа в рассматриваемой ситуации. Очевидно лишь то, что он проводится руководителем следственного органа без принятия уголовного дела к своему производству [6, с. 15; 7, с. 110]. Данный допрос включен в механизм не собирания доказательств, а избрания принудительной меры, в том числе самой строгой

меры пресечения, и призван стать дополнительной гарантией не только законности, но и обоснованности принимаемого решения.

Теоретические мыслимы два варианта порядка производства данного допроса.

Первый вариант предполагает полное соблюдение всех правил, касающихся участия защитника, законного представителя и других лиц, осуществляемых в той или иной степени защиту обвиняемого от уголовного преследования. Результаты допроса, произведенного таким образом, приобретают доказательственное значение и могут использоваться для установления значимых обстоятельств дела. При этом возникает вопрос: должен ли руководитель следственного органа уточнять при производстве допроса общие обстоятельства, касающиеся причастности обвиняемого к преступлению, но не имеющие прямого отношения к избираемой мере принуждения? Очевидно, что, поскольку УПК РФ не ограничивает предмет допроса определенными обстоятельствами, более полное выяснение фактов вполне возможно. Вместе с тем это вряд ли целесообразно, поскольку допрос руководителем следственного органа призван не дублировать деятельность следователя, а сбалансированно дополнять ее в части реализации полномочий именно руководителя следственного органа.

Казалось бы, правильным является только указанный вариант проведения допроса, поскольку он базируется на правилах допроса, прямо закрепленных в УПК РФ. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «проведение руководителем следственного органа допроса подозреваемого без принятия уголовного дела к своему производству направлено на обеспечение прав такого лица и предоставляет ему дополнительную возможность защиты от подозрения. При этом, осуществляя такой допрос, руководитель следственного органа обязан соблюдать общие правила его проведения, а равно требования к фиксации его хода и результатов в протоколе. Нарушение же этих правил и требований может влечь признание полученных показаний подозреваемого недопустимым доказательством»¹.

Однако такой вывод может быть преждевременным. Необходимо учитывать природу анализируемого допроса. Он направлен не столько на выяснение обстоятельств дела, сколько на формирование у руководителя следственного органа внутреннего убеждения о необходимости избрания меры процессуального принуждения (прежде всего, меры пресечения в виде заключения под стражу) либо об отсутствии

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 2172-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горшкова Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй ст. 46, ст. 189 и 190 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision567901.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

такой необходимости. Речь идет в первую очередь не о законности, а об обоснованности принятия данного решения. Законность, то есть проверка причастности обвиняемого к инкриминируемому ему деянию, вряд ли может осуществляться только путем его допроса, а базируется на совокупности собранных следствием доказательств. Убеждение об обоснованности подразумевает главным образом изучение руководителем следственного органа личностных характеристик обвиняемого (раскание в содеянном, готовность сотрудничества с предварительным расследованием, условия жизни, наличие или отсутствие устойчивых социальных связей), совокупность которых свидетельствует о степени вероятности совершения лицом нового преступления, противодействии следствию и т. п.

Выяснение подобных сведений более целесообразно в формате не официального допроса, а беседы, для которой участие защитника и законного представителя излишне. Это и есть второй вариант порядка производства допроса. Если обвиняемый отказывается сообщать информацию руководителю следственного органа, он вправе заявить об этом до начала дачи показаний.

Необходимо уточнить, что выражение «формат беседы» является условным. Разумеется, допрос, производимый руководителем следственного органа, остается процессуальным действием и не приобретает приватного и неофициального характера. Однако допускаются некоторые отступления от общего порядка производства допроса, вызванные его целевым предназначением, природой того механизма, неотъемлемой частью которого выступает данный допрос.

Допрос обвиняемого руководителем следственного органа перед согласованием ходатайства об избрании меры принуждения, в том числе меры пресечения в виде заключения под стражу, будучи следственным действием, в обязательном порядке подразумевает соблюдение следующих процессуальных правил:

- предварительное разъяснение допрашиваемому положений ст. 51 Конституции Российской Федерации о праве не давать показаний против самого себя;
- запрет предупреждения обвиняемого об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний (ст. 307, 308 УК РФ);
- участие переводчика в случае незнания допрашиваемым языка судопроизводства;
- ведение протокола допроса по общим правилам.

Вместе с тем в плане приглашения для участия в допросе защитника и законного представителя обвиняемого возможна вариативность. При этом, если эти лица присутствуют при допросе, полученные от обвиняемого сведения могут использоваться в доказывании всех обстоятельств уголовного дела. В случае отсутствия на допросе названных субъектов сообщенные обвиняемым сведения не являются показаниями и подлежат использованию только для

принятия руководителем следственного органа решения о согласовании ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Результаты допроса, проведенного без защитника и законного представителя, не имеют иного доказательственного значения и не могут оглашаться в судебном разбирательстве по делу. При этом, поскольку допрос руководителем следственного органа производится не для дублирования деятельности следователя, а представляет собой дополнительную гарантию соблюдения прав обвиняемого при избрании меры пресечения, речь должна идти не о недопустимости показаний, а только о невозможности их использования для подтверждения виновности обвиняемого.

Библиографический список

1. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 361 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
3. Быков В. М. Правовое положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 30–34.
4. Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 22–26.
5. Дикарев И. С. Коллегиальность предварительного следствия // Законность. 2021. № 9. С. 65–67.
6. Портнов Ю. А. Имплементация правового статуса руководителя следственного органа в концепцию уголовного судопроизводства России: проблемы правотворчества и правоприменения // Российский следователь. 2011. № 11. С. 14–17.
7. Ворожцов С. А., Давыдов В. А., Дорошков В. В. и др. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. М.: Юрайт, 2008. 732 с.

References

1. Grinenko A.V. Criminal procedure: textbook and workshop for universities. 9th ed., revised. and additional M.: Yurayt, 2024. 361 p.
2. Course in criminal procedure / ed. L. V. Golovko. M.: Statute, 2016. 1278 p.
3. Bykov V. M. Legal status of the prosecutor at the pre-trial stages of criminal proceedings // Russian justice. 2016. No. 11. pp. 30–34.
4. Shcherba S.P., Popova A.V. Discretionary powers of the prosecutor when applying a preventive measure in the form of detention // Legality. 2016. No. 1. pp. 22–26.
5. Dikarev I. S. Collegiality of the preliminary investigation // Legality. 2021. No. 9. pp. 65–67.
6. Portnov Yu. A. Implementation of the legal status of the head of the investigative body into the concept of

criminal proceedings in Russia: problems of lawmaking and law enforcement // Russian investigator. 2011. No. 11. pp. 14–17.

7. Vorozhtsov S. A., Davydov V. A., Doroshkov V. V. et al. Judicial proceedings in the criminal process of the Russian Federation: a practical guide to the application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / edited by. ed. A. I. Karpova. M.: Yurayt, 2008. 732 p.

Информация об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич – доктор юридических наук, доцент

Information about author

Stelmakh Vladimir Yu. – Dr. of law, Associate professor

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Научная статья
УДК 343.92

К вопросу об административной ответственности в сфере искусственного интеллекта

Литвин Илья Ильич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ila-lake888@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос проработки механизма административной ответственности за причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта. Установлено, что в действующих нормативных правовых актах и юридической доктрине преимущественно рассматриваются последствия причинения вреда действиями систем под управлением искусственным интеллектом через призму гражданско-правовой или уголовной ответственности. В том числе не урегулирован вопрос административной ответственности в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации. Автор пришел к выводу о необходимости разработки административно-правового механизма привлечения к ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, лиц, непосредственно повлиявших на достижение неблагоприятного последствия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правонарушение, административная ответственность, юридическая ответственность, высокоавтоматизированное транспортное средство, автономность, автоматизация

Для цитирования: Литвин И. И. К вопросу об административной ответственности в сфере искусственного интеллекта // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 36–40.

Original article

On the issue of administrative responsibility in the field of artificial intelligence

Litvin Il'ya I.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, ila-lake888@rambler.ru

Abstract. The article discusses the issue of developing a mechanism of administrative liability for causing harm using artificial intelligence systems. It has been established that the current regulatory legal acts and legal doctrine primarily consider the consequences of harm caused by the actions of systems controlled by artificial intelligence through the prism of civil or criminal liability. In particular, the issue of administrative liability has not been resolved within the framework of the experimental legal regime in the field of digital innovations for the provision of transport services using highly automated vehicles in the territories of certain constituent entities of the Russian Federation. The author came to the conclusion that it is necessary to develop an administrative-legal mechanism for holding a person who directly influenced the achievement of an adverse consequence to liability for harm caused by artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, offense, administrative responsibility, legal responsibility, highly automated vehicle, autonomy, automation

For citation: Litvin I. I. On the issue of administrative responsibility in the field of artificial intelligence // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 36–40.

Распространение технологий искусственного интеллекта неизбежно влияет на существующие общественные отношения и приводит к возникновению новых, ранее не свойственных нашему обществу, что в свою очередь обуславливает необходимость их правового регулирования. В соответствии с Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, утвержденной Правительством Российской Федерации, одной из концептуальных проблем регулирования технологий искусственного интеллекта является вопрос ответственности за причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта и робототехники¹.

Относительно данной проблемы в Концепции указано, что реальный уровень развития искусственного интеллекта не предполагает кардинальных изменений в регулировании института юридической ответственности, однако требует постепенной доработки его отдельных элементов. В частности, необходимо доработать механизмы гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности.

В юридической литературе также уделяется особое внимание возможности причинения вреда действиями искусственного интеллекта и последующей юридической ответственности за этот вред. Однако большинство авторов рассматривают последствия такого вреда только через призму гражданско-правовой или уголовной ответственности. Например, широко известны случаи причинения вреда в результате функционирования высокоавтоматизированных транспортных средств (беспилотного автотранспорта, роботакси). Одним из последних является инцидент 6 февраля 2024 г. в Сан-Франциско (США), в результате которого автомобиль компании Waymo сбил велосипедиста. До этого в средствах массовой информации активно обсуждались факты дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом. Анализируя подобные ситуации, в литературе ответственность за причинение вреда жизни и здоровью человека рассматривается в рамках уголовного права, а обязанность возмещения причиненного вреда здоровью человека или его имуществу – в рамках гражданского права. Однако совершенно не учитывается, что в большинстве случаев данные факты вызваны нарушением правил дорожного движения, за что предусмотрена административная ответственность. Да и за нарушение, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, ст. 12.24 КоАП РФ также предусмотрена административная ответственность.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. С. 5593.

Если обратиться к правовым актам, регулирующим в Российской Федерации экспериментальный правовой режим в сфере высокоавтоматизированных транспортных средств, то очевидно, что регламентируется только юридическая ответственность за вред жизни и здоровью или имуществу других лиц в результате дорожно-транспортного происшествия². В частности, эта ответственность разграничивается между водителем-испытателем, оператором и единоличным исполнительным органом субъекта экспериментального правового режима и (или) лицом, ответственным за техническое состояние высокоавтоматизированного транспортного средства. При этом особенности привлечения к ответственности за совершение административных правонарушений с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств не предусмотрены.

Между тем в сфере безопасности дорожного движения именно административные являются наиболее распространенными видами правонарушений. Статистические данные показывают, что всего в 2023 г. в России зарегистрировано 1 947 161 преступлений, из них 17 865 связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств³. В то же время дел об административных правонарушениях, находящихся в компетенции органов внутренних дел, возбуждено 247,9 млн, из которых 240,1 млн в сфере безопасности дорожного движения [1, с. 6]. Статистика правонарушений, совершенных в результате эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, отсутствует. В случае если правонарушение зафиксировано специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функцию фотосъемки, оно попадает в указанные выше данные среди дел об административных правонарушениях, возбужденных в отношении собственников транспортных средств. В этой связи следует согласиться с тем, что назрела необходимость разработки положений о юридической ответственности за правонарушения, допущенные в результате функционирования высокоавтоматизированных транспортных средств, которые должны содержаться в нормах административного законодательства [2, с. 17].

Более того, указанные положения о юридической ответственности в сфере искусственного интеллекта

² Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 12. С. 1817.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф>.

не должны затрагивать только область безопасности дорожного движения. Технологии искусственного интеллекта активно применяются и в других направлениях деятельности. Наиболее латентными в этой связи представляются правонарушения в сфере обработки персональных данных (ответственность за них предусмотрена ст. 13.11 КоАП РФ). Однако действующее законодательство в области защиты персональных данных имеет ряд пробелов, связанных с обеспечением конфиденциальности, в связи с чем привлечение к административной ответственности субъектов, использующих искусственный интеллект для противоправной обработки персональных данных, затруднено. При этом о фактах сбора и обработки персональных данных и «Больших данных» с помощью автоматизированных систем упоминалось не раз [3, с. 104].

В этой связи следует обратить внимание на мнение И. А. Зырянова о необходимости регулирования проблем и рисков, возникающих в связи с использованием искусственного интеллекта, путем принятия специального Федерального конституционного закона «Об искусственном интеллекте» и последующего внесения изменений в КоАП РФ. В частности, введение новых составов правонарушений (и дополнение действующих) как за деяния, совершенные искусственным интеллектом или с его помощью, так и в связи с защитой цифровых прав человека, сопряженных с искусственным интеллектом, в отношении разработчиков, производителей, собственников, владельцев, продавцов и третьих лиц [4, с. 53–58]. Помимо этого, потребуются внесение изменений в процессуальную составляющую производства по делам об административных правонарушениях для совершенствования мер процессуального обеспечения, а также расширения возможностей по сбору, проверке и оценке доказательств.

Внесение подобных изменений в КоАП РФ требует существенной теоретической аргументации и решения фундаментальных вопросов, касающихся юридической ответственности за вред, причиненный вследствие действий искусственного интеллекта, например, кто будет нести ответственность.

В этой связи следует обратиться к диссертационному исследованию П. В. Морхата, который выделяет следующие модели определения ответственности за действия искусственного интеллекта, повлекшие за собой наступление вредных последствий:

- модель инструмента реального актора;
- модель естественных вероятных последствий;
- модель прямой ответственности непосредственного юнита искусственного интеллекта за его действия (бездействия);
- модель квази-субститутивной ответственности [5, с. 252].

Первая модель предполагает закрепление ответственности за лицом, использующим искусственный интеллект, вторая – за лицом, создавшим искусственный интеллект (изобретателем, разработчиком, про-

граммистом, тренером). В рамках третьей модели предлагается предоставить искусственному интеллекту правосубъектность и способность самостоятельно нести ответственность. Четвертая модель предусматривает ответственность владельца искусственного интеллекта за неспособность предотвратить неблагоприятные последствия.

Остановиться следует на первом варианте, как на наиболее распространенном в юридической литературе и наиболее соответствующем действующему механизму юридической ответственности. В рамках данной модели искусственный интеллект воспринимается как инструмент, а следовательно, юридическую ответственность должен нести человек, который его использовал. Проблема только в том, что искусственный интеллект в определенной мере способен действовать автономно, то есть независимо от воли использующего его лица. Например, пассажир высокоавтоматизированного транспортного средства указывает место прибытия или выбирает маршрут движения, но не имеет возможности управлять транспортным средством во время движения, т. е. не может изменить скорость его движения или местоположение при изменении дорожной ситуации.

В зависимости от уровня автономности искусственный интеллект принято делить на «сильный» и «слабый». Последний является наиболее распространенным в настоящее время и ограничен кругом задач, на решение которых запрограммирован. «Сильный» же способен адаптироваться к измененным условиям и решать задачи, на которые изначально не запрограммирован [6, с. 13]. В настоящее время отсутствует общепризнанный «сильный» искусственный интеллект, а, следовательно, большинство авторов приходит к мнению, что его деятельность имеет строго определенный алгоритм, другими словами, детально регламентирована. И из этого следует, что ошибки в деятельности искусственного интеллекта зачастую связаны именно с несовершенством алгоритма.

При этом с технической стороны алгоритм действий искусственного интеллекта не может быть детально регламентирован. Именно возможность автономного принятия решения позволяет отграничить «слабый» искусственный интеллект от компьютерной программы. По этой же причине разработчики не всегда способны объяснить принятое искусственным интеллектом решение, которое зачастую основывается на анализе ранее принятых решений, указанных в качестве эталонных при обучении. Указанный подход обучения искусственного интеллекта не требует явного определения всех правил и логики и способствует автоматическому извлечению сложных закономерностей из данных [7, с. 81]. С точки зрения права это приводит к отсутствию прозрачности алгоритма деятельности искусственного интеллекта, что в науке именуется проблемой «черного ящика». Однако это не отменяет возможности влияния на действия искусственного интеллекта как со стороны его создателя, так и со стороны владельца (пользователя), что долж-

но обязательно учитываться при решении вопроса об ответственности.

Подобный подход прослеживается и в нормативных документах Европейского союза, согласно которым искусственный интеллект не может нести ответственность сам по себе, поскольку его действия или бездействие зависят от оператора или владельца [8, с. 43]. То есть ответственность за вред, причиненный в результате функционирования искусственного интеллекта, должна быть распределена между лицами, имеющими возможность влиять на его действия.

В то же время отсутствие прозрачного алгоритма принятия решений искусственным интеллектом вызывает недоверие к подобным системам, в том числе возникают опасения относительно возможности внесения изменений в свой код им самим. Указанные подозрения усиливаются существующими данными о склонности искусственного интеллекта к применению обмана человека с целью достижения поставленных задач.

Однако представляется, что наличие нежелательных методов деятельности искусственного интеллекта все же связано с отсутствием надлежащего алгоритма его деятельности, следовательно, и с проблемами программного кода. В этой связи модель инструмента реального актора в очередной раз представляется наиболее подходящей для разрешения вопроса об ответственности за действия искусственного интеллекта и наиболее сочетаемой с презумпцией невиновности.

В административно-юрисдикционной деятельности существует отступление от презумпции невиновности, касающееся фиксации правонарушения специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функцию фотосъемки. Указанное правило распространяется на собственников транспортных средств.

Прогнозируемое распространение искусственного интеллекта приведет к тому, что результаты его деятельности будут исчисляться миллионами юридических фактов в день. При этом разрешение вопроса об ответственности по рассмотренной выше модели требует наличия специальных знаний о функционировании искусственного интеллекта и возможности влияния на него. Только после изучения алгоритма действий искусственного интеллекта будет понятно, кто повлиял на его действия – создатель или пользователь. Процесс же доказывания виновности будет возлагаться на органы административной юрисдикции, что осложнит их деятельность, а также реализацию принципа неотвратимости наказания.

Представляется необходимым, выработать такой механизм административной ответственности, который будет учитывать специфику правоотношений в сфере искусственного интеллекта, в том числе и тот факт, что на данный момент все субъекты, использующие его, согласно требованиям экспериментальных правовых режимов проходят соответствующую регистрацию в виде включения в реестр участников

экспериментального правового режима¹. В этой связи представляется разумным определение данных субъектов в качестве лиц, несущих юридическую ответственность за совершенные искусственным интеллектом административные правонарушения. Тем более, что в условиях правовой неопределенности данного вопроса субъекты, участвующие в экспериментальном правовом режиме в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, фактически уже несут юридическую ответственность за правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме, как собственники транспортных средств.

Таким образом, несмотря на относительную автономность деятельности искусственного интеллекта, его необходимо воспринимать как инструмент, а ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, должно нести лицо, повлиявшее на достижение неблагоприятного последствия (создатель или пользователь). При этом должен быть выработан административно-правовой механизм, позволяющий установить автоматическую ответственность за вред, причиненный указанным лицом, с возможностью оспаривания данного решения в результате предоставления подтвердившихся сведений о виновности другого лица (ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

Кроме того, необходимо учитывать, что в настоящий момент существует общий порядок привлечения к административной ответственности, а специальные правовые режимы, установленные в целях проведения правового эксперимента по внедрению искусственного интеллекта, не регламентируют этот вопрос. Прослеживаемая в нормативных актах логика позволяет прийти к выводу, что правовое регулирование осуществляется в рамках ситуационного подхода, а не общего, устанавливая отдельные направления применения искусственного интеллекта и ответственности в конкретных случаях. Так, например, вышеуказанным постановлением Правительства РФ установлена ответственность водителя-испытателя и оператора за вред, причиненный в результате функционирования высокоавтоматизированных транспортных средств. В других случаях будет предусмотрена ответственность иных лиц за вред, причиненный действиями искусственного интеллекта. В связи с этим также обнажается проблема существующего определения искусственного интеллекта, которое не позволяет полноценно идентифицировать его в целях дифференциации ответственности, а также не позволяет разграничить искусственный интеллект,

¹ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» / Российская газета. 2020. № 92.

действующий автономно, и программный продукт с определенным набором алгоритмов поведения.

Библиографический список

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 г.: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.

2. Королева Е. Г. Правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств в Российской Федерации // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2024. № 1. С. 13–22.

3. Литвин И. И. Системный характер преобразования государства и права в процессе цифровизации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 103–108.

4. Зырянов И. А. К вопросу о введении киберответственности искусственного интеллекта // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 53–58.

5. Морхат П. В. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2018. 420 с.

6. Михеева С. Н., Литвин И. И. Правовая природа категории «искусственный интеллект»: монография. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2022. 90 с.

7. Мамедова Л. Э. Г., Иванова Л. Н., Алтаев Е. С. Основные аспекты технологии искусственного интеллекта // Известия ВУЗов ЭФУП. 2023. № 3 (57). С. 78–88.

8. Крупнова Т. Б. Проблемы обеспечения и защиты свободы волеизъявления субъекта правотворчества в эпоху цифровых трансформаций и искусственного интеллекта // Московский юридический журнал. 2022. № 1. С. 39–49.

References

1. Bakanov K. S., Lyakhov P. V., Isaev M. M. and others. Law enforcement activities in the field of road safety in 2023: information and analytical review. M.: FКУ «NC Road Traffic Safety Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2024. 120 p.

2. Koroleva E. G. Legal regulation of the use of unmanned vehicles in the Russian Federation // NB: Administrative law and administration practice. 2024. No. 1. Pp. 13–22.

3. Litvin I. I. The systemic nature of the transformation of state and law in the process of digitalization // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (38). Pp. 103–108.

4. Zyryanov I. A. On the issue of introducing cyber liability for artificial intelligence // Constitutional and municipal law. 2023. No. 5. Pp. 53–58.

5. Morkhat P. V. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil legal problems: dis. ... dr. legal sci. M., 2018. 420 p.

6. Mikheeva S. N., Litvin I. I. Legal nature of the category «artificial intelligence»: monograph. Yekaterinburg: Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 90 p.

7. Mamedova L. E. G., Ivanova L. N., Altaev E. S. Main aspects of artificial intelligence technology // Izvestia of Universities EFUP. 2023. No. 3 (57). Pp. 78–88.

8. Krupnova T. B. Problems of ensuring and protecting the freedom of expression of the subject of lawmaking in the era of digital transformations and artificial intelligence // Moscow Legal Journal. 2022. No. 1. Pp. 39–49.

Информация об авторе

Литвин Илья Ильич – кандидат юридических наук

Information about the author

Litvin Il'ya I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 347

Некоторые процессуальные особенности стадии возбуждения гражданского дела о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на имя или псевдоним

Дегтярев Сергей Леонидович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dsl001@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности стадии возбуждения гражданского дела о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на имя или псевдоним. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с начальной стадией производства по делам рассматриваемой категории. Автор анализирует действующее законодательство с точки зрения специфических требований к осуществляемым участниками судопроизводства процессуальным действиям и вырабатывает практические рекомендации по эффективной защите права на компенсацию морального вреда.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, право на имя, псевдоним, процессуальные особенности

Для цитирования: Дегтярев С. Л. Некоторые процессуальные особенности стадии возбуждения гражданского дела о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права на имя или псевдоним // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 41–48.

Original article

Some procedural features of the stage of initiation of a civil case for compensation for moral damage caused by violation of the right to a name or pseudonym

Degtyarev Sergey L.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, dsl001@mail.ru

Abstract. This article discusses the features of the stage of initiating a civil case for compensation for moral damage caused by violation of the right to a name or pseudonym. The main attention is paid to issues related to the initial stage of proceedings in cases of this category. The author analyzes the current legislation from the point of view of specific requirements for procedural actions carried out by participants in legal proceedings and develops practical recommendations for the effective protection of the right to compensation for moral damage.

Keywords: compensation for moral harm, right to the name, pseudonym, procedural peculiarities

For citation: Degtyarev S. L. Some procedural features of the stage of initiation of a civil case for compensation for moral damage caused by violation of the right to a name or pseudonym // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 41–48.

При обнаружении нарушения права на имя или псевдоним потерпевший, в будущем – истец для реализации своего конституционного права на обращение в суд (ст. 46 Конституции РФ, ст. 3 ГПК РФ) еще до возбуждения гражданского дела обязан выполнить все предписанные нормами Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) процессуальные обязанности. В первую очередь, он обязан верно определить подсудность гражданского дела, а также вид производства, в котором дело будет рассматриваться. Процессуальным законодательством также предусмотрены требования, в соответствии с которыми истец обязан оформить исковое заявление и прилагаемые к нему документы. На него возлагается обязанность по правильному определению размера государственной пошлины и ее оплаты либо по выполнению действий, позволяющих получить освобождение, уменьшение, отсрочку или рассрочку в ее оплате. В предусмотренных законом случаях истец несет обязанность по соблюдению досудебного порядка урегулирования спора. Кроме того, в гражданском процессе истец обеспечивает рассылку копий искового заявления и прилагаемых к нему документов всем лицам, участвующим в деле, указание на которых содержится в его исковом заявлении. Наконец, истец обязывается к непосредственному обращению в суд (имеется в виду учет распорядка дня работы суда, требований к почтовой корреспонденции или требований по заполнению обращения на сайте суда).

Все вышеуказанные действия составляют определенную последовательность совершения процессуальных действий, позволяющих выполнить установленный в ГПК РФ порядок обращения в суд с исковым заявлением. При этом любое невыполнение истцом вышеуказанных процессуальных обязанностей приведет к непринятию судом искового заявления, соответственно, гражданское дело в суде не будет возбуждено [1].

Напомним, что основанием для обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда может являться нарушение права на имя или псевдоним в конституционном, гражданско-правовом и семейно-правовом смыслах или нарушение исключительных прав на имя. Следует отметить, что во всех названных случаях нарушения права на имя или псевдоним требование о компенсации морального вреда, как правило, является дополнительным к основному требованию потерпевшего об устранении нарушения своего права на имя или псевдоним.

Например, ст. 19 ГК РФ предусматривает совокупность способов устранения нарушения права гражданина на имя, включающую требования о регистрации имени, а также о перемене имени и его регистрации, о прекращении использования своего имени или псевдонима другими лицами, об опровержении при искажении имени гражданина либо при использовании его иными способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, о возмещении причиненного нару-

шением права на имя имущественного вреда, а также о компенсации морального вреда.

Право на имя играет важную роль в гражданских правоотношениях и институтах, когда суду важно выяснить от чьего имени и в чьих интересах действовало лицо, было ли оно уполномочено на совершение этих действий. От этого во многом зависят правовые последствия, наступающие для лиц, участвующих в этих гражданских правоотношениях. Например, в отношении института представительства (ст. 182 ГК РФ) законом установлено, что при отсутствии полномочий действовать от имени другого лица или при превышении таких полномочий сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если только другое лицо (представляемый) впоследствии не одобрит данную сделку (ст. 183 ГК РФ), например, при заключении договора управления залогом (ст. 356 ГК РФ), при осуществлении прав, удостоверяемых заложеной ценной бумагой (ст. 358.17. ГК РФ), при заключении договора на торгах (ст. 447 ГК РФ) и т. д.

Возбуждение гражданского дела о компенсации морального вреда в связи с нарушением права на имя или псевдоним возможно только на основании обращения, оформленного в виде *искового заявления*, так как сам иск подлежит рассмотрению в исковом производстве.

Первым этапом является составление искового заявления. При этом истец должен определить перспективы своего обращения в суд. Как минимум, сможет ли он собрать и представить в суд необходимые доказательства в подтверждение заявляемых им требований, особенно в отношении факта получения им нравственных или физических страданий, чтобы выиграть возбуждаемое им гражданское дело.

Исковое заявление составляется по правилам ст. 131 ГПК РФ, где определены требования к его форме и содержанию. Традиционно оно должно состоять из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и просительной.

Вводная часть искового заявления включает в себя сведения, предусмотренные п. 1–3 ч. 1 ст. 131 ГПК РФ, а именно: **1) наименование суда, в который подается заявление; 2) сведения об истце; 3) сведения об ответчике.**

В случае заявления истцом имущественных требований *во вводной части* искового заявления он указывает *цену иска*, если последний подлежит оценке (п. 6 ч. 1 ст. 131 ГПК РФ). Однако следует подчеркнуть, несмотря на то, что компенсация морального вреда производится в денежном эквиваленте, само требование носит неимущественный характер, поэтому не включается в другие денежные требования, если они заявлены (например, о возмещении убытков), и пошлина по этому требованию (компенсация морального вреда) рассчитывается как в отношении требований неимущественного характера. Следует при этом помнить, что моральный вред – это всегда нравственные и физические страдания (ст. 151 ГК РФ).

Определение истцом подведомственности (межсистемной подсудности дела) как один из первых этапов обращения в суд. В существующей правовой системе РФ гражданско-правовые споры могут быть рассмотрены не только органами судебной власти, включающими в себя суды общей юрисдикции, арбитражные суды и Конституционный Суд РФ, но и органами исполнительной власти, нотариусами, третейскими судами и т. д.

По общему правилу гражданско-правовой спор может быть по существу рассмотрен только один раз компетентным на это юрисдикционным органом. Если несколько из них будут наделены компетенцией на рассмотрение одного и того же спора по существу одновременно, то это приведет к неопределенности правоприменения. Ведь два юрисдикционных органа по одному и тому же вопросу могут вынести противоречащие друг другу решения, причем оба будут законными и обоснованными, но при этом возникнет вопрос их реализации на практике. Поэтому законодатель стремится к точному определению подведомственности и подсудности каждого правового спора, а соответственно, и компетенции каждого юрисдикционного органа.

Традиционно, подведомственность – это относимость нуждающихся в государственно-властном разрешении споров о праве и других юридических дел к ведению того либо иного государственного и юрисдикционного органа. Также это свойство юридических дел, в силу которого они подлежат разрешению определенными юрисдикционными органами. Данное понятие разграничивает предметы ведения между самыми различными органами спорной и бесспорной юрисдикции, наделенными правом разрешения юридических дел.

В связи с тем, что ГПК РФ в отличие от Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) больше не содержит термина «подведомственность», это не значит, что в науке и учебной дисциплине он подлежит забвению. В учебной литературе во избежание путаницы вместо подведомственности применяется термин «межсистемная подсудность» дела, так как термин «подсудность» используется в настоящее время для разграничения предметов ведения как разнородных судов (межсистемная подсудность между Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции и арбитражными судами, Конституционным Судом РФ), так и однородных судов (внутрисистемная подсудность судов общей юрисдикции по правилам родовой и территориальной подсудности, т. е. подсудность в ее традиционном понимании).

Таким образом, определяя подведомственность и подсудность дела, за возбуждением которого обращаемся в суд, необходимо одновременно определить **компетенцию суда**, то есть полномочие суда на рассмотрение и разрешение одновременно подведомственного и подсудного ему дела. К сожалению, заявитель может ошибаться с выбором компетентного, на его взгляд, суда, что может и должно быть устра-

нено судом как раз на стадии возбуждения гражданского дела.

Выделяют следующие виды подведомственности (межсистемной подсудности): единичная и множественная. Единичная (она в разных нормативных актах и учебных материалах может быть еще названа «исключительной» или «специальной») подведомственность свидетельствует о том, что данное дело может быть рассмотрено только одним единственным юрисдикционным органом, например, дела о лишении родительских прав разрешаются только судами общей юрисдикции. Множественная подведомственность свидетельствует о том, что гражданское дело может быть рассмотрено несколькими юрисдикционными органами, поэтому принято выделять императивную, договорную, альтернативную и смешанную подведомственности дела.

В качестве критериев отнесения отдельных категорий юридических дел к ведению определенных юрисдикционных органов применяется:

- характер спорного правоотношения и субъектный состав (состав участников спора) для разграничения подведомственности между судами общей юрисдикции (ст. 22 ГПК РФ и ст. 36 ГПК РФ) и арбитражными судами (ст. 27 АПК РФ);
- спорность либо бесспорность права для определения подведомственности юридических дел между судами и органами исполнительной власти, осуществляющими регистрацию юридических фактов, например, органами ЗАГС (ст. 18–23 Семейного кодекса РФ), нотариусами (ст. 82–85 Основ законодательства РФ о нотариате);
- наличие договора между сторонами спора (юридического дела) в целях разграничения дела с третейскими судами (ст. 22.1 ГПК РФ).

Определение родовой (предметной) и территориальной подсудности дела и конкретного суда как второй этап обращения истца с исковым заявлением в суд. После того как истец определился с подведомственностью дела, а именно убедился в том, что оно подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции по правилам гражданского судопроизводства, ему необходимо определиться с внутренней подсудностью. В связи с тем, что в систему судов общей юрисдикции входит несколько тысяч судов, включая мировых судей и военные суды, следующим шагом будет определение родовой (предметной) подсудности дела, а затем определение территориальной подсудности дела.

Родовую (предметную) подсудность дела принято еще называть распределением дел «по вертикали», т. к. она делит гражданские дела между звеньями системы судов общей юрисдикции, в полномочия которых входит рассмотрение гражданского дела по первой инстанции. В число этих звеньев («сверху – вниз») входят:

- 1) Верховный Суд РФ, рассматривающий дела по первой инстанции в соответствии со ст. 27 ГПК РФ и ФКЗ от 5 февраля 2014 г. за № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»;

2) верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа, рассматривающие дела в первой инстанции в соответствии со ст. 26 ГПК РФ;

3) районные суды с учетом территориальности, рассматривающие гражданские дела, отнесенные к их подсудности ст. 24 ГПК РФ по так называемому остаточному принципу, то есть все, что не отнесено к подсудности Верховного Суда РФ, областных и приравненных к ним судов, мировым судьям, военным и иным специализированным судам;

4) мировые судьи, к родовой подсудности которых отнесены гражданские дела, закрепленные в ст. 23 ГПК РФ;

5) отдельно ст. 25 ГПК РФ устанавливает предметную подсудность с учетом того, что в случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, гражданские дела рассматриваются военными и иными специализированными судами.

Дела о компенсации морального вреда в связи с нарушением права на имя или псевдоним отнесены ГПК РФ к родовой подсудности районных судов (ст. 24 ГПК РФ).

Территориальная подсудность разграничивает дела между судами одного звена, учитывая их территориальную компетенцию, т. е. разграничение судебной власти по территории. В связи с тем, что Верховный Суд РФ у нас один, территориальная подсудность распространяется на областные и приравненные к ним суды, районные суды и мировых судей.

Выделяют **общую территориальную подсудность** (ст. 28 ГПК РФ), в соответствии с правилами которой иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика, а иск к организации – по адресу ее юридического адреса.

По отдельным социально значимым категориям дел ГПК РФ содержит правила **альтернативной подсудности** или подсудности по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ), где последний самостоятельно выбирает между судом по правилам общей подсудности (ст. 28 ГПК РФ) и теми судами, которые указаны в ст. 29 ГПК РФ.

Также выделяется **исключительная подсудность** (ст. 30 ГПК РФ), договорная подсудность (ст. 32 ГПК РФ) и **подсудность по связи дел** (ст. 31 ГПК РФ).

Сравнительно недавно появилась подсудность дел, связанных с осуществлением судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов (ст. 30.1 ГПК РФ).

При заявлении требования о компенсации морального вреда в связи с нарушением права на имя или псевдоним потерпевший имеет право воспользоваться правилами альтернативной подсудности (ст. 29 ГПК РФ), если основное требование определяется именно этой компетенцией суда, то есть он имеет право по своему выбору обратиться в суд по месту жительства ответчика либо по своему месту жительства. Об этом свидетельствует, например, ч. 6.1. ст. 29 ГПК РФ, которая устанавливает, что иски о защите прав субъекта персональных данных, в том числе о

возмещении убытков и (или) компенсации морального вреда, могут предъявляться также в суд по месту жительства истца.

На третьем этапе обращения истца в суд ему необходимо правильно определиться с видом производства, в рамках которого суд общей юрисдикции сможет рассмотреть его правовой вопрос или спор. Чаще всего выбирать приходится между исковым, приказным и упрощенным производством, поскольку при определенных в ГПК РФ условиях закон допускает последовательно три подхода истца с одними и теми же требованиями имущественного характера: сначала в приказном производстве (ст. 122 ГПК РФ), затем в упрощенном, а потом и в исковом. Следует отметить, что требования, предусмотренные ст. 122 ГПК РФ, при соблюдении других условий (бесспорность и размер до 500 тысяч рублей) могут подаваться только в приказном производстве, т. к. у потерпевшего на настоящий момент нет выбора между приказным и исковым производствами. Обращение с исковым заявлением по указанным требованиям повлечет обязательное возвращение судом искового заявления на стадии возбуждения гражданского дела (п. 1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ). Однако возражения должника против выдачи судебного приказа приведут к его отмене и возможности рассмотрения этого спора уже в исковом производстве, в том числе по правилам упрощенного производства при наличии условий, предусмотренных ст. 232.2 ГПК РФ.

Выбор вида производства лицом, нуждающимся в судебной защите, отражается в форме обращения в суд:

- если приказное производство, то обращение оформляется в виде **заявления о выдаче судебного приказа** (ст. 124 ГПК РФ);

- если исковое производство или упрощенное производство, то обращение оформляется в виде **искового заявления** (ст. 131 ГПК РФ) и будет в дальнейшем дело рассматриваться в общем исковом производстве или упрощенном производстве, что решается судом при принятии искового заявления или при подготовке дела к судебному разбирательству (ч. 2 ст. 232.3 ГПК РФ);

- все остальные виды производств требуют оформления обращения в виде **заявления**.

Требования о компенсации морального вреда не может быть рассмотрено в приказном порядке, так как по своей сути является неимущественным, а значит в ходе судебного разбирательства обязательно установление всех обстоятельств по делу, что связано с закреплением понятия «моральный вред» в законе с помощью оценочных категорий – «нравственные или физические страдания». Кроме того, дано требование не содержится в закрытом перечне ст. 122 ГПК РФ:

После определения подсудности, подсудности дела, вида судопроизводства (КАС РФ или ГПК РФ) и вида производства истец должен в исковом заявлении правильно сформулировать предмет иска.

Определение предмета иска осуществляется в просительной части искового заявления, то есть по-

сле слова «прошу» истцом перечисляются все материально-правовые требования к ответчику, которые он просит удовлетворить через суд, согласно п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ.

Предмет иска и основание иска представляют собой его элементы, под которыми понимаются составные части, закрепленные в ст. 23, 39, 43, 54, 134, 135, 220, 233, 244.25, 327, 406, 417.3 ГПК РФ. Легального определения этих терминов ГПК РФ не содержит, однако в теории эти правовые категории разработаны достаточно подробно, т. к. связаны с теорией иска и его элементов, права на иск и т. п.

Традиционно под **предметом иска понимается материально-правовое требование истца к ответчику** (в зависимости от теории материального или процессуального иска либо их сочетания в отношении понимания иска как правовой категории он может быть направлен непосредственно к ответчику либо к суду, либо к ответчику, но через суд).

По сути своей предмет иска представляет собой выбранный истцом способ защиты своих нарушенных или оспоренных материальных прав и законных интересов. Основные способы защиты гражданских прав содержатся в ст. 12 ГК РФ.

Истец вправе выбрать в качестве предмета иска не один, а несколько способов защиты, соответственно, несколько требований, которые может предъявить в суде к ответчику.

Непоименованные в законе способы защиты истец может выбрать себе сам (например, так называемые «превентивные иски»), однако он должен учитывать возможность реального их исполнения в принудительном порядке в будущем с учетом действующего в России механизма принудительного исполнения. Например, запрет ответчику не приближаться к истцу на расстояние ближе 100 метров может затруднить реальное исполнение этого требования на практике и контроль его со стороны судебных приставов-исполнителей, даже если об этом будет принято судебное решение и т. п.

Предмет иска не следует смешивать с предметом (объектом) спора (автомобиль, квартира, деньги и т. п.), то есть именно с той вещью, объектом материального мира, в отношении которого ведется спор. Следует отметить, что в отношении одного объекта спора истцом могут быть выбраны несколько требований (способов защиты), например, признание права собственности на автомобиль, возврат его из чужого незаконного владения и взыскание убытков в связи с незаконным удержанием этого автомобиля.

Определение основания иска, в отличие от предмета иска, размещающегося в просительной части искового заявления, происходит истцом в описательной части. Действующий ГПК РФ не требует указывать правовое обоснование иска, то есть ссылаться на нормы права при обосновании своих требований (п. 5 ч. 1 ст. 131 ГПК РФ). Подача искового заявления без ссылок на нормы права не повлечет за собой его неприятие к производству судом, так как большинство исков подаются гражданами, не имеющими юриди-

ческого образования. Ссылки на нормы права обязательны для прокурора (ч. 3 ст. 131 ГПК РФ). Все остальные лица могут ссылаться на правовые нормы по своему желанию, в том числе даже профессиональные представители (например, адвокаты), которые, казалось бы, обязаны ссылаться на законодательные акты в силу своей юридической профессии и образования.

Определение предмета доказывания по делу как совокупности обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, осуществляется истцом при составлении описательной части судебного решения. Следует иметь в виду, что предмет доказывания по делу по своей сути является фактическим основанием иска, т. е. теми обстоятельствами, с которыми истец связывает и обосновывает свои требования.

Кроме факта нарушения права на имя или псевдоним, который может быть выражен в факте его искажения или незаконном использовании, истец при заявлении требования о компенсации морального вреда обязан будет доказать следующее:

- факт физических или нравственных страданий;
- размер физических или нравственных страданий;
- неправомерность действий (бездействия) причинителя вреда;
- причинную связь между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом;
- вину причинителя вреда в необходимых случаях (ст. 151, 1064, 1099, 1100 ГК РФ).

Потерпевший (истец по делу о компенсации морального вреда) должен доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред. Процессуальным языком это значит доказать, что истец и ответчик по делу являются надлежащими сторонами по делу.

Вина в причинении морального вреда предполагается, пока не доказано обратное. Отсутствие вины в причинении вреда доказывается лицом, причинившим вред.

В соответствии с законодательством есть два пути разрешения конфликта по делам о компенсации морального вреда до обращения в суд. Во-первых, возможно заключение соглашения о добровольной компенсации морального вреда. Во-вторых, если причинитель вреда отказывается от добровольной компенсации морального вреда, гражданин может обратиться в суд с иском о ее компенсации.

После того потерпевший определил юридически значимые обстоятельства дела, ознакомился с нормативной базой, регулирующей отношения по компенсации морального вреда, и выработал пути разрешения проблемы, он может переходить непосредственно к реализации одного из путей по защите своих прав.

При подготовке и оформлении искового заявления с помощью представителя-юриста необходимо четко уяснить, что наиболее оптимальный вариант решения конфликта с точки зрения юриста не всегда является таковым с точки зрения обратившегося за правовой помощью, но навязывать свою позицию юрист клиенту не вправе. Однако следует помнить, что обратившийся за помощью не знает права, и наилучший для себя вариант поведения без консультации юриста-представителя он найти не может. Именно поэтому следует рассматривать несколько вариантов решения его проблемы, обсуждая как положительные, так и отрицательные стороны. Так, при причинении морального вреда гражданину существует два пути урегулирования конфликта:

1) добровольная компенсация причиненного морального вреда его причинителем потерпевшему;

2) обращение в суд с иском заявлением.

В первом случае в качестве положительной стороны предлагаемого варианта можно назвать достаточно быстрое получение потерпевшим суммы компенсации. Отрицательной же стороной этого варианта является то, что в случае неисполнения причинителем вреда заключенного соглашения добровольно потерпевший не может обратиться к судебному представителю-исполнителю для принудительного взыскания суммы компенсации, указанной в соглашении. Чтобы такое соглашение (если оно совершено в простой письменной форме) обратить к принудительному исполнению, взыскателю (лицу, которому причинен вред) необходимо обратиться в суд с иском заявлением.

Так, в апелляционном определении Псковского областного суда рассмотрена ситуация, когда на истца было неправомерно наложено дисциплинарное взыскание. В ходе судебного процесса ответчик отменил свой приказ, однако истец продолжал настаивать на компенсации морального вреда, причиненного незаконным вынесением приказа. И данное требование было удовлетворено судом, поскольку отмена незаконного приказа в отношении истца не отменяет факт причинения ему морального вреда в период существования этого приказа¹. Таким образом, даже добровольное устранение работодателем совершенных в отношении работника нарушений не освобождает в полной мере от обязанности по компенсации морального вреда. Суд может лишь учесть данное поведение работодателя как степень вины при установлении размера компенсации.

В случае выбора второго варианта и предъявления в суд иска о компенсации морального вреда в качестве положительной стороны можно выделить возможность принудительного исполнения вступившего в законную силу решения по данному делу. Отрицательная сторона: требуется время, пока суд рассмотрит и вынесет судебное решение по требованию

потерпевшего, при этом на истца (потерпевшего) возлагается определенное бремя доказывания.

Обсудив достоинства и недостатки каждого из предлагаемых вариантов решения проблемы, юрист-представитель должен помочь обратившемуся за помощью лицу выбрать наиболее оптимальный.

Заключение соглашения о добровольной компенсации морального вреда. В случае, если потерпевший видит перспективы и останавливается на добровольном урегулировании конфликта, необходимо рекомендовать ему обратиться с таким предложением непосредственно к причинителю. При согласии последнего на добровольное урегулирование конфликта необходимо рекомендовать потерпевшему заключить с ним письменное соглашение о добровольной компенсации морального вреда, которое должно содержать следующие реквизиты:

- 1) дата и место составления соглашения;
- 2) наименование сторон;
- 3) цель заключения соглашения;
- 4) указание на вред, причиненный потерпевшему;
- 5) описание морального вреда (страдания нравственные или физические), причиненного потерпевшему;
- 6) определение потерпевшим размера компенсации морального вреда с учетом характера и степени страданий, а также страданий, которые потерпевший может испытывать в дальнейшем;
- 7) обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшему указанную сумму и срок выплаты;
- 8) дата вступления в силу соглашения;
- 9) адреса и реквизиты сторон;
- 10) подписи сторон.

В любом случае в дальнейшем такое соглашение можно будет использовать в качестве судебного доказательства, в том числе при определении размера компенсации морального вреда.

Если заключение соглашения о добровольной компенсации морального вреда невозможно, тогда следует обращаться в суд.

При определении необходимых доказательств по делу, их сборе и приложении к исковому заявлению необходимо учитывать определенные моменты. Судебная практика под физическими страданиями понимает физическую боль, связанную с причинением увечья, иными повреждениями здоровья, либо заболеванием, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, а под нравственными страданиями – страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или

¹ Апелляционное определение Псковского областного суда от 24 декабря 2013 г. по делу № 33-2068 // Консультант Плюс: сайт.

врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции).

Отсутствие заболевания или иного повреждения здоровья, находящегося в причинно-следственной связи с физическими или нравственными страданиями потерпевшего само по себе не является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда¹.

Оформление и подписание искового заявления.

Заключительным этапом выступает подписание оформленного искового заявления истцом. Несоблюдение данного требования может привести к оставлению искового заявления без движения или его возвращению. В связи с тем, что истцом может выступать как физическое, так и юридическое лицо, а также иные субъекты гражданско-правовых отношений (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, органы, организации, учреждения и т. д.), подписантом должна выступать сама сторона по делу (участник спорного материального правоотношения) либо уполномоченный на ее представление интересов в суде законом или договором.

Например, гражданин кроме подписи должен указать свое имя, отчество (при наличии) и фамилию; руководитель юридического лица дополнительно указывает свое должностное положение и скрепляет свою подпись печатью предприятия; представитель – основания, по которым он может пописывать исковое заявление (закон или доверенность – ст. 54 ГПК РФ). Таким образом, исковое заявление подписывается истцом или его представителем при наличии у него полномочий на подписание заявления и предъявление его в суд. Исковое заявление, подаваемое в электронном виде, содержащее ходатайство об обеспечении иска, должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 4 ст. 131 ГПК РФ). Документы, свидетельствующие о статусе и полномочиях лица на подписание искового заявления, обязательно прилагаются в подлиннике или в виде надлежаще заверенной копии к исковому заявлению (ст. 132 ГПК РФ).

В качестве следующего этапа можно выделить оплату государственной пошлины и предварительное определение истцом судебных издержек. Одним из условий принятия искового заявления судом является выполнение истцом обязанности по оплате государственной пошлины, которая наряду с судебными издержками является обязательной частью судебных расходов для сторон по делу (ч. 1 ст. 88 ГПК РФ).

Обязанность по несению бремени судебных расходов является одним из существенных признаков

сторон, выделяющих их из всего круга лиц, участвующих в деле (ст. 34 ГПК РФ).

Льготы по уплате государственной пошлины (ст. 89 ГПК РФ), а также основания и порядок освобождения от ее уплаты, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки уплаты (ст. 90 ГПК РФ) устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Во всех остальных случаях государственная пошлина оплачивается в полном объеме одной из сторон или обеими сторонами в соответствии с распределением расходов между ними, установленным ст. 98 ГПК РФ.

Важно помнить, что государственная пошлина является **обязательным сбором за рассмотрение дела в суде** (ч. 1 ст. 333.16 НК РФ), соответственно, уплачивается в доход федерального бюджета, является частью оплаты расходов по содержанию судебной системы (заработная плата судей и государственных служащих, оплата содержания зданий и помещений судов, интернета и почтовых услуг и т. п.), поэтому для государства неважно, кто конкретно выиграет или проиграет дело, важно, что государственная пошлина в соответствии со ст. 98 ГПК РФ будет взыскана со стороны (сторон) гражданского дела **в любом случае**, в том числе в принудительном порядке в рамках искового производства. Судебные издержки же как вид судебных расходов распределяются между «бюджетами (карманами) сторон по делу» и по общему правилу подлежат возмещению **проигравшей стороной стороне**, «выигравшей гражданское дело».

В связи с тем, что истец уплачивает государственную пошлину при обращении в Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции или к мировым судьям **до подачи** ходатайства, заявления, искового заявления (п. 1 ч. 1 ст. 333.18. Налогового кодекса РФ; далее – НК РФ), ее размер приходится ему устанавливать **самостоятельно**, как и узнавать, есть ли у него льготы по уплате либо основания для освобождения от уплаты.

Размеры государственной пошлины и особенности ее уплаты установлены в ст. 333.19 и 333.20 НК РФ, однако проверить правильность определения суммы размера подлежащей уплате государственной пошлины истцу можно на официальном сайте соответствующего суда в разделе «калькулятор государственной пошлины».

Выделяются три вида государственной пошлины: простая, пропорциональная и смешанная (ст. 333.19 НК РФ). При заявлении требований о компенсации морального вреда как дополнительного, так и для устранения в нарушении основного требования права на имя или псевдоним размер государственной пошлины составит расчет за два заявляемых требования неимущественного характера, то есть 300 руб. + 300 руб.

В случае невозможности оплаты государственной пошлины истец в силу действия принципа доступности правосудия и права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) не лишается возможности обращения в суд, а соответственно, и возможности рассмотрения его обращения судом. Для этого истец

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // КонсультантПлюс: сайт.

может оформить самостоятельным документом или включить в исковое заявление ходатайство о предоставлении ему отсрочки, рассрочки уплаты государственной пошлины, об уменьшении ее размера или об освобождении от ее уплаты в соответствие со ст. 90 ГПК РФ. В этом случае обязательным будет приложение к исковому заявлению документов, подтверждающих невозможность оплаты либо определяющих статус лица, дающего истцу финансовые льготы.

Необходимо обратить внимание на этап выполнения действий по досудебному урегулированию спора (переговоры, претензия, медиация и т. п.). В случаях, прямо предусмотренных законом (например, ФЗ «О защите прав потребителей», транспортные кодексы) или договорами, истец обязан до обращения в суд выполнить действия по претензионному или иному урегулированию возникшего спора. Доказательствами выполнения этого будут служить:

- претензия, по содержанию требований, совпадающая с будущим исковым заявлением;
- документы, подтверждающие получение будущим ответчиком этой претензии;
- получение будущим истцом ответа на свою претензию, который его не удовлетворил;
- истечение установленного законом или договором срока на получение будущим истцом ответа от будущего ответчика на свою претензию.

Следующим обязательным этапом является рассылка копий искового заявления и приложенных к нему документов всем лицам, участвующим в деле. В настоящий момент обязанность по рассылке копий искового заявления и прилагаемых к нему документов лежит на истце, поэтому к исковому заявлению прилагаются доказательства такой рассылки и получения корреспонденции ответчиком в любом доступном для истца виде (личное вручение, вручение почтовой корреспонденции с уведомлением, курьером и т. п.).

Что касается способов непосредственного представления искового заявления и прилагаемых документов в суд, то в ГПК РФ они не оговариваются, поэтому применяется наиболее доступный для истца: очный (лично или представителем через канцелярию суда), почтой (заказным письмом с уведомлением) либо посредством электронного обращения через сайт суда. При выборе способа доставки искового заявления в суд истец должен учитывать особенности течения срока исковой давности, который не всегда связывается с моментом поступления искового заявления в суд, а может быть обеспечен обращением на почту и определяться датой на штемпеле такого письма.

Таким образом, судебная защита права гражданина на имя или псевдоним осуществляется в порядке гражданского судопроизводства. При этом ему предоставляются различные способы защиты нарушенного права, в том числе компенсация морального вреда. Рассмотрение споров по данной категории дел осуществляется в порядке, предусмотренном ГПК РФ, имеющем определенную специфику в связи с матери-

ально-правовым характером спорного правоотношения. Данные особенности включают в себя специфический предмет, основание иска и особый предмет доказывания.

Библиографический список

1. Дегтярев С. Л., Макеева И. С. Гражданский процесс: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. 123 с.

References

1. Degtyarev S. L., Makeeva I. S. Civil Procedure: a textbook. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 123 p.

Информация об авторе

Дегтярев Сергей Леонидович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Degtyarev Sergey L. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 12.04.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы развития

Короленко Ирина Ивановна¹, Парковская Мария Ивановна²

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, Korolenko.irina.2013@mail.ru

² Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, Vakulamar@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого нового для российского гражданского законодательства института, как наследственный фонд. В частности, дано его понятие, раскрыты особенности образования, а также обозначены преимущества и недостатки создания и функционирования в России. В ходе проведенного анализа наследственного фонда авторами выделены особенности данного института, обозначены положительные и отрицательные стороны его применения, дана оценка тенденциям его развития в современных гражданско-правовых отношениях.

Ключевые слова: наследственный фонд, наследование, завещание, нотариус

Для цитирования: Короленко И. И., Парковская М. И. Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 49–52.

Original article

Inheritance fund in Russia: problems and development prospects

Korolenko Irina I.¹, Parkovskaya Maria I.²

¹ Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, Korolenko.irina.2013@mail.ru

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, Vakulamar@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of such a new institution for Russian civil legislation as the inheritance fund. In particular, the concept is given, the features of its formation are revealed, and the advantages and disadvantages of its creation and operation in Russia are outlined. In the course of the analysis of the inheritance fund, the authors highlighted the features of this institution, identified the positive and negative aspects of its use, and assessed the trends in its development in modern civil law relations.

Keywords: inheritance fund, inheritance, will, notary

For citation: Korolenko I. I., Parkovskaya M. I. Inheritance fund in Russia: problems and development prospects // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 49–52.

Современный этап экономического развития общества, активное формирование предпринимательской деятельности диктуют необходимость совершенствования нормативной правовой базы в разных сферах. Не стало исключением и гражданское законодательство в части регулирования наследственных отношений.

Внесение в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) норм о наследственном фонде решило некоторые проблемы, возникающие в ходе

принятия наследства. Так, в случае наследования имущественного комплекса в течение шестимесячного срока, который дается для вступления в наследство, может повлечь за собой без должного управления его полное уничтожение. Именно поэтому законодателем принято решение о создании наследственного фонда, деятельность которого нацелена на сохранение и развитие имущества умершего.

Институт наследственного фонда был учрежден в 2018 г. посредством внесения изменений в ГК РФ¹.

Следует обозначить, что же подразумевает под собой понятие «наследственный фонд». Поскольку ГК РФ не содержит определения заявленной категории, необходимо обратиться к теоретическим источникам. На основании анализа научной литературы можно отметить, что наследственный фонд – это в первую очередь новый для отечественного гражданского законодательства способ управления бизнесом, активами и иным имуществом после смерти его владельца [1, с. 52]. Именно наследодатель принимает решение о создании фонда и обязательно фиксирует это в завещании. Отметим важную особенность наследственного фонда: если наследодатель принял решение о создании наследственного фонда, то все имущество, активы, вошедшие в него, не делятся на доли между наследниками. Это верное решение, так как если активами кто-то управляет, но они приносят определенный доход, а имущество наследодателя остается в сохранности. Кроме того, формирование такого фонда помогает предприятиям функционировать, а не приостанавливать свою деятельность или вовсе завершать ее вследствие споров между наследниками.

Итак, под наследственным следует понимать фонд, который учреждается по волеизъявлению наследодателя, действует на основе его имущества, управляет им, имея статус некоммерческой организации.

Наследственный фонд может учреждаться на конкретный временной промежуток, а может действовать бессрочно.

При этом следует сказать о недостатке в процессе учреждения наследственного фонда, заключающемся в том, что при жизни наследодатель может только принять решение об его учреждении, но он не может сам создать его, наладить в нем работу и быть уверенным в правильности его деятельности.

Стоит отметить, что для российской правовой системы наследственный фонд является новым инструментом, однако в зарубежном законодательстве данный институт пользуется большой популярностью и достаточно развит. Прежде всего его цель в зарубежных странах, помимо помощи родственникам наследодателя, заключается в совершении общественно полезных деяний, средства от которых направляются на благотворительность. Для них это давно уже не новшество. Ярким примером является наследственный фонд Альфреда Нобеля.

Как было отмечено выше, наследственный фонд создается для сохранности имущества наследодателя и для обеспечения бесперебойной работы его бизнеса. В связи с этим возникает вопрос о соотношении деятельности наследственного фонда и предпри-

нимательской деятельности. Наследственный фонд, являясь некоммерческой организацией, вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, если это соответствует целям, указанным в его уставных документах.

Чтобы разобраться в правовой природе деятельности наследственного фонда, следует остановиться на анализе алгоритма его создания. Прежде всего необходимо желание наследодателя именно таким образом распорядиться своим имуществом, которое он должен отразить в завещании. При этом завещание должно быть открытым. Если нотариус принял закрытое завещание, а после смерти наследодателя выяснилось, что в нем есть распоряжение о создании наследственного фонда, то такое условие будет являться ничтожным. После этого согласно ст. 123.20-8 ГК РФ нотариус в течение трех дней с момента открытия наследственного дела подает заявление о регистрации наследственного фонда². В завещании наследодатель определяет все условия функционирования наследственного фонда, учреждает его устав, прикладывая необходимые документы к завещанию. В дальнейшем все обозначенные условия относительно деятельности наследственного фонда не могут быть изменены. Исключением является ситуация, когда на прежних условиях фонд не может функционировать или когда выгодоприобретатель является недостойным наследником.

Напомним, что сама процедура создания наследственного фонда предполагает его открытие только после открытия наследства, то есть после смерти наследодателя. По мнению многих практикующих юристов, данный факт отпугивает наследодателей и не позволяет им воспользоваться данным способом распоряжения имуществом. Причина опасений очевидна, ведь невозможно оценить эффективность работы наследственного фонда, так как нет возможности создать его при жизни. Следовательно, на практике для наследодателя оказывается крайне рискованным вкладывать в него свои средства.

Изучая теорию создания и использования наследственных фондов, видится ряд его преимуществ:

- наследодатель получает возможность сохранить свое имущество в целостности после смерти;
- налаженный бизнес наследодателя продолжает функционировать непрерывно после его смерти;
- наследодатель заботится, в том числе, и о наследниках, обеспечивая им финансовую стабильность.

Однако положительные стороны наследственного фонда не исключают проблем, которые заставляют наследодателей задуматься о данном способе распоряжения своим имуществом.

Первой из них является проблема законодательного урегулирования участия нотариуса в процессе создания наследственного фонда. По сути, нотариус является главным участником наследственных отно-

¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31 июля 2017 г. № 31 (Ч. I). Ст. 4808.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 8 декабря 1994 г. № 238–239.

шений. Именно ему поручено создать наследственный фонд с учетом всех распоряжений наследодателя. Как уже отмечалось, в течение трех дней после открытия наследства нотариус подает заявление о государственной регистрации наследственного фонда. Но прежде чем такое заявление подается, он должен получить согласие соответствующих лиц на осуществление полномочий единоличного исполнительного органа или члена коллегиального органа наследственного фонда. При этом в законодательстве нет возможности продления срока для направления и получения ответа указанных в завещании лиц в случае, если они не дадут ответ на запрос нотариуса или откажут ему.

Следующим интересным вопросом, который не единожды освещался в научных исследованиях, является вопрос судьбы имущества, которое вошло в наследственный фонд, но фонд так и не был создан. Напомним, наследственный фонд учреждается только после смерти наследодателя, следовательно, с уставом наследственного фонда указанные в завещании лица могут ознакомиться только после его смерти. Если выяснится, что положения устава противоречат российскому законодательству, то учреждение фонда будет невозможным. Очевидно, что завещание не будет исполнено, а значит судьба имущества, входящего в состав наследственного фонда, остается открытой. Осложняется данное положение тем, законодатель запрещает вносить в устав какие-либо изменения. Для сравнения отметим, что в зарубежном праве наследственный фонд создается еще при жизни наследодателя. Возможно, именно поэтому в других странах данный институт используется давно и успешно. Можно предположить, что для решения этой проблемы следует прибегать к консультациям специалистов, которые помогут избежать ошибок во время составления устава. Кроме того, законодательно следует предоставить нотариусу или иному специальному лицу право на изменение противоречащих закону положений устава фонда.

Еще один вопрос, который следует на наш взгляд осветить в исследовании, это вопрос об обязательной доле. Например, на практике может возникнуть ситуация, когда у наследодателя есть ребенок от незарегистрированного брака, который по закону имеет право на обязательную долю в наследстве. Однако после смерти наследодателя выясняется, что он распорядился о создании наследственного фонда, куда вошло все имеющееся у него имущество. При этом ребенок в числе выгодоприобретателей не указан. Разделить имущество наследственного фонда и выделить из него долю невозможно, отсюда возникает вопрос, что же делать в такой ситуации. К сожалению, на сегодняшний день законодатель не дает на него ответа. Нормативные правовые акты также не содержат положений о том, можно ли учредить несколько разных наследственных фондов или можно ли передать фонду только часть имущества, а другую часть в обычном порядке распределить между наследниками.

На данном этапе проведенного исследования представляется возможным определить дальнейшие перспективы развития наследственного фонда в отечественном законодательстве. Прежде всего отметим, что с каждым годом растет количество завещаний с поручением о создании наследственного фонда. Так, в 2021 г., спустя всего лишь три года после вступления в силу положений о рассматриваемом правовом институте, по открытым данным Федеральной нотариальной палаты зарегистрировано более 500 000 завещаний с поручением о создании наследственного фонда. Безусловно, для отечественного законодательства внедрение данного института является положительным опытом. Его использование позволяет обеспечить сохранность имущества наследодателя, расширив возможности в части использования его после смерти [2, с. 23]. Для того чтобы добиться успешного применения данного института, следует прежде всего в отечественном гражданском законодательстве устранить имеющиеся пробелы, уделив особое внимание проблемным аспектам, которые на практике являются отталкивающим фактором при решении наследодателя о возможности учреждения наследственного фонда.

Помимо явных положительных моментов в данном вопросе сохраняются проблемы, касающиеся функционирования наследственного фонда. Его правовая конструкция имеет ряд правовых пробелов, коллизий и недостатков, которые регулярно поднимаются в научной литературе. Даже пятилетняя практика не исключила все спорные позиции правоприменения положений о наследственном фонде. Данный факт вполне логично объясняет сохраняющуюся непопулярность в России изучаемого правового института.

Подводя итог проведенного исследования, представляется возможным сделать вывод о том, что внесение в законодательство Российской Федерации положений о наследственных фондах является важным шагом в развитии наследственного права. Наследственный фонд – это в первую очередь возможность для наследодателя сохранить свое имущество, обеспечить его рациональное использование, а также предотвратить его дробление между наследниками. Безусловно, трудно переоценить положительные аспекты данного института. Однако законодатель не учел специфику отечественной правовой системы, в связи с чем при применении некоторых правовых норм возникли проблемы, описанные в настоящей статье. Нормы, касающиеся наследственного фонда, требуют законодательного совершенствования, в частности, следует предусмотреть условия, позволяющие всем субъектам анализируемых правоотношений не сомневаться и не опасаться в случае необходимости учреждения такого фонда.

Библиографический список

1. Быковская Е. А. Правовой статус наследственного фонда в Российской Федерации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения.

ния: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 51–56.

2. Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Особенности, роль, значение личных фондов в наследственном праве // Наследственное право. 2022. № 3. С. 23–25.

References

1. Bykovskaya E. A. The legal status of the inheritance fund in the Russian Federation // Bulletin of the Siberian State University of Railway Engineering: Humanitarian Studies. 2022. No. 4 (15). Pp. 51–56.

2. Kirillova E. A., Maslenko E. N. Features, role, importance of personal funds in inheritance law // Inheritance law. 2022. No. 3. Pp. 23–25.

Вклад авторов

Короленко Ирина Ивановна – анализ и обобщение данных литературы, а также действующего законодательства, регулирующего вопросы наследственного фонда, подготовка первоначального варианта текста, обобщение результатов исследования.

Парковская Мария Ивановна – формулировка выводов, критический пересмотр текста статьи, структурирование собранного материала, доработка текста исследования.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Korolenko Irina I. – analysis and generalization of literature data, as well as current legislation regulating the issues of the inheritance fund, preparation of the initial version of the text, generalization of the research results.

Parkovskaya Maria I. – formulation of conclusions, critical revision of the text of the article, structuring of the collected material, revision of the text of the study.

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Информация об авторах

Короленко Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент

Парковская Мария Ивановна – кандидат юридических наук

Information about authors

Korolenko Irina I. – Candidate of Law, Associate Professor

Parkovskaya Maria I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 12.04.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

Представительство в суде или профессиональный процесс: обязательный образовательный ценз в судах первой инстанции

Мельник Сергей Васильевич¹, Гомозова Ольга Юрьевна²

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
m809sv@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, gou_19@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают возможность и актуальность практической реализации поправки об обязывании представителя иметь установленный законом образовательный ценз в судах первой инстанции по гражданским делам.

Ключевые слова: суд первой инстанции, представительство, гражданское судопроизводство, образовательный ценз, высшее юридическое образование

Для цитирования: Мельник С. В., Гомозова О. Ю. Представительство в суде или профессиональный процесс: обязательный образовательный ценз в судах первой инстанции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 53–56.

Original article

Representation in court or professional process: mandatory educational qualification in the courts of first instance

Melnik Sergey V.¹, Gomozova Olga J.²

¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named by V. V. Lukianov, Orel, Russia,
m809sv@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named by V. Ya. Kikot, Moscow, Russia,
gou_19@mail.ru

Abstract. In this article, the authors consider the possibility and relevance of the practical implementation of the amendment on the obligation of a representative to have an educational qualification established by law in the courts of first instance in civil cases.

Keywords: court of first instance, representation, civil proceedings, educational qualification, higher legal education

For citation: Melnik S. V., Gomozova O. J. Representation in court or professional process: mandatory educational qualification in the courts of first instance // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 53–56.

Право на судебную защиту является фундаментальным в правовом статусе гражданина Российской Федерации. Активные дискуссии относительно его содержания ведутся по сей день, поскольку законодатель расширяет и дополняет нормы, регламентирующие порядок защиты нарушенных прав.

Идея дополнения таких норм получила свое отражение в законодательной инициативе, заключающейся в изменении нормативных правовых актов в части введения обязательного юридического образования у представителей по гражданским делам в судах общей юрисдикции, что позволило практикам

говорить о существовании образовательного ценза данной фигуры. Касаясь конкретных изменений законодательства, необходимо отметить, что ныне представитель обязан вместе с паспортом гражданина РФ и доверенностью предоставить суду документ о так называемом прохождении образовательного ценза.

Введение понятия «образовательный ценз» обусловлено категориями лиц, которые могут представлять интересы сторон в гражданском судопроиз-

водстве. Данный ценз не проходят лица, получившие среднее профессиональное образование.

Требование об обязательном наличии высшего образования у представителей сторон в судах общей юрисдикции по гражданским делам спровоцировало полемику в юридических кругах, поскольку на основании соответствующего предписания в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) ныне закреплены отдельные нормы, закрепляющие данное понятие. Так, представитель по гражданским делам в судах общей юрисдикции – это лицо, имеющее высшее юридическое образование, ученую степень по юридической специальности или статус адвоката, исключая дела, рассматриваемые в мировых и районных судах¹. Практика претворения данного предписания в жизнь позволила сформировать далекие от единообразия мнения юристов.

Безусловно, рассматриваемая законодательная инициатива ныне широко обсуждается в юридических кругах. Отмечая концептуальное несогласие с идеей образовательной монополии в судах общей юрисдикции, С. А. Халатов указывает на низкие количественные показатели числа юристов, ссылаясь при этом на особую обеспокоенность топографической стороной вопроса [1]. Возможность получения профессиональной юридической помощи в удаленных от городов местах явно снизилась, учитывая не только малочисленность и местоположение конкретного населенного пункта, но и невысокий уровень доходов местных жителей. В связи с этим рядовым обывателем легче обращаться к знакомым пенсионерам правоохранительных органов, родственникам, знающим толк в вопросах правоприменения. При введении так называемой адвокатской монополии, безусловно, необходимо учитывать средний показатель количества профессиональных кадров не на страну, а на конкретный субъект, район.

Новый виток дискуссий у юридического сообщества вызывало Постановление Пленума Верховного суда РФ о подготовке законопроекта, в соответствии с которым участвовать в качестве представителей по гражданским делам в суде первой инстанции смогут лишь лица, имеющие высшее юридическое образование. Иными словами, предлагается расширить юрисдикцию образовательного ценза и на суды первой инстанции. Пояснительная записка к документу гласит, что данное нововведение позволит в полном объеме реализовать конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Предполагается, что законодатель преследует цель – улучшение качества оказания правовой помощи при разрешении споров, однако в применении данного образовательного ценза не все так очевидно².

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>.

² Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении из-

Гарантия доступности правосудия, продиктованная фундаментальными принципами международного и национального законодательства, обеспечивает гражданам государства право на обращение в суд и отстаивание своих прав и интересов в судебном разбирательстве. В связи с тем, что на мировые и районные суды приходится большинство всех гражданских дел, ожидаемого качественного прорыва рассмотрения материалов ожидать не стоит. На сегодняшний день имеется существенное неудобство для сторон при пересмотре судебного решения в вышестоящих судах, поскольку приходится менять представителя, если тот не имел оснований для прохождения соответствующего образовательного ценза в судах общей юрисдикции. Не означает ли данный факт нарушение доступности правосудия и обуславливает ли необходимость предлагаемых изменений в букве закона?

Роль доступности правосудия сводится к ее всеобъемлющему характеру, включая не только право на обращение в суд, но и в конечном итоге право на удовлетворение материально-правового требования заинтересованного лица. Тесная взаимосвязь между доступностью правосудия и правом на получение квалифицированной юридической помощи обуславливает возможность возникновения коллизии. Конституция РФ прямо указывает, что в случаях, предусмотренных законом, такая юридическая помощь оказывается бесплатно³. Обращаясь к федеральному законодательству по вопросам регулирования оказания бесплатной юридической помощи, отметим прямое указание на принцип ее доступности для граждан⁴.

Обосновано предположить, что в случае принятия предлагаемых поправок в части введения образовательного ценза для представителей по гражданским делам в судах первой инстанции право на оказание бесплатной юридической помощи может быть подвергнуто нарушению. Данный вывод обуславливается, во-первых, огромной загруженностью мировых и районных судей и, соответственно, численностью лиц, обращающихся в суд с иском. Во-вторых, лица, обращающиеся в суды первой инстанции, являются зачастую простыми обывателями, идущими на восстановление справедливости и желающими понести наименьшие убытки в связи с судебным процессом. На практике имеется достаточно случаев, когда стороны обращаются к специалистам узкого профиля без юридического образования: экономистам, маркетологам, налоговым инспекторам, которые в свете новых поправок могут быть привлечены лишь для консультации по компетентным вопросам, а участвовать

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»». URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>.

в судебном процессе будут уполномочены лишь лица, имеющие официальное основание. В связи с предполагаемой популяризацией профессиональных представителей и риском возникновения их дефицита предлагается внесение поправок в список лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи от государства.

Настоящая редакция федерального законодательства предусматривает два условия получения бесплатной юридической помощи: в связи с отнесением гражданина к определенной категории и в связи с возникновением той или иной жизненной ситуации. К. А. Чуйченко высказывает мнение, что перечень случаев оказания бесплатной юридической помощи не должен быть ограничен, поскольку граждане должны иметь возможность получать ее по любым правовым вопросам¹. Другая законодательная инициатива подвергла сомнению принятие в первом чтении поправок о регулировании регионами случаев оказания бесплатной юридической помощи. Хотя очевидно, что это повысит эффективность данной помощи на местах с учетом региональной демографической специфики и особенностей, связанных с интересами всех сторон (граждане, адвокатура и государство). Принятие такой поправки позволит сохранить баланс между выдвигаемым требованием образовательного ценза представителей по гражданским делам в судах первой инстанции и потребностями лиц, реально имеющих возможность воспользоваться их услугами.

Помимо указанного, очевидная проблема лежит в определении статуса лица, имеющего высшее образование или лица, имеющего ученую степень по юридической специальности. Следует полагать, что в качестве квалифицированного юриста законодатель считает лицо, получившее диплом бакалавра, специалиста, магистра либо диплом об окончании аспирантуры по юридической специальности. Кроме того, к таковым относятся и те, кто осуществляющие не только адвокатскую, но и нотариальную либо юрисконсультскую деятельность. Государство, гарантируя каждому право на судебную защиту, обязывается обеспечивать условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов, устанавливая требования и критерии для подтверждения статуса юриста. Конституционное законодательство никак не регулирует указанные критерии, при этом обращая наше внимание на иные нормативные правовые акты. Нормы цивилистики никак не сообщают нам перечень образовательных учреждений, чьи дипломы можно признать законным доступом к представительству в гражданском процессе. Можно ли предоставить в суд дипломы о получении высшего образования в иных странах как основание вступления в процесс представителя? Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев наличие юридического образования, полученного за рубежом, едва ли позволит такому юристу

разобраться в тонкостях национального законодательства, однако поставленный вопрос так и остается риторическим.

Вместе с тем ч. 3 ст. 123 Конституции РФ провозглашает состязательность и равноправие сторон фундаментальными принципами судебного производства. Признавая данные принципы межотраслевыми, законодатель находит их отражение и в гражданско-процессуальной норме. В этом случае, если речь идет о равноправии сторон, невозможно не отметить диссонанс, возникающий при отсутствии у стороны материальной возможности найма судебного представителя. К примеру, гражданин А., являющийся ответчиком по гражданскому делу в мировом суде, ввиду тяжелого материального положения не имеет возможности нанять судебного представителя, однако его давний знакомый обладает теоретическими и практическими знаниями по предмету спора и может помочь ему. Но по планируемой поправке, не смотря на объем знаний в области права, данный знакомый не сможет вступить в процесс без бумаги, подтверждающей его образование. В связи с тем возникает вопрос, кто покроет судебные издержки гражданина А. в случае отсутствия у него самой материальной возможности найма судебного представителя, если закон будет обязывать искать именно дипломированного специалиста. Рассмотренные случаи должны быть закреплены на законодательном уровне [2].

Обратим внимание и на позитивные стороны применения рассматриваемой правовой инициативы. В настоящее время участвующие в судебном процессе лица сталкиваются с проблемой подписания искового заявления фактически неуполномоченным лицом при передаче из районного суда в арбитражный. Гражданско-процессуальные нормы прямо не регулируют случаи, когда представителем истца, не имеющим высшего юридического образования, чьи полномочия подтверждаются надлежащим образом оформленной доверенностью, подписано исковое заявление, принятое к производству судьей районного суда. Фактически истец вынужден сменить представителя, заявленного ранее, в связи с тем, что последний уже не будет проходить образовательный ценз. Усложняется или упрощается процесс в судах общей юрисдикции планируемым к закреплению образовательным цензом – вопрос также дискуссионный. Однако, по нашему мнению, это и есть не что иное, как позитивная сторона реформы.

Есть неоспоримый плюс в том, что деятельность юристов в России будет регулироваться общероссийской общественной организацией граждан, имеющих юридическое образование. В первую очередь это защитит права россиян, которые должны быть уверены в том, что получают квалифицированную юридическую помощь при защите своих прав в любом судебном органе.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, следует выделить очевидную недоработанность предлагаемой поправки в гражданско-процессуальный закон с точки зрения практической реализации.

¹ Минюст предложил расширить оказание бесплатной юридической помощи. URL: <https://ria.ru/20221201/yurpomosch-1835494506.html>

Явным недостатком при этом является отсутствие возможности привлечения в качестве представителя в гражданском судопроизводстве лиц, обладающих знаниями в той или иной области деятельности, необходимой для качественной защиты прав или законных интересов доверителя.

Библиографический список

1. Дружинина Ю. Ф., Трезубов Е. С. Профессиональное представительство в гражданском судопроизводстве в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 2 (10). С. 165–172.
2. Халатов С. А. Достаточность адвокатов для оказания квалифицированной юридической помощи на примере населения Свердловской области // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 1. С. 249–260.

References

1. Druzhinina Yu. F., Trezubov E. S. Professional representation in civil proceedings in the light of judicial reform // Bulletin of Kemerovo State University. 2019. No. 2 (10). Pp. 165–172.
2. Khalatov S. A. The sufficiency of lawyers to provide qualified legal assistance on the example of the population of the Sverdlovsk region // Bulletin of the civil procedure. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 249–260.

Вклад авторов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution.

Информация об авторах

Мельник Сергей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about authors

Melnik Sergey V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 21.05.2024

К вопросу о возможности авторско-правовой охраны результатов деятельности искусственного интеллекта, сопоставимых с произведениями

Семенов Евгений Юрьевич¹, Коломиец Софья Романовна²

^{1,2} Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

¹ john-neg@yandex.ru

² sofiysha02@mail.ru

Аннотация. Авторство произведений в различных областях человеческой деятельности является предметом горячих споров в отечественной правовой литературе уже свыше 100 лет. Благодаря искусственному интеллекту появляется все больше и больше творческих работ, произведенных без участия (или с опосредованным участием) человека. Компьютерные алгоритмы и обучающиеся машины стали новым источником творчества. В то же время мы видим, что российский законодатель не спешит признавать важность искусственного интеллекта в творческом процессе и не детализирует свою позицию его использования в контексте авторских прав. В этой связи данная статья имеет своей целью в очередной раз подискутировать на указанную тему, предложив некоторые интерпретации и варианты легализации авторского права на произведения, создаваемые с помощью искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Семенов Е. Ю., Коломиец С. Р. К вопросу о возможности авторско-правовой охраны результатов деятельности искусственного интеллекта, сопоставимых с произведениями // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 57–62.

Original article

On the question of the possibility of copyright protection of the results of artificial intelligence comparable to works

Semenov Evgeny Yu.¹, Kolomiets Sofya R.²

^{1,2} Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova, Orel, Russia

¹ john-neg@yandex.ru

² sofiysha02@mail.ru

Abstract. The authorship of works in various fields of human activity has been the subject of heated debate in the Russian legal literature for over 100 years. Thanks to artificial intelligence, more and more creative works are emerging that are produced without (or with indirect participation) of humans. Computer algorithms and learning machines have become a new source of creativity. At the same time, we see that the Russian legislator is in no hurry to recognize the importance of artificial intelligence in the creative process and does not detail its position on its use in the context of copyright. In this regard, this article aims to once again discuss this topic, proposing some interpretations and options for legalizing copyright for works created with the help of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, copyright, intellectual property, results of intellectual activity

For citation: Semenov E. Yu., Kolomiets S. R. On the question of the possibility of copyright protection of the results of artificial intelligence comparable to works // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 57–62.

Охрана созданных искусственным интеллектом (далее – ИИ) произведений является актуальным на сегодняшний день вопросом. Растущие возможности современных компьютеров, с одной стороны, обуславливают их широкое вовлечение в процесс создания интеллектуальных произведений, а с другой – ставят вопрос о выборе механизма правовой защиты для произведений, созданных ИИ. Многообразие возможных подходов к регулированию отношений в этой сфере требует выбрать базовые модели, которые впоследствии могут быть восприняты законодателем с целью охвата всех возможных сфер применения ИИ. Такая систематизация позволила бы определить принципиальные подходы к решению поставленной задачи и адаптировать их к российской правовой действительности.

Представляется, что проблема определения правообладателя таких произведений гораздо важнее, чем решение чисто практической задачи защиты возникающих прав. Уже сегодня, по мнению обществу, результаты «творческой» деятельности, созданные ИИ, часто не имеют существенных отличий от произведений человека или даже превосходят их¹. Именно поэтому человечество должно занять позицию (в частности, в правовой сфере) в отношении интеллектуальной собственности (далее – ИС) произведений, подпадающих под критерии авторских прав и созданных без участия человека. Более того, сегодня уже всем очевиден экспоненциальный рост значения электронных технологий в жизни человека, что в перспективе приведет к всевозрастающему количеству гражданско-правовых вопросов, связанных с ИИ. Решение этой, казалось бы, незначительной проблемы может оказать серьезное влияние на дальнейшее развитие российского гражданского права.

По своей природе ИИ можно рассматривать как компьютерное программное обеспечение, что с точки зрения российского законодательства сегодня является довольно детализированным термином. Однако наиболее распространенный сегодня подход к ИИ заключается в том, чтобы рассматривать его как инструмент, используемый в человеческой деятельности, а значит, и как объект права (а не субъект). В результате вопрос о правах на произведение, созданное ИИ, фактически подменяется вопросом о том, внес ли человек творческий вклад в его создание (использование творчества при создании произведения считается ключевым аспектом для определения охраноспособности произведения).

С одной стороны, это позволяет применять традиционные подходы к регулированию прав на такие интеллектуальные произведения для решения вопросов авторского права с помощью закона. С другой стороны – ослабляет охрану произведений, создание которых не связано с творческим вкладом человека.

¹ Преступление и творчество: может ли ИИ обладать правами // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/642478db9a79470263fddddd> (дата обращения: 19.02.2024).

В юрисдикциях общего права, где используется более мягкий критерий креативности, ситуация представляется несколько проще. Это не устраняет риски для творчества человека, возникающие при массовом использовании компьютерных систем. В то же время в юрисдикциях с континентальной правовой системой (к которым в полной мере можно отнести Российскую Федерацию) данный критерий необходимо учитывать при формировании официальных (нормативных) правовых позиций. Таким образом, недостаточным представляется решение просто об ослаблении критериев охраняемого объекта, необходимо ввести регламенты, учитывающие специфику использования ИИ.

Компьютерные системы для создания интеллектуальных произведений могут использоваться в разной степени, которая варьируется от простой фиксации объекта (текст, фотография, звук) до сложной обработки контента, где роль пользователя компьютерной системы просто предполагает выбор задачи или исходного материала.

Дело в том, что, когда компьютерная система используется лишь как инструмент для записи действий пользователя, серьезных проблем с регулированием не возникает. То же самое происходит, если пользователь обрабатывает материал (например, фотографию или текст) с помощью компьютера, выступающего в качестве технического устройства для изменения или проверки цифровой информации в соответствии с инструкциями пользователя.

Проблема возникает, когда компьютер действует без прямого участия в этом процессе человека, который на самом деле играет определенную роль в нем, скажем, формулируя принципы действия или правила поведения компьютерной системы. Последняя действует как автономная в процессе реального решения задачи (даже если требуется некоторая степень участия пользователя).

С учетом вышеизложенного можно принять за базовое определение версию, предложенную Всемирной организацией интеллектуальной собственности: «Искусственный интеллект – это научный раздел в области информационных технологий, в рамках которого осуществляется разработка машин и систем, способных выполнять задачи, рассматриваемые с позиции человеческого интеллекта с ограниченным вмешательством человека или без него». В узком смысле этот термин относится к «методам и приложениям, запрограммированным для выполнения отдельных задач»².

В современных реалиях такие традиционные объекты интеллектуальной собственности, как текст, изображение и музыкальное произведение, стали создаваться с помощью ИИ. Это заставляет задуматься не только над абстрактными философскими вопросами, но и над конкретными правовыми аспектами:

² Artificial Intelligence and Intellectual Property URL: https://www.wipo.int/about-ip/en/frontier_technologies/ai_and_ip.html (дата обращения: 20.02.2024).

1. Следует ли считать произведение, созданное ИИ, результатом творческого процесса?

2. Подлежит ли такое произведение авторско-правовой охране?

3. Является ли такое произведение объектом ИС?

Эти вопросы взаимосвязаны, но каждый из них отражает отдельный аспект правовой сферы. Их актуальность обусловлена не только инновационностью технологий, требующих углубленного изучения для правильного ответа на данные вопросы, но и их широким распространением.

Следует отметить, что данная статья оставит за скобками вопросы, связанные с правосубъектностью ИИ, а также моделями выбора лица, за которым будет закреплён статус автора.

Анализируя позицию Пленума Верховного Суда РФ, сформулированную в п. 80 Постановления № 10 следует отметить, что перечень объектов авторского права, содержащийся в законе, признан высшим судебным органом неисчерпывающим. Судам необходимо учитывать творческий характер результатов интеллектуальной деятельности при определении того, относятся ли они к объектам авторского права. Отсутствие новизны или оригинальности само по себе не означает, что результат не создан творческим трудом и не является объектом авторского права. Некоторые идеи, концепции, методы и факты не охраняются авторским правом. Творческий характер не зависит от использования технических средств, однако результаты, созданные без творческого характера с использованием технических средств, не являются объектами авторского права. Пленум также устанавливает, что неоконченные произведения также могут быть охраняемыми в соответствии с законодательством¹.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в актуальной отечественной судебной практике проводится четкая линия разграничения между произведениями, создаваемыми человеком, и произведениями, созданными при помощи ИИ. Подобный подход используется в ряде стран, например, в США. Законодатели некоторых государств требуют, чтобы произведение было результатом творческой деятельности людей, в то время как другие настаивают на исключительности человека в роли субъекта авторского права.

Акцент на творческом характере произведения делает невозможным (в рамках нынешней российской правовой модели) охрану авторских произведений, поскольку это может потребовать изменения действующих критериев их охраноспособности. Такой подход основан на том значении, которое сегодня придается творчеству.

Таким образом, если законодатель задастся целью распространения авторских прав на произведения, созданные ИИ, необходимо изменить сформиро-

ванный подход к критерию творчества (например, интерпретируя этот критерий более широко, чтобы распространить его на произведения, созданные ИИ) либо принять иные подходы к защите авторских прав на произведения, созданные человеком и ИИ.

Отметим в этой связи, что выбор критериев охраноспособности произведений не может рассматриваться отдельно от определения лица, которому принадлежит авторское право. Независимо от подхода выбор критериев и правообладателя определяется социальными целями авторского права. Иные цели лежат в нескольких разных плоскостях.

Основной целью авторского права на ИС является стимулирование общественно значимого труда по созданию такой собственности. Об этом свидетельствует выбор как правообладателя, так и условий охраны объекта. Как отмечают некоторые исследователи, введение авторского права стимулирует на создание новых произведений, так как основным стимулом человеческого поведения, по крайней мере, в сегодняшней парадигме, является улучшение своего материального положения [1, с. 4]. В связи с этим нагрузка на творчество приводит к усилению стимулирующего эффекта благодаря нравственным факторам (признание человека автором). Действительно, моральные стимулы часто являются наиболее значимыми для авторов, так как ведут к общественному признанию уникальности человека, его особых качеств (талантливости) и т. д.

При этом важно иметь в виду, что авторское право направлено не только на вознаграждение авторов из чувства благодарности или справедливости, но и (что более важно) на стимулирование общественно значимой деятельности с их стороны.

В то же время авторское право на ИС стимулирует не только создание, но и раскрытие таких произведений. Чтобы лицо могло получать прибыль от воспроизводимой ИС, ему должна быть предоставлена монополия. Закрепление права за конкретным лицом необходимо для обеспечения экономического оборота и развития этого права. Авторство важно как основание возникновения права собственности и стимулирует потребление и коммерческое использование интеллектуальных произведений. Независимо от юрисдикции обе цели играют важную роль, хотя приоритеты могут отличаться у разных законодателей. В англо-американских законах большее значение придается экономическим и социальным аргументам, а в странах континентального права аргументы естественного права и защиты автора имеют первостепенное значение [2].

Еще одной целью является распределение обязанностей при обороте прав. Такое соображение не играет большой роли, даже если его следует иметь в виду, как мы увидим, когда будем обсуждать модель присвоения прав на сгенерированное произведение самому ИИ.

Регулирование в этой сфере может снизить риски. Использование ИИ может представлять опасности,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 6 мая 2019 г. № 96.

так как он способен создавать проблемы для людей, занятых интеллектуальной деятельностью. Авторы не могут конкурировать с ИИ по скорости и стоимости создания новых произведений, особенно в областях без высоких стандартов художественной ценности. Если произведения, созданные ИИ, не защищены, то общество будет использовать их в ущерб авторам.

Вышеупомянутую опасность может снизить своевременное введение системы правовой охраны созданных ИИ интеллектуальных произведений, предполагающей более широкие ограничения, чем обычные авторские права на аналогичные интеллектуальные произведения, в частности, в сроках действия и, возможно, в объеме прав (в случаях бесплатного использования). Хотя такая опасность и сегодня носит лишь гипотетический характер, наиболее эффективное ее решение с введением ограниченного права возможно, когда в законодательстве или судебной практике еще не сложился общепринятый подход (признание полноправных авторских прав на такие объекты).

В конечном счете именно цели законодателя определяют выбор произведений, создание которых должно стимулироваться посредством выбора правообладателей и критериев авторского права.

В мире для авторских произведений используются многочисленные критерии охраноспособности: новизна, уникальность, оригинальность, индивидуальность и др. Несмотря на разнообразие, они, как правило, направлены, с одной стороны, на стимулирование создания интеллектуальных произведений, с другой – на ограничение круга этих произведений. По этой причине было бы недостаточно учитывать «новизну» произведений. Если в случае патентного права можно проверить новизну созданного произведения, то на практике в отношении авторских произведений сделать это гораздо сложнее.

Для того чтобы определить нематериальный объект, созданный с помощью ИИ, как «произведение» в контексте авторского права Евросоюза, необходимо пройти следующие критерии проверки:

- 1) принадлежность к литературной, научной или художественной области;
- 2) интеллектуальный вклад;
- 3) оригинальность (творческий выбор);
- 4) форма выражения.

Важно отметить, что творческий вклад человека автора особенно заметен на этапах замысла и редактирования окончательной формы. При возможном споре об авторстве произведений ИИ между пользователями и разработчиками программного обеспечения предпочтение будет отдаваться первым, за исключением случаев совместной работы над объектом, когда имеет место совместное авторство.

Еще более важным соображением является то, что выгоды от введения исключительного права (монопольного характера) перевешивают негативные последствия для общества только в случае общественно значимых интеллектуальных произведений, которые не могут быть созданы всеми.

Таким образом, критерий творчества направлен на определение качественных характеристик произведения, выделяющих его среди всех произведений, созданных человеком. Сегодня мы можем оценить характер интеллектуальной деятельности человека только по ее результатам. Таким образом, когда говорим о творчестве автора, то фактически имеем в виду его отражение в готовом произведении, которое служит отражением человеческой деятельности.

На самом деле указанные критерии не имеют самостоятельного значения. Скорее они являются частными случаями креативности. По этой причине их можно использовать для облегчения оценки произведения, но не для замены критерия креативности, который используется в юрисдикциях континентального права, а также, как было упомянуто выше, в некоторых странах общего права (США, Сингапур). Однако ориентация на внутренние психологические процессы человека затрудняет использование этого критерия для оценки интеллектуальных произведений, создаваемых ИИ. Даже если за правообладателя принять человека (программист, пользователь и т. д.), проблема все равно останется: будет непросто показать, что произведение является творческим или что создание такого произведения обязательно требует творчества.

Крайне важно продолжать качественную оценку интеллектуальных произведений, так как использование электронных систем может привести к многократному увеличению количества интеллектуальных произведений без какой-либо полезности для общества.

В то же время этих целей можно достичь и без сложного процесса оценки интеллектуальной деятельности создателя произведения. Примером может служить использование в патентном праве так называемых качественных критериев: критерия изобретательности и аналогичных критериев, таких как «изобретательский уровень», «существенная новизна» и т. д.

Таким образом, мы видим, что в различных моделях авторского права на интеллектуальные произведения, созданные ИИ, критерии охраноспособности должны учитывать различия между работой ИИ и интеллектуальной деятельностью человека.

Высокие технологии пока не признаны субъектом права ни в одном государстве, возможно, это аргументируется тем, что вся деятельность ИИ базируется лишь на компиляции уже существующих объектов. Даже информация, используемая для обучения ИИ, может содержать объекты ИС, например, уже существующие произведения других авторов. В свою очередь временное копирование таких данных в оперативную память для обучения ИИ считается нарушением чужого авторского права. Если результаты его работы явно содержат чужие интеллектуальные продукты, это также является нарушением вышеупомянутых прав.

В связи с этим соблюдение авторских прав при использовании ИИ является крайне важным аспектом деятельности организаций и разработчиков рассматриваемой технологий. Для того чтобы гарантировать соблюдение авторских прав при использовании ИИ, видятся целесообразными следующие предложения:

1. Перед использованием данных, которые могут быть защищены авторскими правами, необходимо рассмотреть лицензионные вопросы. Это включает в себя приобретение лицензий на использование контента или получение разрешения от авторов на использование произведений в конкретных целях, что особенно важно, если планируется использование ИИ для создания нового контента на основе уже существующих материалов.

2. Создание правил и ограничений использования ИИ, включая авторские материалы и защиту конфиденциальной информации.

3. Повышение ответственности сотрудников, отвечающих за обучение и дальнейшее функционирование ИИ посредством разработки конкретной процедуры создания произведений технологией.

Также возникает вопрос о том, какой должен быть срок охраны авторских прав для ИИ. Существующие сейчас сроки зависят от жизненного периода автора и определенного количества лет после его смерти (25–50–70). Вопрос о гипотетическом сроке охраны авторских прав для ИИ встает наряду с другими морально-этическими вопросами: является ли ИИ смертным; можно ли принудительно завершить его существование; если интеллектуальный робот получит авторские права, должен ли он также получить и другие права, например, на неприкосновенность программного кода, на оболочку, на доступ к питанию и информации, на доступ к творчеству и т. д.

Наряду с уже указанными в статье коллизиями аспектами также остается открытой проблема трансграничного регулирования. Согласно Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. определение применимого права к вопросам интеллектуального статуса произведений направляется национальным правом государства, где требуется защита произведения (*lex loci protectionis*). Кроме того, как и Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г., она устанавливает национальный режим охраны. Таким образом, невозможно решить вопрос о предоставлении охраны интеллектуальной собственности в зарубежных государствах только усилиями одного или даже группы государств. Для этого необходимо согласование волеизъявлений участвующих государств в международной системе охраны авторских прав, в которую включены почти все страны мира по базовым конвенциям.

Из проведенного обзора существующего правового регулирования видно, что на данный момент государства не готовы признать ИИ автором и субъектом права. Возможным выходом из этой ситуации может быть установление специального правового

режима для результатов, созданных нейросетями и сравнимых с произведениями, созданными путем интеллектуальной деятельности. Учитывая возможную коммерческую и художественную ценность, целесообразно включить их в список объектов гражданских прав, подлежащих защите, а также установить специальный режим, не предоставляющий неимущественных прав, но признающий за собственником (или арендатором) ИИ все или некоторые имущественные права на ограниченный срок времени, например, 25 лет.

Таким образом, правовое регулирование произведений, созданных при помощи ИИ, представляет собой глобальную проблему, требующую внимательного изучения и разработки соответствующих нормативно-правовых актов. Необходимо учитывать как интересы авторов и правообладателей, так и защиту прав потребителей при обеспечении свободного доступа к информации. Дальнейшие исследования и обсуждения в данной области могут способствовать разработке эффективной и сбалансированной системы правового регулирования произведений, созданных при помощи ИИ.

Библиографический список

1. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 229 с.
2. Шульга Р. Р. Модальность и сравнение континентальной и англосаксонской моделей построения государственного регулирования гражданских отношений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-i-sravnenie-kontinentalnoy-i-anglosaksonskoy-modeley-postroeniya-gosudarstvennogo-regulirovaniya-grazhdanskih-otnosheniy> (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. Kirsanova E. E. Legal regulation of the circulation of rights to the results of intellectual activity in the digital economy: monograph. M.: Justitsinform, 2022. 229 p.
2. Shulga R. R. Modality and comparison of the continental and Anglo-Saxon models of constructing state regulation of civil relations // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-i-sravnenie-kontinentalnoy-i-anglosaksonskoy-modeley-postroeniya-gosudarstvennogo-regulirovaniya-grazhdanskih-otnosheniy> (access date: 02/20/2024).

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, включая идею, сбор материала, написание статьи и научное редактирование текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication, including the idea, collection of material, writing the article, and scientific editing of the text. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Семенов Евгений Юрьевич – кандидат юридический наук, доцент

Information about the authors

Semenov Evgeny Yu. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 21.05.2024

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья

УДК 343.98

Проблемы унификации и использования понятия «электронно-цифровой след» с учетом специфики реализации на практике

Ганжа Максим Владиславович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, Putrin.p@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы унификации и использования понятия «электронно-цифровой след», связанные с теоретическим и практическим аспектами его использования в криминалистике. Предлагаются пути возможного решения образовавшихся спорных вопросов в условиях современной реальности с опорой на мнения ученых и специалистов соответствующих областей знания. Правовую нормативную основу исследования образуют нормы действующего законодательства Российской Федерации, регламентирующие общественные отношения, связанные с преступлениями в сфере компьютерной информации. Также в ходе проведенного исследования изучались и использовались материалы научных работ, исследований различных ученых, а также комментарии известных отраслевых специалистов. Методологической основой исследования служит общий диалектический метод научного познания, являющийся универсальным, методы сравнения, анализа, описания, обобщения, дедукции и индукции.

Ключевые слова: криминалистика, электронно-цифровой след, цифровой след, компьютерные преступления, компьютерная информация, информационная безопасность

Для цитирования: Ганжа М. В. Проблемы унификации и использования понятия «электронно-цифровой след» с учетом специфики реализации на практике // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 63–68.

Original article

Problems of unification and use of the concept of «electronic digital footprint» taking into account the specifics of implementation in practice

Ganzha Maxim V.

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, Putrin.p@yandex.ru

Abstract. The article deals with the modern problems of unification and use of the concept of «electronic digital footprint» related to the theoretical and practical aspects of use in the science of criminology and in practice. The ways of possible solution of the controversial issues identified in this study in the conditions of modern reality based on the opinions of scientists and specialists of the relevant fields of knowledge are proposed. The normative basis of the study is formed by the norms of the current legislation of the Russian Federation regulating public relations related to crimes in the field of computer information. Also, in the course of the conducted research, materials of scientific papers, studies of various scientists, as well as comments of well-known industry experts were studied and used. The methodological basis of the research is the general dialectical method of scientific cognition, which is universal, methods of comparison, analysis, description, generalization, deduction and induction.

Keywords: criminalistics, digital footprint, digital footprint, computer crimes, computer information, information security

For citation: Ganzha M. V. Problems of unification and use of the concept of «electronic digital footprint» taking into account the specifics of implementation in practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 63–68.

«Криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах методах судебного исследования и предотвращения преступлений» (Р. С. Белкин) [1].

Сущность науки криминалистики достаточно четко сформулирована в данном определении. Она, как и расследование преступлений в целом, основывается на понятии «доказательство». Основным источником доказательств (доказательственной информации) являются следы. Именно они занимают центральное место в расследовании преступлений.



Рис. 1. Количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации

Общество XXI в. развивается стремительно. Плоды научно-технической революции создали абсолютно новую сферу реализации человеческого потенциала, а именно – информационно-компьютерную среду. Ее объекты обладают определенной степенью уникальности, а значит, и специфичными следами отображения в объективной действительности. Актуальность исследования следов цифровой среды становится явной, если обратить внимание на официальную статистику преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации¹.

Как следует из приведенной диаграммы, количество совершенных преступлений в сфере компьютерной информации растет, наряду с этим процент их раскрываемости остается достаточно низким². Это

еще раз подчеркивает актуальность исследования киберпреступлений в целом, а также их отдельных аспектов, одним из которых является так называемый цифровой след. Данное понятие является таким же важным, как и понятие «след», используемое при расследовании иных групп преступлений. Его сущность остается неизменной, однако преобразовывается специфика использования. Чтобы наиболее точно определить сущность понятия «цифровой след», необходимо рассмотреть его с двух сторон: с точки зрения криминалистической теории и с точки зрения информационных технологий.

Существует множество характеристик различных следов, и необходимо определить, к какой категории цифровые следы будут относиться и чем характеризоваться. В науке криминалистики до сих пор идут споры на тему того, что же понимать под цифровым следом (даже само наименование все еще не считается общепринятым). Так, В. В. Борисов и Г. М. Шаповалов склоняются к тому, что необходимо использовать понятие «информационный след». Однако утверждение В. В. Борисова касательно того, что следы могут оставаться только на компьютерном оборудовании злоумышленников, является не совсем корректным,

¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел России // Статистика. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 01.07.2023).

² «Адвокатская газета». Сайт в киберпространстве открывается все больше и больше, но его также можно найти: URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya/> (дата обращения: 01.07.2023).

так как они остаются и на компьютерах потерпевших, свидетелей и других лиц. Также понятие «компьютерная техника» не охватывает всех средств, на которых могут образовываться и храниться информационные следы. Следовательно, такое понятие не соответствует современным требованиям, предъявляемым криминалистической наукой, как минимум по принципу объективности и требует доработки в соответствии с принципом динамичности. На сегодняшний день В. А. Мещеряков, А. Ю. Головин, А. Б. Смушкин предлагают иную формулировку – «виртуальный след». Под данным понятием В. А. Мещеряков видит «любые изменения состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею кибернетического пространства), связанные с событием преступления и зафиксированные в виде компьютерной информации (т. е. информации, пригодной для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [2, с. 94–119]. В. О. Давыдов совместно с А. Ю. Головиным под тем же понятием подразумевают зафиксированное в виде цифрового образа формальной модели изменение состояния информации в памяти абонентных электронных устройств, вызванное алгоритмом установленного программного обеспечения и связанное с событием преступления [3, с. 255–256]. Данное определение было раскритиковано В. Б. Веховым, так как этимологическое значение слова «виртуальный» обозначает «не имеющий физического воплощения», а значит не соответствующий действительности, так как в своем собственном определении ученый опирается как раз на материальную (физическую) составляющую, что, по нашему мнению, верно.

Наиболее близкую к нашей позиции дефиницию дают В. Б. Вехов, А. В. Шебалин, В. В. Поляков, А. Н. Колычева – «электронно-цифровой след» [4]. Под ним, например, А. Н. Колычева понимает «криминалистически значимую информацию, выраженную посредством электромагнитных взаимодействий или сигналов в форме, пригодной для обработки с использованием компьютерной техники, в результате создания определенного набора двоичного машинного кода либо его преобразования, выразившегося в модификации, копировании, удалении или блокировании, зафиксированного на материальном носителе, без которого не может существовать» [5, с. 25]. Данное определение также поддержано В. В. Поляковым и А. В. Шебалиным, которые подчеркивают точность раскрытия характерных криминалистических черт [6, с. 123–125]. В данном случае видится дополненным в нужном юридическом ключе несколько техническое определение В. А. Милашева «бинарные следы»: они представляют собой результат логических и математических операций с двоичным кодом [7, с. 18]. Важное замечание, касающееся определений В. А. Милашева и В. Б. Вехова, сделал Н. Н. Лыткин. По его мнению, компьютерная информация, считающаяся следом совершения преступления, не всегда является двоичным кодом [8, с. 10]. Как правило, она уже представлена в формате, доступном для воспри-

ятия человека, что, по нашему мнению, также верно.

Синтез юридического и технического аспектов в данном случае крайне необходим, так как рассматриваемое понятие является междисциплинарным. Помимо этого следует соблюдать принципы юридической ясности и отсутствия перегруженности понятия различными терминами. Для правильного построения дефиниции и определения необходимо помнить, что след, образующийся в компьютерном оборудовании и иных системах (в том числе мобильных), а также след, образующийся в сети Интернет, которая выступает средством передачи и представления информации в определенной форме, будет одним и тем же. Таким образом, можно дополнить определение «электронно-цифровой след», предложенное А. Н. Колычевой, и представить его как криминалистически значимую информацию, отображаемую посредством записи операционной системой, а также прикладными компьютерными и мобильными программами (в том числе почтовыми клиентами и мессенджерами) действий пользователя, а также результаты и последствия таких действий, в том числе выражающиеся в формировании активного и пассивного электронно-цифрового следа.

Понятие «след» надо рассматривать в нескольких значениях. В широком смысле следы представляют собой материальные и идеальные изменения окружающей действительности, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений. В узком смысле под следами следует понимать физическое отображение одного объекта на другом при их контактном взаимодействии [9].

Еще одним важным дискуссионным вопросом является отнесение электронно-цифровых следов к материальным или же идеальным. О. Я. Баев к идеальным следам относит отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление и (или) к нему прикосновенных [10, с. 57]. Так как данные следы хранятся на материальных объектах, а не в виде мысленного образа в сознании человека, то отнесение электронно-цифрового следа к разряду идеальных было бы ошибочным. Однако и с отнесением его к материальным следам тоже не все так однозначно. По мнению Н. С. Полевого, в рамках информационной теории материальные следы – это результат непосредственного взаимодействия объектов материального мира, в ходе которого появляется закодированное информационное сообщение о таком факте [11, с. 18]. Р. Г. Домбровский считает, что в самом предмете нет знания, но в результате изучения предмета рождается знание о его сущности [12, с. 17]. По мнению А. В. Мороз материальные следы преступления – это результаты материального отражения свойств взаимодействующих в ходе преступной деятельности материальных объектов, исследование которых позволяет формировать доказательственную информацию об отдельных обстоятельствах совершенного преступления [13]. По нашему мнению, определение понятия «электронный цифровой след» дает информационной теории следообразования новую жизнь,

так как сигналы, представленные в виде двоичного кода, хранящиеся на различных носителях уже сами по себе представляют информацию. Это вносит еще большие сомнения в отнесении электронного цифрового следа к материальным.

Достаточно интересную позицию в данном вопросе выдвигает В. А. Мещеряков. Он предлагает формализованное описание компьютерной информации как основы для построения криминалистической классификации компьютерных преступлений, включающее три основных уровня:

- физический – уровень материальных носителей информации, представленной в виде конкретных характеристик вещества или электромагнитного поля;
- логический – уровень представления сложных информационных структур (от байта до файла) на основе элементарных компонент физического уровня;
- семантический – уровень смыслового представления информации [14, с. 104].

Исходя из этого, В. А. Мещеряков допускает отнесение таких следов к материальным, так как они физически существуют на материальном носителе, однако их обнаружение и ознакомление возможно только с помощью дополнительных программно-технических комплексов. По его мнению, целиком относить такие следы к роду материальных не целесообразно, так как они зависят от способа считывания, не имеют неразрывной связи с устройством, с помощью которой осуществлялась запись информации, и являются неустойчивыми, что сближает их с идеальными. Мы придерживаемся позиции В. А. Мещерякова и делаем вывод, что необходимо выделить электронно-цифровой след в новую смежную категорию, чье место находилось бы между материальными и идеальными следами.

Технические специалисты не дискутируют по поводу максимально корректного названия следов, связанных с информационными технологиями, поэтому просто называют их цифровыми следами. Так как это понятие находится на стыке нескольких наук, то правильным было бы указать различные мнения специалистов соответствующих областей знания. Так, специалисты «Лаборатории Касперского» (как профессионалы в области информационных технологий и кибербезопасности) под цифровым следом понимают данные, оставленные при использовании сети Интернет¹, которые включают в себя адреса посещенных сайтов, а также данные оставленные на них по собственной воле или нет, что в свою очередь порождает деление цифровых следов на несколько категорий. Первую группу создают активные действия пользователя, умышленно направленные на создание такого следа в той или иной форме, а именно, разглашение сведений о себе и своих действиях. Если пользователь идентифицировал себя на сайте как конкретное лицо (зашел под своим логином и паро-

лем), то все последующие его действия будут привязаны к конкретному профилю. Публикация фотографий, заполнение анкет, ведение диалогов в чатах и на форумах, согласие принимать файлы «cookie», все это формирует активный цифровой след.

Информация подобного рода может использоваться как в целях раскрытия и расследования преступлений, так и быть самим предметом преступного посягательства. Организация, на чье хранение передается информация, имеет к ней прямой доступ, а значит, может делиться ею со сторонними организациями (законно и незаконно). Также подобная информация может быть получена в результате утечки. В таком случае речь уже будет идти о ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», а также о других преступлениях, предусмотренных гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Таким образом, подчеркивается связь цифрового следа с преступлениями подобного рода. Данная проблема представляет собой отдельную тему для научного исследования.

Пассивный цифровой след представляет собой данные о пользователе, собираемые без его ведома либо без умысла в предоставлении подобной информации. Он формируется, начиная с открытия сайта, сохраняя в себя каждое действие пользователя на данном ресурсе. Основная информация выражается во времени и частоте посещения, отслеживании и регистрации IP-адреса, получении данных о геолокации, а также в иных действиях на самом сайте. Они могут заключаться в сведениях об онлайн-покупках, финансовых данных, аналитике социальных сетей и новостных источников². Таким образом, формируется метрика, а вместе с ним и пассивный цифровой след. Это всего лишь малая часть примеров, дающая представление о данной категории следов. Такое деление отдаленно напоминает классификацию, предложенную Л. Б. Красновой. Она основана на делении следов на первичные и вторичные в зависимости от механизма следообразования. Первичные следы являются следствием непосредственного воздействия пользователя с использованием какой-либо информационной технологии, а вторичные – следствием воздействия технологических процессов без участия человека и вне его желания [15, с. 17].

Такой след позволяет с точностью до секунды сказать, какими были действия злоумышленника, где место совершения преступления, какое компьютерное оборудование использовалось и так далее. Информация подобного характера позволяет очень быстро установить следовую картину на месте происшествия, что в дальнейшем будет способствовать установлению личности преступника.

Следует также упомянуть, что цифровой след формируется не только при посещении сайтов, но и при использовании компьютерных программ (в том числе использующих сеть Интернет для корректной рабо-

¹ Официальный сайт «Лаборатории Касперского». URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-a-digital-footprint> (дата обращения: 02.07.2023).

² Цифровой след. URL: <https://www.cloudav.ru/mediacenter/tips/digital-footprint/> (дата обращения: 02.04.2023).

ты). Речь идет о логах (от англ. log) или лог-файлах (от англ. logfile). Они представляют собой текстовые файлы, содержащие в себе информацию о работе программы или целой системы. Как правило, они имеют вид регистра событий, расположенных в хронологическом порядке, заполняемый автоматически. Данные файлы формируют программное обеспечение, управляющее системой, приложением или сайтом. В лог попадают не только записи о событиях, связанных с автоматическим функционированием системы, но и возникающие ошибки, а также действия самого пользователя.

Таким образом, лог-файлы позволяют установить сбои в работе системы, а также подозрительную активность, связанную со взломом, использование вредоносного программного обеспечения или же преступные действия пользователя, осуществляющего неправомерный доступ к системе или компьютерной информации.

Именно этот аспект и должен заинтересовать следователя и эксперта-криминалиста, так как к ним фактически попадает журнал с записями всех действий каждого из пользователей системы. Это равносильно тому, что преступные действия будут запечатлены на видеокамеру, где идет посекундная фиксация каждого действия и его результата.

Несмотря на такой практичный и функциональный инструмент как лог-файлы, при расследовании преступлений могут возникнуть некоторые проблемы. Для их определения необходимо в первую очередь разобраться с тем, какие лог-файлы существуют. Их подразделяют на следующие типы:

1. Системные.
2. Серверные.
3. Почтовые.
4. Логи баз данных.
5. Авторизационные и аутентификационные¹.

Каждый из них обладает своими специфическими, индивидуальными реестрами. Любое действие или процесс соответствует конкретному числу записей, располагающихся построчно. Анализ лог-файлов может производиться как вручную, так и автоматически в зависимости от типа задач. В случае, когда необходимо обрабатывать большой объем лог-данных, анализировать их с разных серверов, программ и систем на предмет ошибок и возможных кибератак, то лучше использовать автоматизированный метод. После обнаружения подозрительных алгоритмов действий системы или пользователя следует проанализировать их вручную, чтобы понять суть и цель действий злоумышленника.

Крупные IT-компании обладают собственными специалистами, обеспечивающими кибербезопасность, порой их численность позволяет сформировать целый отдел. Они способны самостоятельно обнаружить угрозу, предотвратить ее, а также сфор-

мировать и предоставить готовый пакет данных, необходимый для расследования преступления. Такая ситуация является достаточно благоприятной, так как позволяет сэкономить следователю много времени и сил. Если преступление совершается в отношении физического лица, то лицу, ведущему расследование, придется самостоятельно осуществлять сбор и анализ необходимых данных, в том числе лог-файлов. В целом же алгоритм действий в рамках расследования преступлений в сфере компьютерной информации представляет собой отдельную тему для исследования.

Таким образом, «цифровой след» может быть представлен в разных вариациях и видах лог-файлов и использован в рамках раскрытия и расследования преступлений. Однако это одна из форм представления цифровых следов, которая наглядно позволяет понять принцип их выражения в физическом понимании.

Подводя итоги исследования, следует сказать, что количество мнений, касающихся использования корректной дефиниции, определения сущности следов, возникающих при работе с информационными технологиями, огромен. Каждый ученый выражает определенную позицию, рассматривающую вопрос с конкретной стороны. Основной сущностный аспект, по нашему мнению, заключается в необходимости владения специальными знаниями в нескольких дисциплинах одновременно. Чтобы создать новое знание, которое будет объективно отражать реальность, соответствовать современным требованиям криминалистики, информационных технологий и юриспруденции в целом, необходимо, учитывая специфику каждой из отраслей научного знания, формировать универсальный подход к решению конкретной задачи.

В рамках проводимого исследования нам удалось привести мнения различных ученых касательно установления понятия «след», возникающего в компьютерной среде, а также определить его сущностную составляющую. Опираясь на весомые мнения различных специалистов в данной области, удалось расширить содержание дефиниции «электронно-цифровой след» с учетом современных криминалистических требований. А также разобраться во мнениях отечественных технических специалистов относительно понятия «цифровой след» и форм его реализации. Приведены примеры формирования пассивного и активного цифрового следа, подчеркнута возможность использования подобных данных в рамках расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Библиографический список

1. Дубровин С. В., Глушков А. И., Казанцев С. Я., Дубровин И. С., Розина В.С. Критика, е.П., задачи и система // Закон и право. 2021. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalistika-ee-ponyatie-zadachi-i-sistema> (дата обращения: 04.09.2023).

¹ Счетчик данных (Центр обработки данных) Greenbushdc. URL: <https://greendc.ru/blog/kak-razobratsya-s-logirovaniem-gayd-dlya-nachinayushchikh/> (дата обращения: 03.07.2023).

2. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики исследования // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. С. 94–119.

3. Давыдов В. О., Головин А. Ю. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3. С. 255–256.

4. Иванов В.Ю. О теоретических аспектах использования в криминалистике понятия электронно-цифрового следа // Юридические исследования. 2020. № 7.

5. Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети «Интернет»: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2019.

6. Поляков В. В., Шебалин А. В. К вопросу об использовании понятия «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-1. С. 123–125.

7. Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2004.

8. Лыткин Н. Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

9. Грановский Г. Л. Основы трасологии. Общая часть. М., 1965.

10. Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. М., 2001.

11. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М.: Вестник РАН СССР, 1982.

12. Домбровский Р. Г. Следы преступления и информация // Правоведение. 1988.

13. Мороз А. В. Понятие «Материальные следы преступления» // Общество и право. 2010. № 5 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-materialnye-sledy-prestupleniya> (дата обращения: 07.04.2023).

14. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.

15. Краснова Л. Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.

// Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 3. Pp. 255–256.

4. Ivanov V. Y. On theoretical aspects of the use of the concept of electronic digital trace in criminalistics // Legal Research. 2020. No. 7.

5. Kolycheva A. N. Fixation of evidentiary information stored on Internet resources: abstract of the cand. jurid. sciences: 12.00.12. M., 2019.

6. Polyakov V. V., Shebalin A. V. On the use of the concept of «virtual traces» and «electronic digital traces» in criminalistics // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2013. No. 13-1. Pp. 123–125.

7. Milashev V. A. Problems of tactics of search, fixation and removal of traces in case of unauthorized access to computer information in computer networks: abstract. cand. jurid. sciences: 12.00.09. M., 2004. P. 18.

8. Lytkin N. N. The use of computer-technical traces in the investigation of crimes against property: abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2007.

9. Granovsky G. L. Fundamentals of tracology. General ch. M., 1965.

10. Baev O. Ya. Fundamentals of criminalistics: a course of lectures. M., 2001.

11. Polevoy N. S. Criminalistic cybernetics. M.: Bulletin of the USSR Academy of Sciences, 1982.

12. Dombrovsky R. G. Traces of crime and information // Jurisprudence. 1988.

13. Moroz A. V. The concept of «Material traces of a crime» // Society and law. 2010. No. 5 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-materialnye-sledy-prestupleniya> (date of access: 04/07/2023).

14. Meshcheryakov V. A. Fundamentals of the methodology of investigation of crimes in the field of computer information: dis. ... dr. jurid. sciences. Voronezh, 2001.

15. Krasnova L. B. Computer objects in criminal proceedings and criminalistics: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2005.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

References

1. Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Kazantsev S. Y., Dubrovin I. S., Rozina V. S. Criticism, E.P., tasks and system // Law and Law. 2021. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalistika-ee-ponyatie-zadachi-i-sistema> (date of access: 09/04/2023).

2. Meshcheryakov V. A. Crimes in the field of computer information: fundamentals of theory and practice of investigation // Voronezh State University Publishing House. 2002. Pp. 94–119.

3. Davydov V. O., Golovin A. Yu. The significance of virtual traces in the investigation of extremist crimes

Криминалистическая характеристика хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет

Дерюгин Роман Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, deryugin.r.a@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6630-1354>

Аннотация. В статье подробно рассмотрены все элементы криминалистической характеристики хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет. На основе следственной практики отмечены самые распространенные способы совершения указанных преступлений, актуализирован предмет преступного посягательства, приведены особенности механизма следообразования и других элементов криминалистической характеристики. В заключение исследования автором сделан вывод о необходимости построения информационной модели преступления, способствующей повышению эффективности расследования по уголовным делам указанной категории.

Ключевые слова: хищения, мошенничества, IT-преступления, механизм следообразования, цифровые следы, киберпреступность

Для цитирования: Дерюгин Р. А. Криминалистическая характеристика хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 69–74.

Original article

Forensic characteristics of cash thefts funds made using personal Internet user data

Deryugin Roman A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, deryugin.r.a@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6630-1354>

Abstract. The article examines in detail all the elements of the forensic characteristics of the theft of funds committed using the personal data of Internet users. Based on investigative practice, the most common methods of committing these crimes are noted, the subject of the criminal offense is updated, and the features of the mechanism of trace formation and other elements of forensic characteristics are given. At the end of the study, the author concluded that it is necessary to build an information model of crime that will help improve the efficiency of investigations in criminal cases of this category.

Keywords: theft, fraud, IT crimes, trace formation mechanism, digital traces, cybercrime

For citation: Deryugin R. A. Forensic characteristics of cash thefts funds made using personal Internet user data // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 69–74.

Развитие цифровой экономики и трансформация современного общества привели к совершенствованию и появлению новых IT-технологий (далее – ИТТ), без которых уже не представляется настоящая действительность и будущее человека. Однако нельзя отрицать тот факт, что, помимо положительных моментов, связанных со становлением информационного общества, во всем мире наблюдается тенденция рас-

пространения преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, персональных данных пользователей технических устройств связи и сети Интернет, а также киберпреступлений.

На сегодняшний день мы можем наблюдать, как в геометрической прогрессии увеличиваются показатели роста преступных показателей в сфере хищения

денежных средств, совершаемых с использованием IT-технологий. Так, согласно статистическим данным портала МВД России, в 2023 г. преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации, зарегистрировано 677,0 тыс., что на 29,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом преимущественно такими преступлениями являются кража или мошенничество, что составляет 70,2 % (475,3 тыс.) от общего числа преступлений в сфере IT-технологий. Добавим, что более чем три четверти (77,8 %) совершается с использованием сети Интернет (526,8 тыс.; +38,2 %), почти половина (44,7 %) – средств мобильной связи (302,9 тыс.; +42,2 %)¹.

Вызывает определенное беспокойство тот факт, что тенденции роста указанных показателей сохраняются и в текущем году. Так, в январе 2024 г. аналогичные показатели выросли в общем количестве указанных преступлений на 24,4 %; за январь – март 2024 г. – на 17,6 %². Самыми распространенными преступлениями среди хищений денежных средств, совершаемых с использованием сети Интернет и средств мобильной связи, остаются кражи и мошенничества, что составляет почти две трети от общего числа всех преступлений в сфере IT-технологий.

В связи с вышесказанным для науки и практики остаются актуальными вопросы, связанные с методикой расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет. При этом одним из самых важных аспектов в этой части видится унификация и совершенствование криминалистической характеристики указанных преступлений. Именно криминалистическая характеристика позволяет составить информационную модель преступления, которая при наличии минимального объема исходной информации позволяет определить следственную ситуацию и выдвинуть следственные версии, на основании которых происходит планирование необходимых к проведению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [1].

Нельзя также не добавить, что с учетом способов совершения преступлений, связанных с использованием IT-технологий, мошенничество стало одним из самых противоречивых противоправных деяний, т. к. совершение данного преступления происходит путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом (ст. 159.1–159.5 УК РФ), а также новыми способами, для которых свойственны манипуляции ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функциониро-

вание средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (например, ст. 159.6 УК РФ) [2].

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем целесообразным представить криминалистическую характеристику хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет, на примере следующих видов мошенничеств:

- мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ;
- мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ);
- мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Необходимо добавить, что, несмотря на схожесть отдельных признаков перечисленных составов мошенничества со смежным составом кражи, предусмотренной п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и разрозненность судебной практики по применению указанных норм УК РФ, последний состав рассматриваться в статье не будет.

Проиллюстрируем элементы криминалистической характеристики предмета преступного посяательства. Для преступлений в сфере хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет, предметом преступного посяательства являются денежные средства (наличные, безналичные, электронные). При этом следственная и судебная практика свидетельствует о том, что преступники чаще всего посягают на безналичные денежные средства, которые, несмотря на повсеместное использование, не имеют нормативно закрепленного определения, но, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48, безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, выступают предметом хищения³.

Под электронными денежными средствами принято понимать денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа⁴.

К электронным средствам платежа относятся средства и (или) способы, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять,

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 05.05.2024).

² Состояние преступности в России за январь – март 2024 г. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2024).

⁴ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2024).

удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических средств¹. Завладевать денежными средствами преступники могут посредством предоставления услуг, охватывающих различные сферы жизнедеятельности человека. В некоторых случаях предметом преступного посягательства могут выступать криптовалюта, платежные поручения, ценные бумаги и т. д.

Следующим важным элементом выступает способ совершения преступления, который с учетом специфики рассматриваемой категории приобретает центральное значение. Основной способ реализации преступного умысла в данном случае – использование персональных данных.

Как правило, прежде чем приступить непосредственно к реализации преступного умысла, злоумышленники нередко проводят тщательную подготовку, которая реализуется за счет так называемых методов социальной инженерии.

Один из таких методов социальной инженерии носит название «дорожное яблоко». Данный метод реализуется путем подбрасывания предполагаемой жертве флэш-накопителя, на который злоумышленником заранее занесен файловый вирус. Лицо, нашедшее данный носитель, или лицо, которому данное устройство было заранее подложено, подключают его к своему персональному компьютеру, тем самым запуская в свой компьютер вирусы, распространяющиеся по всем системам.

Следующий метод – претекстинг – заключается в осуществлении злоумышленником непосредственного контакта с жертвой и введении ее в заблуждение путем высказывания ложных сведений с целью получения информации о ее личных данных (даты рождения, паспортных данных и т. д.).

Далее, метод, пользующийся наибольшей популярностью в сети Интернет, – фишинг. Площадкой для его реализации выступают различные интернет-сайты, электронная почта, сервисы для размещения объявлений (Авито, Дром, Юла). Принцип действия данного метода заключается в том, что злоумышленники создают сайты (например, для покупки билетов или бронирования отелей), внешне схожие с оригинальными. Жертва заходит на данный сайт, вводит свои персональные данные, реквизиты банковской карты – денежные средства автоматически списываются и уходят в руки мошенникам. Либо данный метод реализуется путем отправления злоумышленником на электронную почту письма, содержанием которого является гиперссылка на «фишинговый сайт», – жертва, ничего не предполагая, переходит по данной ссылке, и все ее персональные данные (логин, пароль) автоматически считываются.

Стоит уделить наибольшее внимание такому способу совершения мошеннических действий, как телефонные мошенничества. Злоумышленник разрабатывает легенду, используя средства связи, дистанционным способом, путем телефонного звонка сообщает ложную информацию предполагаемой жертве. Ложная информация может носить абсолютно разный характер. Так, самыми популярными типами телефонных звонков являются звонки с сообщением о том, что близкий родственник попал в ДТП и ему срочно нужна помощь, звонки с сообщением о выигрыше в лотерею, звонки от представителей банковских организаций, сотрудников сотовой связи, сотрудников правоохранительных органов и т. д.

В 2024 г. часто стала встречаться преступная схема, заключающаяся в осуществлении звонков гражданам, когда преступники представляются сотрудниками компании сотовой связи и под предлогом осуществления операции по смене тарифного плана получают доступ к сайту Госуслуг, где могут извлечь персональную информацию о гражданине. В продолжение преступного умысла на хищение денежных средств гражданину поступает другой звонок от «сотрудника» Госуслуг, который сообщает о непроверенном доступе к аккаунту Госуслуг, после чего предлагает провести беседу с «сотрудником полиции» посредством мессенджера WhatsApp, в завершение данной преступной схемы гражданин оформляет на свое имя кредит и совершает перевод денежных средств на счет преступников².

Также стоит отметить, что вышеуказанные схемы могут осуществляться не с помощью звонка, а при помощи переписки через различные мессенджеры (Telegram, WhatsApp, ВКонтакте и т. д.).

Далее необходимо рассмотреть такой способ совершения мошенничества, как «тройанский конь». Суть данной вредоносной программы заключается в том, что мошенник направляет предполагаемой жертве электронное письмо, содержащее информацию, которая может ее заинтересовать. При открытии данного файла загружается вредоносная программа, которая осуществляет сбор или изменение необходимой искомой информации.

Вышеперечисленные способы сбора информации о персональных данных и хищении денежных средств могут использоваться в комплексе, что представляет еще большую общественную опасность. Наиболее простым способом получения информации о лице является мониторинг социальных сетей, т. е. получение информации из открытых источников. Простота данного способа обусловлена тем, что его реализация не требует применения психологических навыков, разработки легендированных схем, а основывается лишь на исследовательских способностях злоумышленника. Информация, размещаемая в открытом доступе, позволяет получить большой спектр личных данных,

¹ Архив СО ОМВД России «Североуральский». Допрос потерпевшего уголовному делу № 1240165000210000034.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

что в дальнейшем облегчает деятельность преступника по разработке способов совершения преступления и способствует успешному совершению преступления. Исследования в области защиты информации позволяют сделать вывод о том, что в случаях ограничения доступа к данным, размещаемым в социальных сетях, преступники, придумывая более изощренные методы, все равно завладевают данными.

Механизм слеодообразования как элемент криминалистической характеристики имеет особое значение, поскольку его установление и анализ позволяют получить необходимую для расследования криминалистически значимую информацию.

Специфика мошенничества заключается в том, что орудиями для его совершения являются информационно-телекоммуникационные технологии, а средой реализации выступает сеть Интернет. В результате совершаемых преступных действий мошенники оставляют после себя следовую картину, состоящую в большинстве своем из цифровых следов.

Цифровые следы являются результатом преступной деятельности и могут быть представлены в разном формате. Одни возникают вследствие уничтожения, модификации, копирования или блокирования компьютерной информации, другие являются итогом работы текстовых и антивирусных программ, третьи возникают в результате действий, совершаемых жертвой.

Местом хранения данных следов являются машинные носители информации (телефоны, ноутбуки, персональные компьютеры, планшеты и т. д.). Данные следы могут быть выявлены посредством осуществления осмотра содержащейся в них информации или в ходе производства компьютерных экспертиз, при изучении компьютерного оборудования, программного обеспечения, протоколов работы антивирусных программ.

Таким образом, следовая картина, оставленная преступником в результате хищения денежных средств, совершенного с использованием персональных данных пользователей сети Интернет, состоит из следующих цифровых следов:

- 1) IMEI-код телефона, с помощью которого было совершено преступление;
- 2) IP-адрес входа в мобильное приложение, в систему «Мобильный банк» и т. п.;
- 3) информация о переводе денежных средств: наименование финансовой организации, банковский счет, банковская карта, данные получателя, движение денежных средств по банковской карте;
- 4) абонентские номера, с которых производился звонок потерпевшему, принадлежность абонентского номера, дата и время телефонных переговоров;
- 5) электронная почта, учетная запись в социальной сети;
- 6) ссылка на товар, объявление на сайтах по продаже.

В ходе совершения хищений с использованием вредоносного программного обеспечения остаются такие следы, как:

- записи журналов системных событий и событий информационной безопасности;
- список действующих и недавно установленных сетевых соединений;
- файлы (исполняемые и различные скрипты, файлы динамически загружаемых библиотек, лог-файлы, архивы, файлы электронной почты);
- список запущенных процессов и служб;
- программы, предназначенные для удаленного или локального управления системой, удаления системных данных, а также для кражи пользовательских данных и сбора сведений о системе;
- ключи реестра автозагрузки программ;
- данные планировщика заданий;
- артефакты и метаданные запуска программ (Prefetch, Amcache, Shimcache);
- список локальных и доменных пользователей;
- информация о событиях информационной безопасности антивирусного ПО, межсетевого антивирусного ПО, межсетевого экрана, экрана SIEM-систем.

Стоит отметить особенность, заключающуюся в том, что злоумышленники при совершении данных видов преступлений не только оставляют после себя цифровые следы, но и используют их для совершения преступлений. Так, при помощи цифровых следов (данные об экране и операционной системе; часовом поясе; заголовках, которые браузер шлет серверу), которые пользователи оставляют после себя на своих устройствах и браузерах, преступники на основе расширенной аналитики, алгоритмов машинного оборудования собирают необходимую информацию и используют в своих корыстных целях.

Следующим элементом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, обладающих специфическими признаками, является обстановка совершения преступления, включающая время и место.

Рассматривая особенности данного вида преступлений, можно выделить несколько характерных мест совершения преступления. С одной стороны, в случаях осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации местом совершения преступления является сама компьютерная сеть, в которой происходит ввод, удаление, модификация, блокирование компьютерной информации. С другой стороны, местом совершения преступления может выступать местонахождение конкретного компьютера или мобильного телефона, с которых осуществляется хищение денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет. Надо отметить, что именно в этом месте находится основной объем информации, характеризующий механизм совершения преступления (способ, орудия и средства, следы и т. п.). Кроме телекоммуникационной сети, местом совершения мошенничества будет являться место «обналичивания»

денежных средств (банкоматы, интернет-магазины, операционные залы банков и т. п.). Сложность раскрытия и расследования данного вида преступлений обусловлена местом их совершения, т. к. они могут совершаться с разных устройств, находящихся в разных точках страны, в том числе и за рубежом.

С точки зрения криминалистической характеристики также важно, что местом окончания мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, является местонахождение подразделения банка или иной организации, в которой владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета [3].

Что касается времени совершения преступления, то оно зависит от момента реализации преступного умысла и момента получения в распоряжение денежных средств. С учетом этого можно выделить хищения денежных средств, совершаемые в конкретное (легко устанавливаемое) время. Например, когда известен факт перевода с банковского счета, определение точного времени совершения преступления осуществляется путем анализа выписок из кредитно-финансовой организации, в которых указано точное время снятия денежных средств; хищения денежных средств, совершаемые в течение одного дня, т. е. при обнаружении признаков преступления путем анализа выписок и чеков возможно определить точное время совершения преступления, при этом временем совершения является определенный день; хищения денежных средств, совершаемые в период времени, длительность которого может составлять от нескольких дней до нескольких месяцев, – в данный период включается подготовка к совершению преступления, т. е. установление контакта с потерпевшим, вхождение в доверие, и после завладение денежными средствами.

Личность преступника. Именно изучение характеристики личности лица, совершающего такого рода преступления, позволяет определить мотивы и цели, конкретизировать способ, в том числе установить групповой характер преступления, понять роль каждого из участников и получить иную криминалистически значимую информацию по уголовному делу.

Учитывая специфику рассматриваемых преступлений, необходимо отметить то обстоятельство, что в данном случае приоритетное значение имеет не доля участия мужчин или женщин, а также их социальная или возрастная принадлежность, как, например, по преступлениям общеуголовной направленности, а их профессиональный статус в области работы с компьютерными технологиями.

К числу лиц, совершающих рассматриваемые преступления, относятся хакеры, которые обладают богатым опытом работы с техническими устройствами и сами разрабатывают различные вредоносные программы для получения доступа к различным базам данных, в том числе и в целях получения конфиденциальной информации. Кроме того, хакеры, помимо

технических навыков, могут использовать и методы социальной инженерии.

Если рассмотреть организованную группу лиц, совершающих хищение денежных средств с использованием персональных данных пользователей сети Интернет, то в нее будут входить пентестеры, которые моделируют кибератаки на устройства; так называемые «шпионы», осуществляющие скрытый сбор необходимой информации; воры личной информации, которые похищают персональные данные посредством банальных краж (например, паспортов, водительского удостоверения, сотового телефона или банковской карты). Также в числе лиц, совершающих рассматриваемые преступления, выделяют «недобросовестных сотрудников». Они характеризуются тем, что обладают определенной корпоративной информацией, которую могут использовать в преступных целях. При этом их опасность заключается в том, что такую информацию они используют из-за мести за причиненную обиду или недооцененность на работе.

Еще одну группу злоумышленников образуют вербовщики. Это наиболее сложная категория, поскольку они способны не только анализировать поведение жертвы, но также определять мотивационную составляющую такого поведения. При этом, получив необходимую информацию, они устанавливают определенную цель и задачи, которые жертва должна выполнить.

Как видно из представленного перечня, лица, совершающие рассматриваемые преступления, обладают высоким уровнем профессионализма как в сфере реализации методов социальной инженерии, так и с точки зрения технической подготовки. Данный фактор необходимо учитывать, прежде всего, при подготовке процессуальных мероприятий с их участием.

В связи с тем, что данного рода преступления, так же как и большинство преступлений, совершаемых с использованием компьютерной информации, совершаются организованными группами, их члены обладают специальными преступными навыками работы с персональными данными пользователей. Кроме того, в подобные преступные группы вовлекаются лица, обладающие знаниями в банковской сфере (работники банковских организаций), которые могут осуществлять деятельность по предоставлению информации о клиентах и оказывать содействие в осуществлении денежных операций. Для высокой технической поддержки привлекается специальный «обслуживающий персонал», который отвечает за поддержание сетевой инфраструктуры и решение иных рабочих вопросов.

Завершая рассмотрение криминалистической характеристики, отметим особенности личности потерпевшего. По данному виду преступления уязвимыми являются люди, совершающие покупки в интернет-магазинах, клиенты банков, лица, являющиеся пользователями платежных систем. Относительно потерпевших, у которых обманом путем получают информацию о личных данных и денежные средства, то

к ним мы можем отнести граждан пожилого возраста, т. к. они наиболее внушаемы, доверчивы, ими легко манипулировать, их проще ввести в заблуждение.

Однако с учетом современного уровня развития информационного общества, где каждый человек является пользователем информационно-телекоммуникационных технологий, потерпевшим может оказаться абсолютно любой человек.

Таким образом, представленный анализ криминалистической характеристики раскрывает важность знаний предмета преступного посягательства, механизма следообразования и обстановки совершения преступления, способа совершения преступления, а также личности преступника и личности потерпевшего с целью эффективного раскрытия и расследования преступлений, обнаружения и сбора доказательств, выдвижения версий и оптимизации работы следователя.

Библиографический список

1. Дерюгин Р. А., Иванов В. Ю., Мосина С. В., Мосин И. В. Особенности расследования мошенничества, связанного с получением доступа к персональным данным пользователей сети «Интернет»: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. С. 10.
2. Чаплыгина В. Н., Васюков В. Ф., Колычева А. Н. Тактические особенности использования компьютерной информации при расследовании мошенничества: практические рекомендации. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2019. С. 4.
3. Чекунов И. Г. и др. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие. 122 с.

References

1. Deryugin R. A., Ivanov V. Yu., Mosina S. V., Mosin I. V. Features of the investigation of fraud associated with gaining access to personal data of Internet users: a textbook. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 10.
2. Chaplygina V. N., Vasyukov V. F., Kolycheva A. N. Tactical features of using computer information in fraud investigation: practical work. rec. Orel: Oryol legal. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova, 2019. P. 4.
3. Chekunov I. G. [et al.] Methodological recommendations for the investigation of crimes in the field of computer information: textbook. 122 p.

Информация об авторе

Дерюгин Роман Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about author

Deryugin Roman A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Информационное значение экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений против личности

Елфимов Павел Васильевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, elfimovpv@mail.ru

Аннотация. В статье показана важная роль в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений института экспертизы, который является своеобразным способом установления истины по уголовному делу в ходе дознания, предварительного следствия и судопроизводства. Рассмотрены наиболее распространенные в практической деятельности по расследованию преступлений против личности традиционные, относящиеся к криминалистическим виды экспертизы. Обоснована необходимость интеграции в криминалистику знаний и навыков из других областей научной деятельности, что способствует заимствованию и усовершенствованию методов и средств производства экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, преступления против личности, следователь, доказательство, идентификация

Для цитирования: Елфимов П. В. Информационное значение экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений против личности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 75–80.

Original article

The informational value of the examinations assigned in the investigation of crimes against the person

Elfimov Pavel V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, elfimovpv@mail.ru

Abstract. The article shows the important role of the institution of expertise in the process of solving, investigating and preventing crimes, which is a unique way of establishing the truth in a criminal case in the process of inquiry, preliminary investigation and legal proceedings. The most common traditional forensic types of examination in the practical investigation of crimes against persons are considered. The need for integration into forensic science of knowledge and skills from other areas of scientific activity is shown, which contributed to the borrowing and improvement of methods and means of conducting examinations through the use of physicochemical, anthropometric and other methods.

Keywords: forensic examination, crimes against the person, investigator, evidence, identification

For citation: Elfimov P. V. The informational value of the examinations assigned in the investigation of crimes against the person // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 75–80.

При организации расследования преступлений против личности в качестве одного из обязательных процессуальных действий выступает деятельность следователя или дознавателя по назначению различных видов судебных экспертиз, являющихся существенным доказательством по уголовному делу и положительно влияющих на конечный результат расследования.

Круг вопросов, которые необходимо обозначить в постановлении о назначении экспертизы, определяется известными на данном этапе обстоятельствами, а также возможностями непосредственно самой экспертизы. Как правило, на первоначальном этапе он ограничивается общими вопросами, характеризую-

ющими установление родовой принадлежности объектов, а также определением возможности их идентификации. Вместе с тем, достаточно часто постановка таких вопросов уже способствует установлению круга причастных к преступлению лиц, а также иных обстоятельств случившегося [1, с. 32].

Наиболее востребованными экспертизами в рамках расследования преступлений против личности являются:

1. Дактилоскопическая экспертиза (изучение папиллярных узоров следов рук и ног, обнаруженных на месте происшествия, с целью установления лиц, оставивших их). В процессе производства данной экспертизы изучаются кожные покровы человека, базирующиеся на трех принципах: неизменность, индивидуальность и возможность сопоставления. Так, объектами данного исследования выступают следы рук и ног человека, которые при правильном способе их обнаружения и изъятия в ходе осмотра места происшествия несут в себе важную информацию относительно факта совершенного события и способствуют установлению причастных лиц, даже спустя длительное время после совершения преступления [2, с. 39].

2. Трасологическая экспертиза (установление механизма слеодообразования посредством исследования различных объектов, а именно слеодообразующего и следовоспринимающего, а также определения их диагностической и идентификационной пригодности, групповой принадлежности). Зачастую наиболее важной и значимой трасологической экспертизой в рассматриваемой категории дел выступает экспертиза по следам подошвы обуви. Так, обнаруженные на месте происшествия следы подошвы обуви фиксируются специалистом различными методами, например, с объектом носителем либо с его частью, а именно с тем объектом, на котором обнаружен данный след, либо же копируются на специальные дактилоскопические пленки, используемые криминалистами в своей деятельности. А если следы имеют объем, то с них изготавливается гипсовый слепок [3, с. 39].

По данным следам следователем или дознавателем назначается проведение исследования или непосредственно экспертизы с целью определения пригодности объектов для сравнительного исследования, а также их проверки по местному и региональному учетам следов подошв обуви, в результате которой специалистом могут быть установлены совпадения по общим признакам с аналогичными следами по ранее совершенным преступлениям, что дает оперативно-значимую информацию о расследуемом событии, поскольку помогает определить и установить виновное в преступлении лицо [4, с. 15].

Анализ судебной практики подтвердил, что многие уголовные дела по преступлениям против личности содержат материалы трасологической экспертизы, т. е. в основном исследуются следы обуви. Приведем пример из судебной практики. Так, в ходе заседания Вологодского городского суда исследованы материалы уголовного дела по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, в частности, доказательственная база, содер-

жащая заключение эксперта по результатам трасологической экспертизы, в котором излагались выводы о том, что след обуви, изъятый в ходе осмотра места происшествия, оставлен подошвенной частью ботинка, полученного в ходе выемки у подозреваемого¹.

3. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий, включающая в себя более 18 видов проводимых исследований. Для расследования преступлений против личности наиболее важным и значимым является исследование микрочастиц и объектов, изымаемых как с места происшествия, так и с одежды потерпевшего и подозреваемого, поскольку на них могут быть следы одежды друг друга, что может являться доказательством наличия факта преступного деяния, совершенного конкретным лицом. Так, при причинении вреда здоровью возможно установить причастность конкретного лица по наличию на одежде микроволокон.

Наряду с обозначенными выше видами в практической деятельности часто практикуется назначение иных видов криминалистических экспертиз, помогающих установиться конкретные обстоятельства расследуемого события. Так, для определения степени тяжести по делам о причинении вреда здоровью либо факта полового сношения по делам об изнасиловании назначается судебно-медицинская экспертиза. Для идентификации обнаруженных следов крови, спермы, слюны и иного на месте происшествия следователем и дознавателем практикуется назначение экспертизы тканей и выделений человека и животных. В настоящее время широкое распространение получила экспертиза ДНК, которая имеет важное значение как при расследовании преступлений против личности, так и иных видов преступлений [5, с. 166–173].

Таким образом, наиболее важными криминалистическими экспертизами, назначаемым при расследовании преступлений против личности, выступают традиционные виды экспертиз, в частности, дактилоскопическая, трасологическая, криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий.

Кроме того, необходимыми в плане доказывания являются следующие виды экспертиз: судебно-медицинская и экспертиза тканей и выделений человека и животного. Важность их проведения выражается в том, что преступления против личности в основном носят физический характер в отношении потерпевших. В связи с этим потребность исследования человека и его выделений является необходимой составляющей для доказывания [6, с. 33].

Судебно-медицинская экспертиза выступает как самостоятельным отдельным видом судебной экспертизы, так и самостоятельным процессуальным действием, состоящим в проведении исследования по вопросам, обозначенным в соответствующем постановлении и требующим наличия специальных знаний для дачи заключения. В частности, применитель-

¹ Приговор Вологодского городского суда (Вологодская область) от 5 ноября 2020 г. по делу № 1-968/2020. URL: <https://sudact.ru>.

но к расследованию преступлений против личности такая экспертиза назначается по вопросам, требующим определенных знаний, умений и навыков в области медицины и биологии.

Подробно порядок проведения судебно-медицинской экспертизы регламентирован УПК РФ и Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации». Согласно данному приказу объектами судебно-медицинской экспертизы могут являться различные носители информации, познание которых позволяет определить обстоятельства, входящие в предмет доказывания. В частности, судебно-медицинская экспертиза исследует живых лиц, трупы и иные вещественные доказательства биологического происхождения, а также материалы дела, включая медицинские (например, медицинские карты, истории болезни и др.) и немедицинские (такие как протокол осмотра трупа и др.).

Наибольшее количество проводимых судебно-медицинских экспертиз в отношении живых лиц традиционно связано с определением степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. От общего числа проводимых экспертиз с живыми лицами указанный вид составляет более 90 % [7, с. 27].

При этом в соответствии с нормами законодательства экспертиза, проводимая в отношении живого лица, может осуществляться как на добровольной, так и на принудительной основе. В уголовно-процессуальном законодательстве определен перечень случаев, когда назначение и проведение судебных экспертиз, в частности судебно-медицинской, обязательно. К ним относятся:

1. Необходимость установления причины смерти лица (в данном случае для производства экспертизы не требуется согласие родственников).
2. Характер и степень вреда, причиненного здоровью лица.
3. Установление психофизиологического состояния лица (как потерпевшего по условному делу, так и подозреваемого обвиняемого, когда возникают сомнения в его вменяемости).
4. Необходимость установлении возраста лица, участвующего по уголовному делу как со стороны потерпевшего (например, в делах против половой свободы и неприкосновенности личности, поскольку за совершение данных преступлений в отношении детей и подростков предусмотрена более строгая мера наказания), так и в отношении подозреваемого, обвиняемого (например, когда решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности и о том, может ли данное лицо выступать субъектом преступления) в том случае, если отсутствуют достоверные данные об их возрасте и нет соответствующего документального подтверждения.

Далее рассмотрим конкретный порядок проведения судебно-медицинской экспертизы.

Первый этап – вынесение определения или постановления о назначении экспертизы и направление данного документа в экспертное учреждение. В качестве основания для производства любого вида экспертизы, в том числе и судебно-медицинской, выступает определение суда или постановление судьи, а также постановление лица, ведущего расследование по уголовному делу. Датой назначения экспертизы считается дата вынесения соответствующего постановления, в котором в соответствии с нормами УПК РФ должны быть указаны:

1. Данные о лице, назначившем экспертизу.
2. Данные об обстоятельствах уголовного дела.
3. Основание назначения судебной экспертизы.
4. Вопросы, поставленные на разрешение эксперта.
5. Материалы, предоставляемые эксперту для проведения экспертизы.

Второй этап – принятие руководителем экспертного учреждения решения о назначении эксперта, проводящего экспертизу, которому далее в обязательном порядке разъясняются его права и ответственность, или о направлении постановления или определения со всеми материалами обратно. Возврат определения или постановления может обуславливаться тем, что в экспертном учреждении нет специалиста нужной специализации или нет специального оборудования, необходимого для проведения экспертизы.

Третий этап – осуществление регистрации определения или постановления, обязательной для четкого контроля проводимых в экспертном учреждении экспертиз. Сведения о документах, материалах и объектах, поступивших для проведения экспертизы, заносятся в специальный журнал.

Четвертый этап – непосредственное проведение судебно-медицинской экспертизы. На данном этапе эксперт изучает постановление или определение о назначении экспертизы, знакомится с вопросами, поставленными ему, а также изучает материалы, поступившие для экспертизы, особое внимание обращая на упаковку (например, трупа), которая должна отвечать следующим требованиям: сохранность содержимого и обеспечение ее целостности, исключающей доступ к содержимому посторонних лиц. Вскрывать упаковку может только эксперт, производящий экспертизу. В случае нарушения требований к упаковке или отсутствия пояснительных надписей эксперт делает об этом отметку в своем заключении, а также в акте ее вскрытия.

В этой связи стоит отметить проблему, которая заключается в том, что на этапе изъятия материалов, направляемых на судебно-медицинскую экспертизу, зачастую специалисты соответствующего профиля не привлекаются, что приводит к неправильной упаковке изымаемых материалов.

Практическим примером данной проблемы является уголовное дело, возбужденное в отношении гр. А. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, по факту нанесения ударов кулаками гр. И. Согласно заключению эксперта у гр.

И. обнаружены телесные повреждения в виде закрытого перелома переднего отрезка 8-го ребра справа без смещения, которые по своему характеру влекут длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше трех недель от момента причинения травмы, а значит, и квалифицируются по этому признаку как причинение вреда здоровью средней тяжести. Уголовное дело было возбуждено на основании заключения судебно-медицинского эксперта и объяснений, отобранных у фигурантов. При расследовании уголовного дела и в рамках производства проверки показаний на месте с участием приглашенного узкого специалиста (врача-травматолога) установлено, что телесное повреждение в виде перелома 8-го ребра справа гр. И. получил от упора левой руки гр. А., вследствие падения последнего с высоты собственного роста на тело гр. И. сработал механизм противоудара. Производство по уголовному делу прекращено, так как факт умышленного причинения телесных повреждений не нашел своего подтверждения [8, с. 47].

Пятый этап – вынесение заключения по результатам проведенной экспертизы, которое должно содержать исследовательскую часть, где описываются все действия эксперта при проведении исследования и его методика.

По общим правилам и в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством судебно-медицинская экспертиза, наряду с иными видами экспертиз, может быть назначена первично (когда объект впервые предоставлен для исследования), повторно (когда исследуется предоставленный ранее объект по тем же вопросам, но уже другим экспертом) и дополнительно (когда исследуемый объект предоставляется еще раз на экспертизу, но уже с новыми вопросами, которые ранее не были освещены в заключении, при этом возможно ее проведение тем же экспертом) [9, с. 154].

Судебно-медицинская экспертиза может быть проведена комиссионно в том случае, когда имеется необходимость привлечения нескольких специалистов (как правило, привлекаются 2–3 эксперта). Помимо этого в судебно-следственной практике можно встретить случаи, когда экспертиза, в том числе и судебно-медицинская, проводится коллегиально, с привлечением специалистов их разных областей знаний. В таком случае она называется комплексной.

Таким образом, при расследовании преступлений против личности существенную роль играет проведение судебно-медицинской экспертизы, поскольку с ее помощью возможно решение вопросов относительно характера совершенного преступного деяния, в частности, установление тяжести причиненного вреда здоровью, а равно определение наличия непосредственных преступных действий, например, по делам об изнасиловании. Основанием для производства судебно-медицинской экспертизы служит соответствующее постановление должностного лица, судьи или определение суда, в котором в обязательном порядке должно быть указано наименование ор-

гана, вынесшего постановление, и органа, которому оно адресуется, обозначена фабула уголовного дела, поставлены вопросы для разрешения и указан перечень материалов, направляемых эксперту.

Особенно хотелось бы отметить важную, а порой выступающую одним из определяющих доказательств по делам о преступлениях против личности, экспертизу тканей и выделений человека и животных, способную предоставить ответы на вопросы относительно исследования имеющихся в следственной и судебной практике вещественных доказательств биологического происхождения.

Основными объектами, подлежащими исследованию в рамках обозначенной экспертизы, выступают кровь, сперма, пот, слюна, запаховые следы и иные виды человеческих выделений, а также волосы, органы, ткани и кости человека. Как следует из анализа практической деятельности сотрудников криминалистических служб, более 80 % объектов, имеющих биологическое происхождение и относящихся к исследуемому преступному обстоятельству по делам о преступлениях против личности, бывают обнаружены во время проведения осмотров места происшествия и прилегающей к нему территории, как правило, на орудиях преступления, либо предметах, брошенных преступником [10, с. 10].

В рамках указанной экспертизы проводятся исследования ДНК, волос, запахов, кистей рук человека, а также идентификация лица по черепу, что имеет важное значение в расследовании преступлений против личности. Как уже было отмечено, на месте преступления против личности остается много материальных следов, особенно оставленных человеком. В данном случае использование специальных знаний просто необходимо для расследования по уголовному делу. Во-первых, изъятие вышеуказанных следов должно производиться только специалистом, имеющим познания в области медицины. Данная необходимость объясняется тем, что для предоставления на экспертизу вещества бурого цвета, слюны, волос и иных выделений человека необходимо изъять их правильным способом в нужном количестве и упаковать так, чтобы они не потеряли свои свойства.

Во-вторых, современные достижения позволяют по ДНК не только определить принадлежность выделений определенному человеку, но и установить пол, цвет глаз, волос, кожи, овал лица человека при отсутствии фигуранта уголовного дела с помощью ДНК-фенотипирования. Данные исследования нельзя провести без использования специальных знаний [11, с. 442].

При этом можно выделить несколько проблемных аспектов:

1. В соответствии с ч. 3 ст. 199 УПК РФ руководитель экспертного учреждения имеет право вернуть постановление о назначении экспертизы лицу, вынесшему его, в случаях отсутствия в экспертном учреждении лиц соответствующей специализации или техники, необходимой для проведения экспертизы. Тогда следователю, дознавателю или суду необходи-

мо время на поиски подходящего экспертного учреждения. Данная проблема также возникает в случае, если появляются сомнения в обоснованности заключения эксперта¹. Решение видится в необходимости создания единой централизованной системы экспертных учреждений, внутри которой руководитель мог бы самостоятельно направлять постановление или определение о назначении судебной экспертизы в подходящее экспертное учреждение с уведомлением об этом органа или лица, принявшего решение о проведении экспертизы [12, с. 93].

2. На этапе изъятия материалов, направляемых на судебно-медицинскую экспертизу, зачастую не привлекаются специалисты соответствующего профиля, что приводит к неправильной упаковке изымаемых материалов.

3. Экспертиза тканей и выделений человека и животного имеет свои сложности и особенности в силу непростого обнаружения таких объектов на местах происшествия, а также в силу их быстрой изменчивости в условиях длительного промежутка времени и под воздействием внешней среды.

Наиболее характерными вопросами, которые необходимо решить в рамках уголовного дела по преступлению против личности, могут выступать:

1. Относительно изъятых следов крови: имеется ли на представленном объекте следы крови; если имеются, то принадлежит данная кровь человеку или животному. Если в деле уже есть установленное лицо, возможно причастное к совершению преступления, то на экспертизу могут быть предоставлены образцы его крови для определения ее группы и сравнения с той, которая была изъята с места происшествия.

2. Относительно обнаруженной слюны на месте происшествия: можно ли установить ее групповую и половую принадлежность, а при предоставлении образца для сравнительного исследования можно ли определить ее принадлежность конкретному человеку.

Анализ судебной практики позволяет привести конкретный пример. Березовский районный суд рассматривал материалы уголовного дела по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Одним из доказательств по делу было представлено заключение экспертизы, в рамках которой исследовались слюна, оставленная на окурке сигареты, и кровь, оставленная на клинке ножа. Перед экспертом был поставлен ряд вопросов, в том числе о принадлежности данных выделений подозреваемой или потерпевшей. Несмотря на родственную связь указанных лиц, эксперт смог установить принадлежность выделений одной из участниц уголовного дела, что повлияло на результаты расследования².

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

² Приговор Березовского районного суда (Красноярский край) от 3 сентября 2020 г. по делу № 1-198/2020. URL: <https://sudact.ru>.

3. Относительно изъятых потожировых веществ: можно ли выяснить давность следа, оставленного на месте происшествия; образован ли он при однократном контакте с поверхностью или же путем наслоения в несколько раз, а равно половую и групповую принадлежность и др.

4. Относительно изъятых волос или нескольких волос с места происшествия: возможно ли установить принадлежность данного объекта человеку или животному; если установлена принадлежность волоса человеку, то можно ли определить его региональное происхождение, натуральность цвета и текстуры волос (химическая завивка, или выпрямление волос и др.), а также принадлежность по половому признаку и пр.

Следует отметить, что круг вопросов, решаемых биологической экспертизой тканей и выделений человека или животного, достаточно широк и в общем виде имеет два направления – диагностическое и идентификационное. Вместе с тем, несмотря на свою высокую значимость в делах о преступлениях против личности, подобный род экспертизы имеет свои сложности и особенности, о которых говорилось выше (их быстрая изменчивость в условиях длительного промежутка времени под воздействием внешней среды). Так, порядок назначения биологической экспертизы тканей и выделений человека или животного имеет характер, присущий назначению любого иного вида экспертного исследования. В рамках расследования по уголовному делу основанием выступает постановление следователя или дознавателя о назначении экспертизы, где определен перечень вопросов, подлежащих выяснению, а также указаны объекты, представленные на экспертизу.

Подводя итоги, следует отметить, что результаты экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений против личности, имеют важное доказательственное значение. Как правило, объективность данных доказательств не вызывает сомнений, так как они научно подтверждены лицом, обладающим специальными знаниями в области проведенной экспертизы. При этом без специальных знаний эксперта разрешить задачи предварительного расследования преступлений против личности невозможно.

Библиографический список

1. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика расследования. М., 2019.
2. Кудинова Н. С. Роль современных направлений диагностической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1.
3. Виноградова О. П. Использование специальных знаний при расследовании тяжких преступлений // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII международ. науч.-практ. конференции: в 2 т. 2017.
4. Нарыжный Е. В. Интегральный подход получения криминалистически значимой информации по

следам обуви при расследовании преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 10.

5. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Проблемные аспекты расследования преступлений, связанных с распространением детской порнографии в сети Интернет // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93).

6. Виноградова О. П. Проблемы назначения medico-криминалистических экспертиз при расследовании причинения вреда здоровью // В сборнике: Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности на современном этапе: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. М., 2019.

7. Светличный А. А. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения при расследовании преступлений против личности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2.

8. Ермолаева Л. Н. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при производстве отдельных видов экспертиз // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 3 (7). 47 с.

9. Крюкова Н. И. Криминалистика. М., 2019.

10. Кручинина Н. В. Криминалистическое обеспечение противодействия использованию биотехнологий при совершении преступных посягательств // Lex Russica. 2022.

11. Краева Я. В. ДНК-фенотипирование: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11.

12. Эртель Л. А. Проблемы назначения и производства судебно-медицинской экспертизы в другие субъекты Российской Федерации // Очерки новейшей криминалистики. 2021. № 1.

References

1. Churilov S. N. Criminalistic investigation methodology. М., 2019.

2. Kudinova N. S. The role of modern trends in diagnostic fingerprinting in the detection and investigation of crimes // Information security of regions. 2016. № 1.

3. Vinogradova O. P. The use of special knowledge in the investigation of serious crimes // In the book: The activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXII international scientific and practical conference: in 2 vol. 2017.

4. Narizhny E. V. An integral approach to obtaining criminalistically significant information on shoe tracks in the investigation of crimes // Bulletin of the Tomsk State University. 2016. № 10.

5. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Problematic aspects of the investigation of crimes related to the distribution of child pornography on the Internet // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. № 4 (93).

6. Vinogradova O. P. Problems of appointment of medical and forensic examinations in the investigation of harm to health // In the collection: Current problems of forensic expertise at the present stage. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. М., 2019.

7. Svetlichny A. A. Topical issues of forensic medical examination of physical evidence of biological origin in the investigation of crimes against the person // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 2.

8. Ermolaeva L. N. Some problematic issues arising in the production of certain types of expertise // Law: retrospective and perspective. 2021. No. 3 (7). 47 p.

9. Kryukova N. I. Criminalistics. М., 2019.

10. Kruchinina N. V. Criminalistic provision of counteraction to the use of biotechnologies in the commission of criminal encroachments // Lex Russica. 2022.

11. Kraeva Ya. V. DNA phenotyping: problems and prospects // Issues of Russian justice. 2021. № 11.

12. Ertel L. A. Problems of appointment and production of forensic medical examination in other subjects of the Russian Federation // Essays of the newest cameralistics. 2021. № 1.

Информация об авторе

Елфимов Павел Васильевич – доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медико-технических наук, заслуженный врач Российской Федерации

Information about the author

Elfimov Pavel V. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Academy of Medical and Technical Sciences, Honored Doctor of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 21.05.2024

Установление давности образования следов рук с использованием показаний эксперта / специалиста

Лубин Александр Федорович¹, Юматов Сергей Васильевич²

^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия;

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ ale-lubin@yandex.ru

Автор, ответственный за переписку: Юматов Сергей Васильевич, sergey.yumatov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния научного знания и практической деятельности по установлению давности образования следов рук. Существующие наработки ученых по сохранности следов рук на различных объектах и под действием факторов окружающей среды формируют необходимую почву для использования таких данных в судебно-следственной практике. Экспертной методики установления давности образования следов рук не существует, из-за чего решение этой задачи в ходе производства по уголовному делу предполагает комплексное использование специальных знаний: допрос специалиста, участвовавшего в изъятии следа руки, производство дактилоскопической экспертизы с последующим допросом эксперта. Показания эксперта / специалиста зачастую не аргументированы, включают неточные формулировки и не учитывают современные научные достижения. В статье предложены рекомендации по структуре показаний эксперта/специалиста, касающихся определения временного периода образования следов рук.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следы рук, давность образования следов рук, сохранность следов рук, допрос эксперта, допрос специалиста

Для цитирования: Лубин А. Ф., Юматов С. В. Установление давности образования следов рук с использованием показаний эксперта / специалиста // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 81–86.

Original article

Establishing the age of handprints using expert / specialist testimony

Lubin Alexander F.¹, Yumatov Sergei V.²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhny Novgorod, Russia;

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod Nizhny Novgorod, Russia

¹ ale-lubin@yandex.ru

Corresponding author: Yumatov Sergei V., sergey.yumatov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state of scientific knowledge and practical activities to establish the age of trace formation. The existing developments of scientists on the preservation of handprints on various objects and under the influence of environmental factors form the necessary ground for the use of such data in forensic practice. There is no expert methodology for determining the age of formation of handprints, so the solution of this problem in the course of proceedings involves the complex use of specialized knowledge: interrogation of a specialist involved in the seizure of handprints, production of fingerprint expertise with subsequent interrogation of the expert. Expert / specialist testimony is often not reasoned, includes inaccurate language and does not take into account modern scientific advances. The article offers recommendations on the structure of expert / specialist testimony concerning the determination of the time period of formation of handprints.

Keywords: forensic examination, handprints, age of formation of handprints, preservation of handprints, questioning of expert, questioning of specialist

For citation: Lubin A. F., Yumatov S. V. Establishing the age of handprints using expert / specialist testimony// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 81–86.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что в ходе производства по уголовному делу вопрос о давности образования изъятых следов рук возникает достаточно часто. В большинстве случаев подозреваемый в качестве средства защиты указывает на то, что следы рук были оставлены им на объекте не в момент совершения преступления. Бремя доказывания факта оставления следов рук подозреваемым на месте происшествия ложится на сторону обвинения. В качестве доступных средств доказывания органы предварительного расследования могут использовать заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста.

Необходимо отметить, что единой методики определения давности образования следов рук нет. Из-за этого в процессе расследования преступления следователям приходится устанавливать обстоятельства, связанные с образованием следов сочетанием нескольких видов процессуальной формы использования специальных знаний. Как правило, идет связка: заключение эксперта – допрос эксперта. В рамках производства экспертизы эксперт отказывается от ответа на поставленный вопрос о давности образования следов рук ввиду отсутствия методики или определяет период образования следов рук посредством использования частной экспертной методики. При допросе эксперт делает необходимые пояснения о примененной методике, приводит данные о возможном периоде образования следов рук. Показания специалиста используются для выяснения обстоятельств обнаружения, фиксации, изъятия следов рук в ходе следственного действия, имеющих значение для установления давности их образования. Заключение специалиста практически не используется, предполагается, что к данному виду использования специальных знаний должна прибегать сторона защиты.

Задачами настоящего исследования явились изучение современного состояния научного знания о давности образования следов рук, изучение судебной практики оценки доказательств, связанных с установлением давности образования следов, разработка рекомендаций по наиболее эффективному использованию специальных знаний в виде допроса эксперта / специалиста в ходе производства по уголовному делу.

В процессе развития судебно-экспертной деятельности было предложено несколько подходов к решению вопроса о давности образования следов рук. К числу основных способов относятся исследования морфологических признаков следа, свойств следовоспринимающей поверхности, биохимических изменений в следе. В рамках нашего исследования мы рассматривали исключительно те, которые доступны эксперту, имеющему право на самостоятельное производство дактилоскопической экспертизы, т. е. без изучения компонентов потожирового вещества.

А. Л. Морозова к морфологическим признакам давности следа относит: матовость следа, сужение папиллярных линий, прерывистость папиллярных линий, недостаточную липкость вещества при воздействии дактилоскопического порошка [1, с. 15–16]. Однако она отмечает, что в большинстве случаев установить давность образования следов рук по морфологическим признакам невозможно. Из перечисленных морфологических признаков такие, как матовость следа, сужение папиллярных линий, прерывистость папиллярных линий, могут быть диагностированы как в ходе производства судебной экспертизы и допроса эксперта, так и в ходе допроса специалиста, участвовавшего в осмотре места происшествия. Недостаточная липкость вещества устанавливается только в ходе допроса специалиста, производившего изъятие следа. С. С. Самищенко дополнительно предлагает использовать «характер взаимодействия вещества следа со следовоспринимающей поверхностью» и «степень наслоения посторонних веществ, в первую очередь пыли» для диагностики обстоятельств отображения папиллярного узора [2, с. 27]. Степень наслоения посторонних веществ также возможно установить исключительно в ходе допроса специалиста, участвовавшего в осмотре места происшествия. Характер взаимодействия вещества следа со следовоспринимающей поверхностью устанавливается на основании экспериментальных данных, которые будут рассмотрены ниже. А. Л. Клименко включает в морфологические признаки «наличие в следе мелких деталей» [3, с. 15]. Данный признак определяется в ходе экспертного исследования и последующего допроса эксперта.

В. Е. Корноухов, Ю. Ю. Ярослав, Т. В. Яровенко выделяют «естественное старение» следов рук и изменение следа в результате «активного воздействия среды», которое замедляет или ускоряет процессы старения следа [4, с. 76]. К факторам среды авторы относят влияние влаги, температурные воздействия, запыленность среды [4, с. 76–81]. Влияние влаги приводит к растеканию следов или их полному уничтожению [4, с. 76–77]. Повышение температуры ведет к ускорению процесса старения следов (при резком повышении температуры, наоборот, может наблюдаться повышение устойчивости следов), понижение температуры замедляет процессы старения [4, с. 77–78]. Запыленность среды приводит к ускорению процесса уничтожения следов [4, с. 78–81]. В диссертационном исследовании Ю. А. Донцовой свойства объектов и факторов внешней среды отнесены к нейтральным или негативно влияющим [5, с. 11]. Негативно влияющие факторы включают: «воздействие влаги (воды), воздействие высокой температуры, воздействие отрицательной температуры, контакт с различными веществами, механическое воздействие» [5, с. 12]. И. Д. Чешко, М. Ю. Принцева исследовали возможность выявления следов рук после теплового воздействия

на предметах из стекла, керамики, металла [6].

И. В. Латышов, В. А. Васильев, А. В. Кондаков проводили оценку эффективности применения дактилоскопических порошков, в том числе в зависимости от давности образования следов рук [7]. И. А. Уварова отмечает, что выбор физических и химических методов выявления следов рук «зависит от следовоспринимающей поверхности, на которой оставлен след, от давности его образования и от условий, в которых данный след был обнаружен» [8]. В работах Г. Л. Грановского содержатся обширные данные о сохранности следов рук, подвергшихся воздействию метеорологических факторов на писчей бумаге, окрашенном дереве, пластмассе, никелированном металле, стекле [9, с. 246–250]. О. А. Соколова приводит данные по выявлению следов рук давностью 1–57 дней на таких поверхностях, как древесно-стружечная плита (ламинированная), микродревесная фибра обычная (МДФ), МДФ кашированная, декоративный пластик, линолеум (жесткий / мягкий), поверхности, обработанные масляной или акриловой краской [10]. М. В. Салтевский, В. Н. Сахнов исследовали сохранность следов на объектах из стекла, металла, пластмассы в водоеме с пресной проточной водой летом и осенью [11].

Таким образом, вопросы возможности выявления следов рук, условий их сохранности нашли свое отражение в трудах многих ученых. Указанные исследования внесли существенный вклад в развитие средств и методов выявления, изъятия следов рук, практики производства дактилоскопических экспертиз. При этом авторами были изучены криминалистически значимые свойства многих поверхностей, на которых выявляются следы рук при производстве следственных действий, а также применение дактилоскопических порошков в зависимости от типа поверхности и давности образования следов. Подобные сведения следует использовать при установлении периода образования следов рук при расследовании уголовного дела. Эксперт / специалист, исходя из типа поверхности, применяемого метода выявления следа, на основе приведенных выше научных исследований могут высказывать суждение о времени образования следа. Так как многие ученые проводили исследования в рассматриваемой области, то сведения об эффективности применения дактилоскопических порошков на различных видах следовоспринимающих поверхностей содержатся в различных источниках, не систематизированы, что затрудняет их использование в практической деятельности. Выход из сложившейся ситуации один – издание методических рекомендаций, обобщающих результаты научных изысканий авторов. Кроме того, описание объектов, на которых обнаружены следы, и дактилоскопических порошков (наименование) в протоколе следственного действия не должно быть формальным. Описание поверхности необходимо соотносить со сведениями о видах следовоспринимающих поверхностей в научных исследованиях.

Установление обстоятельств, связанных с воздействием среды на следы рук, представляется более

сложной задачей. При осмотре места происшествия фиксируются обстоятельства, которые в последующем могут помочь в установлении давности образования следа: наличие загрязнений поверхности, влаги, осадков на ней, температура окружающей среды, нахождение объектов в особых условиях (в воде, под воздействием прямых солнечных лучей). При допросе специалиста, изымавшего следы рук, уточняются сведения, которые были отражены в ходе осмотра места происшествия, выясняются вопросы о приблизительном периоде образования следов рук, исходя из типа поверхности, воздействовавших факторов, вида примененного дактилоскопического порошка. Для полного установления воздействовавших на следы рук факторов следователю надлежит получить официальные данные о погодных условиях в анализируемый период из Гидрометцентра России. При назначении экспертизы ставится вопрос о давности образования следов рук, для разрешения которого помимо самих следов рук в распоряжение эксперта предоставляются копии протокола следственного действия, допроса специалиста, данные из Гидрометцентра России. Эксперт может отказаться от ответа на поставленный вопрос – это его право. В данном случае необходимо допросить эксперта на предмет установления возможного периода образования следов рук.

Анализ судебной практики показывает, что суд принимает в качестве доказательств временного периода образования следов рук показания эксперта. Великоустюгский районный суд Вологодской области по делу № 1-64/2019 в качестве довода, подтверждающего показания эксперта об образовании следа руки во временной промежуток, исчисляемый несколькими днями, использовал «общедоступную экспертную практику»¹. В приговоре сделана ссылка на статью О. А. Соколовой «Установление давности образования следов рук человека на некоторых следовоспринимающих поверхностях» [10] в части использования дактилоскопического порошка «Рубин» на поверхности, покрытой акриловой или масляной краской. Примененный судом термин «общедоступная экспертная практика» вызывает вопросы. «Экспертная практика» предполагает изучение конкретных заключений экспертов, а в статье О. А. Соколовой проводится данные экспериментального исследования, позволяющие диагностировать время образования следов рук. Применение слова «общедоступная» по отношению к экспертной практике как процессуальной форме использования специальных знаний некорректно. Так, например, А. А. Эйсман определяет специальные знания как не являющиеся общеизвестными, общедоступными [12, с. 91]. К положительным сторонам в показаниях эксперта следует отнести определение особенностей следовоспринимающей поверхности,

¹ Приговор Великоустюгского районного суда (Вологодская область) № 1-64/2019 от 30 июля 2019 г. по делу № 1-64/2019 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wQUIjJlG25X/> (дата обращения: 27.03.2024).

влияющих на выбор дактилоскопического порошка для выявления следов рук.

Зачастую эксперты просто отказываются от ответа на поставленный вопрос о давности оставления следов рук. Так, например, в приговоре Индустриального районного суда г. Ижевска по делу № 1-160/2019 установлено, что в заключении дактилоскопической экспертизы на вопрос «Какова давность отпечатков следов рук?» ответить не представляется возможным ввиду отсутствия методики для решения данного вопроса¹.

По другому делу эксперт, отказавшись от ответа на вопрос о давности образования следа, в ходе допроса пояснил, что «данный вопрос в вероятной форме может быть решен специалистом на месте происшествия, где обнаружен данный след, поскольку выявление и сохранность следов рук на различных материальных поверхностях зависит от ряда условий, в том числе от структуры поверхности следовоспринимающего объекта (в том числе металлические, полимерные, стеклянные), механизма образования следов, компонентов следообразующего вещества, влажности, температуры воздуха, в котором они находятся»². Логика рассуждений эксперта понятна: в ходе осмотра места происшествия специалисту-криминалисту приходится решать задачу по выбору оптимальных средств и методов выявления следов рук, включающую анализ свойств следовоспринимающей поверхности, данных о времени образования следов (показания очевидцев, записи с камер наблюдения и т. п.), доступных дактилоскопических порошков и средств следокопирования. Однако перечисление экспертом условий выявления и сохранности следов тоже является не совсем верным. Р. С. Белкин указывает, что компонентами «механизма следообразования» являются: следообразующий объект, следовоспринимающий объект, вещество следа, следовой контакт [13, с. 41–42]. Эксперт, с одной стороны, указывает «механизм образования следов», с другой – «структуру поверхности следовоспринимающего объекта» и «компоненты следообразующего вещества». Нельзя указывать при перечислении понятие, а после этого отдельные его составляющие.

В приговоре Собинского городского суда Владимирской области по делу № 1-1-10/2021 приведены показания эксперта, согласно которым «установить давность образования следов на рукоятке ножа нельзя, но если нож не помещался во влажную среду, под палящее солнце, не подвергался агрессивным хими-

ческим реагентам, то следы могут сохраняться неопределенно долго»³. В данном случае эксперт принимает попытку анализа воздействия факторов внешней среды на сохранность следов рук, при этом перечисляет только несколько факторов, исходя из возможной эксплуатации предмета (химические реагенты – моющие средства, которые используются при очистке ножа). В приговоре Лысковского районного суда Нижегородской области по делу № 1-120/2019 в показаниях эксперта сохранность следов рук на табурете, которым наносились телесные повреждения, ставится в зависимость от «определенной температуры, условий хранения, упаковки»⁴. Кроме того, эксперт отмечает, что следы рук не впитываются в поверхность стула и, если его поверхность чистая, то следы рук остаются с папиллярным узором, если грязная, то следы рук остаются без папиллярного узора. Отметим, что эксперт справедливо указывает на необходимость учитывать условия хранения вещественного доказательства, если следы рук изымались не в ходе осмотра места происшествия, а также достаточно четко и однозначно дал показания о возможности образования следов рук на исследуемом объекте.

В некоторых случаях давность образования следов рук устанавливается на основе данных, полученных при осмотре места происшествия и имеющихся по делу доказательств. В приговоре Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутии) по делу № 1-108/2016 проводится анализ времени образования следов рук при дорожно-транспортном происшествии на автомобиле потерпевшим⁵. Мотивируя вывод об образовании следов рук в момент наезда на пешехода, суд использует показания свидетелей и данные осмотра автомобиля, поверхность которого была грязная за исключением мест повреждений со следами рук. При этом эксперта по данному делу не допрашивали. Представляется, что полно и всесторонне исследовать вопрос о времени образования следов рук без использования специальных знаний невозможно. Только эксперт или специалист могут выявить все необходимые и достаточные диагностические признаки для определения временных рамок образования следов.

Приведенные примеры из судебной практики по-

¹ Приговор Индустриального районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) по № 1-160/2019 от 25 марта 2019 г. по делу № 1-160/2019 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NL7izngbd9P/> (дата обращения: 27.03.2024).

² Приговор Ивановского районного суда (Ивановская область) № 1-11/2017 от 21 февраля 2017 г. по делу № 1-11/2017 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). 2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/11jrleAhxTUW/> (дата обращения: 27.03.2024).

³ Приговор Собинского городского суда (Владимирская область) № 1-1-10/2020 от 21 июля 2021 г. по делу № 1-1-10/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). 2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2INElyDT26Y8/> (дата обращения: 27.03.2024).

⁴ Приговор Лысковского районного суда (Нижегородская область) № 1-120/2019 от 24 декабря 2019 г. по делу № 1-20/2019 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Akz54hmlXXIQ/> (дата обращения: 27.03.2024).

⁵ Приговор Нерюнгринского городского суда (Республика Саха (Якутия)) № 1-108/2016 от 22 сентября 2016 г. по делу № 1-108/2016 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). 2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aMOMdQR6dp01/> (дата обращения: 27.03.2024).

казывают, что, несмотря на использование показаний эксперта в качестве доказательства по делу, их содержание не всегда аргументировано, включает неточные формулировки и не учитывает современные научные достижения в области дактилоскопии. Исходя из этого, возникла необходимость сформулировать рекомендации по содержанию показаний эксперта / специалиста при определении временного периода образования следов рук. На наш взгляд, в показаниях должны быть отражены три ключевых аспекта:

1) ссылка на морфологические признаки следа руки. Следует проводить разбор особенностей отобразившихся папиллярных линий. Необходимо избегать таких расплывчатых формулировок, как «свежий» или «старый» след;

2) анализ воздействовавших факторов: определение вида следовоспринимающей поверхности, вида дактилоскопического порошка, температурных условий (в момент производства следственного действия, колебания температуры в период между образованием следа и его изъятием);

3) ссылка на использованный литературный источник.

Таким образом, ввиду отсутствия экспертной методики установления давности образования следов рук, наиболее оптимальное решение этой задачи предполагает комплексное использование специальных знаний: допрос специалиста, участвовавшего в изъятии следа руки, производство дактилоскопической экспертизы с последующим допросом эксперта. Судебная практика принимает доводы, основанные на существующих научных данных о сохранности следов рук на поверхностях, что позволит при качественных, аргументированных показаниях эксперта / специалиста успешно решать задачу о периоде образования следов рук в ходе расследования уголовного дела.

Библиографический список

1. Морозова А. Л. Криминалистическое исследование потожировых следов рук человека с целью установления их давности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 27 с.
2. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 40 с.
3. Клименко А. А. Применение теории временных связей в деятельности специалиста-криминалиста на примере установления относительной давности образования потожировых следов рук: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. 20 с.
4. Корноухов В. Е., Ярослав Ю. Ю., Яровенко Т. В. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. М., 2011. 320 с.
5. Донцова Ю. А. Теория и практика криминалистического исследования следов рук, образованных в условиях негативного влияния свойств объектов или действия факторов внешней среды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2022. 26 с.
6. Чешко И. Д. Сохранность следов рук после те-

плового воздействия / под общ. ред. И. Д. Чешко // Расследование пожаров: сборник статей Выпуск 6. СПб: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2019. С. 66–70.

7. Латышов И. В. Оценка эффективности применения дактилоскопических порошков для выявления следов рук // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 142–147.

8. Уварова И. А. Современные возможности выявления латентных следов пальцев рук / отв. ред. выпуска: А. В. Семёнов, П. Н. Кравченко // Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты: материалы XIX Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах. Москва, 30–31 марта 2023 г. Том 1. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2023. С. 1223–1231.

9. Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 2006. 452 с.

10. Соколова О. А. Установление давности образования следов рук человека на некоторых следовоспринимающих поверхностях // Судебная экспертиза. 2012. № 2 (30). С. 52–61.

11. Салтевский М. В., Сахнов В. Н. О сроках выявления следов пальцев рук на предметах, находящихся в водоемах с проточной водой // Криминалистика и судебная экспертиза / МВД УССР [и др.] Вып. 35. Киев, 1987. С. 76–81.

12. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. 152 с.

13. Белкин П. С. Криминалистика: краткая энциклопедия. М., 1993. 111 с.

References

1. Morozova A. L. Forensic study of human hand sweat marks in order to establish their age: abstract dis. ... cand. legal sciences. M., 2000. 27 p.
2. Samischenko S. S. Modern fingerprinting: theory, practice and development trends: abstract dis. ... dr. legal sciences. M., 2003. 40 p.
3. Klimenko A. A. Application of the theory of temporal relations in the activities of a specialist-criminalist on the example of establishing the relative age of formation of sweat-grease traces of hands: abstract dis. ... cand. legal sciences. Kaliningrad, 2004. 20 p.
4. Kornoukhov V. E., Yaroslav Y. Y., Yarovenko T. V. Fingerprinting examination: current state and prospects of development. M., 2011. 320 p.
5. Dontsova JU. A. Theory and practice of forensic study of traces of hands, formed in conditions of negative influence of properties of objects or the action of environmental factors: abstract dis. ... cand. legal sciences. St. Petersburg, 2022. 26 p.
6. Cheshko I. D. Preservation of handprints after heat exposure // Fire Investigation : collection of articles / ed. by I. D. Cheshko. Issue 6. St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Fighting Service of the Ministry

of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2019. Pp. 66–70.

7. Latyshov I. V. Efficiency Assessment of the Dactyloscopic Powders' Using for the Hands Traces' Identification // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018. № 3 (47). Pp. 142–147.

8. Uvarova I. A. Modern possibilities of detecting latent fingerprints // Sustainable development: geopolitical transformation and national priorities: Proceedings of the XIX International Congress with elements of a scientific school for young scientists. In 2 vol., Moscow, March 30–31, 2023 / editors-in-chief: A. V. Semenov, P. N. Kravchenko. Vol. 1. M.: Moscow University named after S. Y. Witte. S. Y. Witte, 2023. Pp. 1223–1231.

9. Granovsky G. L. Fundamentals of traceology. M., 2006. 452 p.

10. Sokolova O. A. Establishing the age of formation of human handprints on some trace-absorbing surfaces // Forensic examination. 2012. № 2 (30). Pp. 52–61.

11. Saltevsy M. V, Sakhnov V. N On the timing of detection of fingerprints on objects in bodies of water with running water // Criminalistics and Forensic Examination / Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR [and others] Issue 35. Kiev, 1987. Pp. 76–81.

12. Eisman A. A. Expert Conclusion. Structure and scientific substantiation. M., 1967. 152 p.

13. Belkin R. S. Criminalistics: a brief encyclopedia. M., 1993. 111 p.

Информация об авторах

Лубин Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор

Information about authors

Lubin Alexander F. – Doctor of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Детерминанты преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий

Мосин Иван Вадимович**Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Ivan-m-v@mail.ru**

Аннотация. Высокая степень общественной опасности хищений чужого имущества с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», неоспорима. Современные технологии, благодаря стремительному развитию, находят свое применение не только в повседневной жизни и профессиональной деятельности людей, но и в криминальной сфере. Возросшая активность использования при этом информационных технологий обусловлена возможностью совершения преступных деяний дистанционно, без прямого контакта с потенциальным потерпевшим. Особую актуальность теме придает специфика совершаемых с использованием компьютерных технологий преступлений, которые обладают высокой степенью латентности, но, даже будучи обнаруженными, они сложны в расследовании и установлении исполнителей. Детерминанты преступности в целом и компьютерной в частности являются наиважнейшим вопросом и отправной точкой в понимании методики противодействия указанным преступлениям.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть, интернет, преступление, компьютерные технологии

Для цитирования: Мосин И. В. Детерминанты преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 87–93.

Original article

Determinants of crimes committed using computer and telecommunication technologies

Mosin Ivan V.**Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, Ivan-m-b@mail.ru**

Abstract. The high degree of public danger of theft of other people's property using information and telecommunication networks, including the Internet, is undeniable. Modern technologies, thanks to their rapid development, find their application not only in everyday life and professional activities of people, but also in the criminal sphere. The increased activity in the use of information technologies is due to the possibility of carrying out criminal acts remotely, without direct contact with the potential victim. The topic is particularly relevant due to the specific nature of crimes committed using computer technologies, which have a high degree of latency, but even when detected, they are difficult to investigate and identify the perpetrators. The determinants of crime in general and computer crime in particular are the most important issue and the starting point in understanding the methods of combating these crimes.

Keywords: information and telecommunication network, Internet, crime, computer technologies, telecommunication networks

For citation: Mosin I. V. Determinants of crimes committed using computer and telecommunication technologies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 87–92.

На сегодняшний день цифровое пространство охватывает практически все сферы жизни человека. Вместе со стремительным развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий, которые все шире проникают в самые разные области общественной жизни, увеличиваются масштабы их использования при совершении различного рода преступлений. Этот процесс охватывает не только сферы развлечений и социального общения, но и системы критически значимой инфраструктуры, в частности финансово-кредитную систему, энергетику, транспорт, безопасность, промышленность и т. д. При этом компьютерные технологии и телекоммуникационные сети активно используются преступниками для совершения преступлений.

Кражи, мошенничества и многие другие преступления, совершенные с помощью интернет-технологий, причиняют значительный вред гражданам, обществу и государству, отражаются на уровне стабильности работы цифровых систем, обеспечивают рост преступных доходов криминала, что позволяет ему повышать техническую оснащенность, вовлекать все большее количество людей в совершение преступлений, расширять коррупционные возможности. Следует отметить, что на цифровизацию общественной жизни и рост масштабов компьютерных преступлений значительно повлияла пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. В свою очередь изменения в сфере социальной мобильности и потребления привели к развитию дистанционных способов торговли и услуг, предпринимательства и расчетов, вследствие чего увеличилось количество интернет-магазинов, стала востребованной удаленная работа и пр.

Полагаем, что большей опасности подвержена информация, выступающая определенной ценностью для физических лиц, каких-либо организаций и государства, поэтому непосредственно она становится объектом хищений, совершенных с использованием интернет-технологий. В наше время трудно представить какое-либо учреждение, предприятие, организацию, не использующие в своей деятельности такие технологии. Так или иначе они помогают в работе, совершенствовании и росте любой современной организации, а компьютерные и телекоммуникационные технологии являются неотъемлемой частью сегодняшней жизни. Поэтому необходимо понимать, что они собой представляют и какую угрозу несут. Подчеркнем, что компьютерные или информационные технологии – это обобщенное название технологий, отвечающих за хранение, передачу, обработку, защиту и воспроизведение информации с использованием компьютеров. Под телекоммуникационными технологиями необходимо понимать интернет, телефонную, спутниковую и радиосвязь.

В «традиционных» преступлениях современные виды компьютерных программ или программно-технические средства используются в качестве средства или орудия совершения преступления. Так, с исполь-

зованием компьютерных и телекоммуникационных технологий совершаются не только преступления в сфере компьютерной информации, перечисленные в гл. 28 УК РФ. Признак «в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")» встречается в следующих статьях:

п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства»;

п. «д» ч. 2 ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»;

ч. 2 ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»;

п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»;

п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")»;

п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»;

ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»;

ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»;

ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность»;

ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей».

Таким образом, перечень преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, очень велик и разнороден, каждый день преступники придумывают всё новые способы совершения преступлений в интернете. В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информационно-телекоммуникационной сетью понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Очень распространены сегодня мошеннические действия, когда злоумышленник через взломанный им профиль социальной сети отправляет от имени его владельца сообщения с просьбой о переводе денежных средств на определенную банковскую карту. Преступник досконально изучает взломанную страницу и использует доверие наиболее близких лиц жертвы. Так, например, в отдел полиции обратилась женщина, которая перевела денежные средства в размере 10 000 рублей на счет неизвестного лица, предполагая, что переводит деньги товарищу ее сына, который проживает в другом городе. Сюда же можно отнести мошенничество на онлайн-площадках, таких как «Avito», «Юла» и т. д.

Также распространенными являются кражи с банковского счета. Типичным примером может служить

ситуация, когда потерпевший забывает свою банковскую карту с функцией бесконтактной оплаты в банкомате, после чего обнаруживает списание денежных средств, видя смс-сообщения мобильного банка, приходящие ему на телефон¹. Либо просто теряет банковскую карту, которой в последующем пользуется злоумышленник, расплачиваясь в продуктовых магазинах на небольшую сумму, позволяющую оплатить товар, не вводя пин-код, причиняя тем самым значительный ущерб гражданину, не подозревающему о пропаже, до того момента, пока карта не будет заблокирована².

Для неправомерного оборота средств платежей также используются компьютерные и телекоммуникационные технологии. Так, А. Ю. Медведев изготовил и хранил подложные платежные карты в целях дальнейшего использования. Он приобрел техническое устройство «Инкодер», с помощью которого считывал и записывал данные на магнитные полосы пластиковых платежных карт систем Master Card, VISA, American Express в количестве 348 штук. В результате чего данные, указанные на картах, не совпадали с записанными на магнитные полосы, что было квалифицировано органами предварительного расследования по ст. 272 УК РФ³.

Анализируя преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, в частности в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что ненасильственные преступления, совершенные виртуально без непосредственного физического контакта, постепенно вытесняют насильственные. Множество приговоров существует по развратным действиям с использованием сети «Интернет» [1, с. 166]. Так, «мужчина, познакомившись посредством социальной сети "Одноклассники" с ребенком женского пола, не достигшим 16-летнего возраста, стал демонстрировать фотографии обнаженных мужских половых органов, сопровождая их текстовыми сообщениями с предложениями о совершении действий сексуального характера за денежное вознаграждение»⁴. В зависимости от возраста потерпевшей такие действия могут быть квалифицированы не только по ст. 135 УК РФ, но и по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, так как лица, не достигшие двенадцати лет, считаются находящимися в беспомощном состоянии. Особую опасность приобретают такие интернет-знакомства, когда злоумышленник выбирает жертву, проживающую поблизости с ним, в одном населенном пункте, что указывает на его умысел совершить более тяжкое преступление.

¹ Приговор Шатурского городского суда № 1-322/2021 от 29 ноября 2021 г. по делу № 1-322/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.01.2024).

² Приговор Ясненского районного суда Оренбургской № 1|1|-114/2021 от 26 ноября 2021 г. по делу № 1|1|-114/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.02.2024).

³ Приговор Тушинского районного суда города Москвы от 20 ноября 2017 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.01.2024).

⁴ Приговор Наро-Фоминского городского суда от 18 мая 2016 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2024).

Посредством компьютерных и телекоммуникационных технологий происходит распространение материалов экстремистского характера. Члены подобных организаций, большая часть которых находится за пределами российского правового поля, используя в основном социальные сети, осуществляют свою пропагандистскую работу, вербовку и дальнейшее обучение, в целом дистанционно координируют в интернете свою противоправную деятельность. По различным данным в настоящее время в мире действуют около 5 тыс. интернет-сайтов, содержащих экстремистский (террористический) контент [2]. Помимо этого известен такой социальный феномен, как «группы смерти», создаваемые с целью психологического воздействия и склонения подростков к суицидам путем выполнения опасных для жизни и здоровья заданий, выдаваемых кураторами своим «подопечным». Это сегодня остается острой проблемой, о чем свидетельствует недавняя трагедия в Липецкой области, где произошла серия самоубийств подростков в возрасте от 14 до 16 лет, один из которых оставил в предсмертном видео некоторую информацию о причастности к данным группам [3, с. 6].

Компьютерные и телекоммуникационные технологии также активно используются для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков бесконтактным способом. У сбытчика и потребителя нет личного контакта. Здесь создана целая система: посредством размещенных в социальных сетях и мессенджерах объявлений находится клиент, с ним связываются так называемые операторы, в дальнейшем ему предоставляется ссылка на конкретный «магазин», где он выбирает наркотик и производит оплату (чаще всего криптовалютой), после чего сбытчики отправляют ему фотографию и координаты места закладки с наркотическим веществом [4, с. 84]. Статья, предусматривающая ответственность за сбыт наркотических веществ, имеет соответствующий квалифицирующий признак – сбыт, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, сюда же традиционно включается сеть «Интернет» [5, с. 101]. Однако существует практика: суды кассационной инстанции исключают из приговора данный признак, указывая, что лицо должно непосредственно выполнить объективную сторону состава преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Так, был изменен приговор Советского районного суда г. Тамбова по обвинению М. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, которому было смягчено наказание с указанием на то, что «не было приведено доказательств использования М. сети "Интернет" или осведомленности о ее использовании»⁵.

Таким образом, сегодня значительная часть самых обычных преступлений совершается с использованием

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2021 г. 77-1816/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.06.2021).

ем компьютерных и телекоммуникационных технологий, которые в свою очередь являются способом либо орудием совершения таких преступлений.

Отдельно следует рассматривать преступления в сфере компьютерной информации, которым посвящена гл. 28 УК РФ. Они в большинстве своем имеют латентный характер. В территориальные органы внутренних дел с заявлением о совершении таких преступлений обращаются «представители компании в случае несанкционированного доступа к информации, особенно, когда этот доступ был сопряжен с хищением денежных средств или нематериальных активов, банки, граждане, которые в результате действий злоумышленников потеряли большие суммы денег. В случае же, когда сумма хищений не превышает 5–10 тыс. руб., большинство пострадавших не заявляют о совершенном преступлении» [6].

Наиболее часто из указанной главы УК РФ сотрудники органов внутренних дел регистрируют неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) – 1194 случая за первый квартал 2023 г. Следующее по распространенности деяние – создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) – 62 случая за тот же период. Однако ни одного преступного деяния по ст. 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей) и ст. 274.1 УК РФ (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации) органами внутренних дел в 2023 г. зарегистрировано не было¹.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что в сфере компьютерной информации выявляются однотипные преступления. В связи с чем сложилось определенное общественное мнение, согласно которому акценты борьбы с точки зрения правоохранительных органов расставлены неверно: «ловят» студентов, устанавливающих за деньги нелегальное программное обеспечение, но незамеченными остаются серьезные посягательства организованных групп, крупных криминальных структур, которые готовы из корыстных побуждений распространить персональные данные граждан, поставить под угрозу безопасность транспорта, функционирование авиа-, железнодорожного узла и т. д.

Разбираясь в вопросе, что может относиться непосредственно к причинам совершения преступления: психофизиологические особенности личности, среда или внешние обстоятельства, следует учитывать, что сами по себе обстоятельства, в которых находится человек, не порождают совершения того или иного преступления, так же и люди, находящиеся в одной среде примерно в схожих обстоятельствах, не все идут совершать преступления. Поэтому можно сказать, что среда и внешние обстоятельства, в которых находятся люди, будь то политические, социально-

экономические, идеологические и другие, лишь обуславливают процесс совершения преступлений и являются соответственно условиями. И только личные особенности, качества, установки, религиозные, мировоззренческие и другие ценности и, главное, волеизъявление каждого человека непосредственно связаны с совершением противоправных деяний, они их порождают, тем самым являясь причиной конкретного преступления, а значит и преступности в целом.

К основным причинам преступности относятся низкий уровень сознания, в том числе правосознания граждан, их нравственная деградация и бездуховность, жажда наживы, алкоголизм и наркомания, а также другие пороки человека, что влечет за собой разложение нравственности, утрату жизненных ориентиров, часто потерю смысла жизни.

К детерминантам некоторые авторы относят низкий уровень социального и информационного развития общества в нашей стране, а также рост числа ЭВМ и значительное увеличение объемов информации, хранимой на них, недостаточная их защищенность, использование иностранного программно-технического обеспечения, операционных систем и других технических компонентов, возможность действовать в сети анонимно, небрежность пользователей компьютеров. Руководители компаний и учреждений пренебрегают защитой информации, недооценивая все возможные риски, несерьезно подходят к выбору программного обеспечения, которое само по себе также бывает недостаточно защищено и уязвимо, используют нелегальное программное обеспечение. Так, согласно приговору Свердловского областного суда, Н. А. Семенова, являясь директором ООО «Горизонт», для того, чтобы не приобретать дорогостоящие лицензионные программные продукты ООО «1С», допустила незаконное использование на персональных электронно-вычислительных машинах сотрудников данной организации нелегального программного обеспечения, а именно: «1С: Предприятие 7.7 для SQL. Комплексная поставка релиз 7.70.026», «1С: Предприятие 7.7 Однопользовательская версия, Комплексная поставка релиз 7.70.027», «1С: Предприятие 7.7 Управление распределенными информационными базами», тем самым она незаконно использовала объект авторского права и причинила своими действиями ООО «1С» ущерб в размере 196 000 рублей². Важно, что в рассмотренном примере руководитель сознательно допустил правонарушение, несмотря на врученное ей обязательное представление. Существуют известные примеры, когда даже директора школ допускают подобные правонарушения.

Нельзя назвать неочевидную, но имеющую место детерминанту компьютерной преступности – активное использование и широкое распространение доступа к информационным технологиям. Особенно массовый характер приобрело данное явление в

¹ ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 05.02.2024).

² Приговор Свердловского областного суда № 22-1639/2020 от 13 марта 2020 г. по делу № 1-248/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

свете событий, связанных с пандемией, начавшейся в 2020 г., которая оставила отпечаток на всей последующей жизни страны. Так, по словам руководителя следственного департамента МВД России С. Н. Лебедева «рост киберпреступлений на территории России связан, в том числе с распространением пандемии коронавирусной инфекции»¹. В связи со строгими карантинными мерами, из-за невозможности лично посетить торговые точки, образовательные учреждения и государственные организации гражданам Российской Федерации пришлось намного чаще прибегать к различного рода онлайн-сервисам, интернет-торговле. Многие сферы общественных отношений, товарный и денежный обороты перешли в интернет-пространство. Всем пришлось внедрить в свою жизнь информационные технологии: дети школьного возраста и студенты освоили новые методы дистанционного обучения; взрослые и даже пожилые люди научились пользоваться различными онлайн-площадками, в том числе для получения государственных услуг, для покупки квартир, оформления кредитов и т. п. Таким образом, люди стали чаще пользоваться глобальной сетью, скачивать больше программ, практически постоянно находиться в сети и оставлять персональные данные, данные банковских карт и реквизиты документов на различных сайтах. В дальнейшем цифровые привычки, выработанные за период некоторых ограничений при пандемии, сохранились и преумножились.

Особенно распространенным на фоне пандемии стало мошенничество в сфере компьютерных технологий. Причем каждое второе из них основано на методах социальной инженерии, когда преступники применяют приемы, вызывающие у людей доверие и позволяющие им получить от самих потерпевших конфиденциальную информацию, необходимую для хищения денежных средств с банковских карт. Фишинг на сегодняшний день остается самой популярной схемой социальной инженерии. Так, была обнаружена и раскрыта новая схема мошенничества с помощью портала «Госуслуги». После того как В. В. Путиным было объявлено о разовых выплатах на детей появилось много поддельных сайтов «Госуслуг» с проверками на выдачу данных пособий, где собирали персональные данные пользователей и вынуждали их платить несуществующие штрафы и комиссии. Мошенники использовали фишинговые сайты, практически идентичные по внешнему виду настоящим, которые иногда даже предоставляли реальные услуги. Такие сайты неподготовленному пользователю самостоятельно выявить очень сложно.

Таким образом, можно отметить, что основным условием совершения преступлений в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий является техническая неграмотность пользователей, их невнимательность и доверчивость. Особенно это касается пожилых лиц как самой социально незащищенной категории.

Отдельно следует отметить, что техническая неграмотность свойственна не только простому пользователю, но также и самим органам, осуществляющим предварительное расследование. Несмотря на то, что сотрудники органов внутренних дел систематически направляют на повышение квалификации, все же подавляющее большинство из них недостаточно подготовлены к таким нетипичным составам преступлений, не могут верно квалифицировать их, не владеют навыками работы с техникой, так как у них отсутствуют необходимые специальные знания. Особенно нехватка высококвалифицированных сотрудников полиции ощущается в районных органах внутренних дел. Все это отягчается неустоявшейся следственной, судебной и прокурорской практикой, отсутствием методических рекомендаций и недостаточным количеством научных трудов, посвященных квалификации преступлений данной категории, а также проблемам их раскрытия и расследования.

Библиографический список

1. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Проблемные аспекты расследования преступлений, связанных с распространением детской порнографии в сети «Интернет» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 166–173.
2. Виноградова О. П. Информационная безопасность как элемент механизма государственной политики в сфере противодействия экстремизму: проблемы правового регулирования / под общ. ред. Н. В. Николаевой // В сборнике: Роль информационно-коммуникационных технологий в сфере гуманитарного образования: сборник материалов Всероссийской науч.-практ. конференции. М., 2023. С. 73–78.
3. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Роль комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в профилактике суицидов среди несовершеннолетних // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 2. С. 4–6.
4. Торговченков В. И., Иванов С. А. Особенности предупреждения бесконтактных способов сбыта наркотических веществ в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 84–88.
5. Виноградова О. П. Специфика механизма слепообразования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2 (63). С. 100–105.
6. Куценко Н. С., Черкова А. А. Проблемы пресечения объектов преступных посягательств на интеллектуальную собственность и преступлений в сфере компьютерной информации. Курск, 2020. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 05.02.2024).

References

1. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Problematic aspects of the investigation of crimes related to the distribution of child pornography on the Internet // Scientific Bulletin

¹ Информационное агентство России «ТАСС». URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. No. 4 (93). Pp. 166–173.

2. Vinogradova O. P. Information security as an element of the mechanism of state policy in the field of countering extremism: problems of legal regulation / ed. by N. V. Nikolaeva // In the collection: The role of information and communication technologies in the field of humanitarian education: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. M., 2023. Pp. 73–78.

3. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. The role of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in the prevention of suicide among minors // Law enforcement agencies: theory and practice. 2018. No. 2. Pp. 4–6.

4. Torgovchenkov V. I., Ivanov S. A. Features of preventing contactless methods of selling narcotic substances in the Russian Federation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 12. Pp. 84–88.

5. Vinogradova O. P. The specifics of the mechanism of trace formation in the investigation of crimes in the field of computer information // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (63). Pp. 100–105.

6. Kutsenko N. S., Cherkova A. A. Problems of suppression of objects of criminal encroachments on intellectual property and crimes in the field of computer information. Kursk, 2020. URL: <https://elibrary.ru> (date of access: 02/05/2024).

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

Способы совершения и сокрытия хищений как элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьёй 164 Уголовного кодекса Российской Федерации

Плахтий Елена Владимировна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства
и государственной службы), Екатеринбург, Россия, plakhtii@mail.ru

Аннотация. Преступления, посягающие на объекты культурного наследия и предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную и культурную ценность, представляют повышенную общественную опасность, так как, посягая на духовное наследие народов Российской Федерации, зачастую наносят невосполнимый ущерб интересам государства, общества и частных лиц. В результате этих преступлений исчезают уникальные произведения искусства и культурные ценности, исторические и иные памятники, что влечет не только колоссальный материальный, но и моральный вред, поскольку, являясь высшими проявлениями мировой материальной и духовной культуры, они концентрируют в себе многовековой опыт человечества. Культурные ценности помогают воспитывать гармонично развитого гражданина, готового пополнить копилку мировой культуры, помогают формировать мировоззрение гражданина, способного защищать достижения своей Родины. Поэтому любое государство, в том числе и Российская Федерация, имеет перед будущими поколениями моральные обязательства, возникающие в сфере сохранения и приумножения культурных ценностей материального характера, в отношении как собственного культурного достояния, так и культурного достояния других народов и наций.

Ключевые слова: преступление, культурные ценности, особая ценность, расследование, следственные действия, экспертиза, способ

Для цитирования: Плахтий Е. В. Способы совершения и сокрытия хищений как элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьёй 164 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 93–98.

Original article

Methods of committing and concealing embezzlement as an element of the criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation

Plakhtiy Elena V.

Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Russian Academy of National Economy and Public Administration) Yekaterinburg, Russia, plakhtii@mail.ru

Abstract. Crimes encroaching on objects of cultural heritage and objects of special historical, scientific, artistic and cultural value pose an increased public danger, since, encroaching on the spiritual heritage of the peoples of the Russian Federation, they often cause irreparable damage to the interests of the state, society and individuals. As a result of these crimes, unique works of art and cultural values, historical and other monuments disappear, the loss of which entails not only colossal material, but also moral harm, since, being the highest manifestations of world material and spiritual culture, they concentrate the centuries-old experience of mankind. Cultural values help to educate a harmoniously developed citizen, ready to replenish the treasury of world culture, help to form the worldview of a citizen capable of defending the achievements of his homeland. Therefore, any state, including the Russian Federation, has moral obligations to future generations arising in the field of preserving and enhancing

cultural values of a material nature, in relation to both its own cultural property and the cultural property of other peoples and nations.

Keywords: crime, cultural values, special value, investigation, investigative actions, expertise, method

For citation: Plakhtiy E. V. Methods of committing and concealing embezzlement as an element of the criminalistic characteristics of crimes provided for in Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 93–98.

Одной из ключевых проблем современного российского общества продолжает оставаться достаточно высокий уровень преступности, борьба с ней осложняется повышающимся уровнем профессионализма преступников и появляющимися новыми способами совершения преступлений. Общественная опасность хищений предметов, имеющих особую культурную, научную, историческую и художественную ценность, заключается в том, что результатом совершения таких преступлений является лишение общества культурного наследия своей страны.

Проблемам раскрытия и расследования данного вида преступлений посвящено достаточное количество работ ученых-криминалистов, однако в большинстве своем они затрагивают отдельные проблемные аспекты расследования. Несмотря на то, что появляются новые способы хищения культурных ценностей, современные методики расследования преступлений данного вида отсутствуют.

По поводу того, что представляет собой криминалистическая характеристика и из каких элементов она состоит, существуют разные мнения. Наиболее логичным и необходимым нам представляется включение в данную характеристику таких элементов, как предмет преступного посягательства, обстановка (время, место и обстоятельства) и способ совершения преступления (способы подготовки, совершения и сокрытия следов), типичная личность потерпевшего и преступника. Указанные структурные элементы характерны для любого преступления, в том числе и для предусмотренного ст. 164 УК РФ.

Следует отметить, что состав данного деяния выделен законодателем по признакам предмета, которыми могут быть вещи, обладающие рядом определенных признаков:

- особая историческая, научная, художественная либо культурная ценность;
- физические, движимые вещи, незаконное изъятие которых причиняет реальный ущерб собственнику [1].

Представляется, что следует выделить еще один признак предмета преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, который объединяет в себе два вышеуказанных – это причинение ущерба истории, науке, культуре путем изъятия ценностей из указанных сфер.

Ценность предмета посягательства, предусмотренного ст. 164 УК РФ, должна быть определена на основании заключения эксперта, при этом главным является вопрос не о его материальной стоимости, а о его значимости для истории, науки, культуры [2, с. 67]. Ведя речь об установлении факта отнесения того

или иного произведения к предмету рассматриваемого нами преступления, необходимо отметить, что следователями допускаются при этом недочеты, а порой и грубые ошибки. Так, в ряде случаев они ограничиваются лишь производством товароведческой судебной экспертизы, которая фактически проводит только стоимостную оценку, не учитывая особую культурную или историческую ценность, ориентируясь лишь на рыночную стоимость изделия [3, с. 90]. Это влечет неизбежные ошибки, когда фактически совершено преступление, предусмотренное ст. 164 УК РФ, а квалифицируется оно как обычное хищение.

Предмет рассматриваемого преступления имеет уникальность (особую ценность) и обладает определенной индивидуальностью [4, с. 123]. Так, к предметам, ответственность за хищение которых наступает по ст. 164 УК РФ, относятся картины, иконы, произведения декоративного прикладного искусства, художественные композиции, скелеты доисторических животных, старинные предметы сервировки стола, украшения и т. д. Привести исчерпывающий перечень таких предметов и документов невозможно. Среди наиболее распространенных предметов преступного посягательства, регулируемого ст. 164 УК РФ, можно выделить церковную утварь, иконы, предметы религиозного культа, а также ордена и медали [5, с. 118].

Предметом хищения, предусмотренного ст. 164 УК РФ, могут являться предметы и документы, отвечающие требованиям, предъявляемым их криминалистической характеристикой [6, с. 96].

Можно выделить следующие признаки предметов, имеющих особую ценность:

- уникальность (предмет, относящийся к категории особо ценных, может быть единственным и неповторимым в своем роде либо очень редким в силу изготовления его в индивидуальном порядке или особым ручным способом);
- старина (установлен факт изготовления предмета в прошлую эпоху и связь с тем, что на современном этапе он является редкостью);
- общественная, государственная значимость (предмет является ценным не только для его автора или собственника, но и для государства и общества в целом);
- потребительская стоимость (предмет в культурном, художественном, научном плане должен иметь высокую стоимость и высокий спрос);
- культурная ценность.

В качестве примера хищения предметов, имеющих особую художественную, научную, культурную и историческую ценность, можно привести следующую

щий: судом установлено, что «К., Г., П., Б. совершили хищение предмета, представляющего собой особую художественную, историческую и культурную ценность, а именно коллажа «Зохна и Женихи» работы И. Зданевича, находившегося в книге «Софии Георгиевны Мельниковой: Фантастический Кабачок» 1919 г. издания; хищение предмета, представляющего собой особую художественную, историческую и культурную ценность, а именно статьи Н. Лобачевского «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных»; предмета, представляющего собой особую художественную, историческую и культурную ценность, а именно книгу авторства Мандельштама О. «Два трамвая» 1925 г. издания, книгу авторства Мандельштама О. «Кухня» 1926 г. издания, книгу авторства Мандельштама О. «Примус» 1925 г. издания, книгу авторства Мандельштама О. «Шары» 1926 г. издания, книгу авторства Пастернака Б. «Карусель» 1926 г. издания с иллюстрациями Г. и О. Чихачовых, книгу авторства Замойского П. «Озорная птица и другие рассказы» 1929 г. издания, книгу авторства Насимович А. «Мороз» 1929 г. издания, книгу авторства Смирнова Н.Г. «Для чего Красная армия» 1927 г. издания, книгу авторства Смирнова Н.Г. «Егор-монтер» 1928 г. издания, книгу авторства Смирнова Н.Г. «Каждый делает свое дело» 1927 г. издания, книгу авторства Смирнова Н.Г. «Откуда посуда» 1924 г. издания, книгу авторства Смирнова Н.Г. «Почему не было баранок» 1926 г. издания, книгу авторства Смирнова Н.Г. «Что из чего» 1927 г. издания; предмета, представляющего собой особую художественную, историческую и культурную ценность, а именно книгу «Заумная Гнига» 1916 г. издания»¹. Данный пример доказывает, что предметы хищения могут быть разные, но должны отвечать лишь одному условию – обладать ценностью в научном, художественном, историческом и культурном плане.

Таким образом, предметом преступного посягательства при совершении преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, являются вещи, имеющие особую художественную, историческую, культурную и научную ценность, которая в подавляющем большинстве случаев определяется путем производства экспертизы [7, с. 145].

Наравне с предметом преступного посягательства в криминалистическую характеристику преступлений данного вида также входит и обстановка совершенного преступления, включающая в себя место и время его совершения. Только учет всех криминалистически важных признаков данного преступления позволит определить типичные следственные ситуации по уголовным делам и приведет к успешному раскрытию и расследованию.

Способ совершения преступления является одним из важнейших структурных элементов в структуре криминалистической характеристики, он включает в себя несколько составных частей: способ подготовки

к совершению преступления; способ непосредственного совершения преступления; способ сокрытия преступления.

Способ подготовки к совершению преступления зависит от того, откуда именно планируется хищение предметов, имеющих особую ценность, а также от того, каким именно образом и в каком составе. Прежде всего, это поиск орудий и средств совершения преступления, которыми могут выступать как орудия взлома, так и орудия, с помощью которых предмет можно извлечь из определенного места, снаряжение, при помощи которого можно подняться по зданию либо спуститься с него, отмычки и подобранные ключи, средства для упаковки и перевозки похищенного [8, с. 108]. Сюда же следует отнести приискание и подготовку автотранспорта, на котором преступники могут прибыть к месту преступления, а впоследствии перевозить похищенное. Кроме того, наличие автомобиля обеспечивает оперативность, мобильность и, соответственно, дает возможность как можно скорее скрыться с места совершения преступления или от сотрудников полиции.

Если в процессе хищения планируется нападение, могут быть приисканы и подготовлены соответствующие маски, фальшивые номера на автомобиль, оружие. В стадию подготовки к совершению преступления следует включить и приискание соучастников, и приобщение их к преступному плану. На данном этапе происходит планирование преступной деятельности и распределение ролей между соучастниками. Так, если хищение особо ценных предметов планируется совершить группой в ночное время из церкви или храма, то в стадии подготовки совершения преступления определяется, кто именно будет проникать в церковь и каким образом, кто и в каких именно местах будет наблюдать за окружающей обстановкой, какими будут сигналы о появлении опасности. С целью более успешного совершения преступления изначально планируются каналы сбыта имущества, имеющего особую ценность, поскольку количество совершаемых хищений таких предметов в личных целях ничтожно мало. В основном, они либо заранее заказываются коллекционерами и иными «ценителями», либо выбираются конкретные объекты хищения, а уже на них ищется покупатель.

Поскольку УК РФ прямо говорит о том, что способ хищения имущества для целей ст. 164 не имеет никакого значения, то, соответственно, данное преступление может быть совершено одним из возможных способов. В качестве примера тайного хищения предметов, имеющих особую ценность, можно привести следующий: К. и Г. группой лиц, имея умысел на хищение предметов, обладающих особой исторической, научной, художественной и культурной ценностью, вступили между собой в преступный сговор, во исполнение которого, находясь в помещении читального зала библиотеки, получили по заранее оформленному на имя К. читательскому билету книгу «Софии Георгиевны Мельниковой: Фантастический кабачок» 1919 г. издания. Согласно распределению ролей Г.,

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 19 мая 2016 г. по делу № 1–39/2016 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2016 г.

во время как К. прикрывал его собой с целью сокрытия преступных действий от сотрудников и посетителей библиотеки, вырвал из данной книги коллаж «Зохна и Женихи» работы Ильи Зданевича 1919 г. набора стоимостью ... рублей, являющийся особой исторической, культурной и художественной ценностью. В продолжение преступного умысла Г. убрал похищенный коллаж во внутренний карман надетой на нем куртки, а К. вернул сотрудникам библиотеки данную книгу, после чего оба покинули здание библиотеки. При этом, Б., оказывая пособничество К. и Г. в совершении указанных выше действий, заранее обещая приобрести предметы, добытые преступным путем, в неустановленное время на территории ... за денежное вознаграждение в сумме ... долларов США получил от Г. коллаж «Зохна и Женихи» работы И. Зданевича 1919 г. набора, похищенный ранее из библиотеки¹.

Как видно из данного примера, тайное хищение (хотя способ хищения как тайный или явный в приговоре не обозначен) было совершено К. и Г. практически в присутствии посторонних лиц в часы работы библиотеки, но при этом незаметно. Если же говорить о способе подготовки, то видно, что указанные лица заранее распределили роли, подыскивали лицо, которому будет сбыто похищенное, оформили читательский билет на имя К. Данными лицами применялись и другие способы хищения особо ценных предметов. Так, Г. с корыстной целью совместного извлечения материальной выгоды разработал план преступных действий, направленных на тайное хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную и культурную ценность, в соответствии с которым К. и П. должны были похитить из библиотеки неоговоренное заранее число детских книг 1900–1930 гг. издания. Именно их Г. должен был передать Б., за заранее не оговоренное денежное вознаграждение. В дальнейшем во исполнение единого преступного умысла, направленного на хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную и культурную ценность, принадлежащих РГПУ им. А. И. Герцена, П. совместно с К. группой лиц по предварительному сговору и по указанию Г. приехали на автомашине к дому, где К. остался ждать в автомашине, следя за обстановкой, чтобы в случае возникновения опасности предупредить об этом П., который, зайдя в отдел детской литературы Фундаментальной библиотеки, получил от работника библиотеки В.А.Н. книги. После чего, дождавшись, когда последняя покинула помещение библиотеки и ушла на обед, воспользовавшись ее отсутствием, положил в находившуюся при нем же папку для бумаг 13 книг, представляющих особую художественную, историческую и культурную ценность и принадлежащих к предметам искусства, и покинул здание библиотеки.

Как видно из приведенного примера, способ хищения в данном случае имеет сходство с предыду-

щим, но имеет и отличия. Указанные примеры свидетельствуют о тщательной подготовке к хищению предметов, имеющих особую культурную, художественную, историческую и научную ценность.

Говоря о способах хищения, следует отметить неоднозначность взглядов на данную проблему в теории криминалистики. Так, в научной литературе спорным является вопрос, может ли данное деяние быть совершено путем присвоения или растраты. Анализ показывает, что большинство ученых указанный вид хищения в качестве способа завладения предметами, имеющими особую ценность, не рассматривают. По мнению А. Б. Борисова, представляется справедливым, что совершение хищения таких предметов лицом, которому они вверены на хранение, должно квалифицироваться именно по ст. 164 УК РФ [9, с. 241]. Данная позиция может быть обоснована тем, что законодатель, указав хищение как общий способ совершения данных преступлений, не сделал исключения для присвоения или растраты.

Более сложным является вопрос о таких способах завладения предметами, имеющими особую культурную, художественную либо научную ценность, как вымогательство и самоуправство. В настоящее время, как следует из норм уголовного законодательства, указанные способы, не могут быть квалифицированы по ст. 164 УК РФ, поскольку не являются хищениями. Соответственно, вымогательство предметов, имеющих особую культурную, научную, художественную ценность, квалифицируется по ст. 163 УК РФ, а самоуправство, в результате которого лицо завладевает указанными предметами, – по ст. 330 УК РФ. Такой подход законодателя представляется неверным, так как раз тактика выделения отдельного вида преступления была избрана в зависимости не от его предмета, а от способа, то любое преступное завладение такими предметами должно квалифицироваться по одной статье. Необходимость включения в норму ст. 164 УК РФ такого способа завладения предметами, имеющими особую ценность, как вымогательство, обоснована С. А. Придановым в 1997 г. [10, с. 108], однако законодателем до настоящего времени данная инициатива не воспринята, что представляется неверным.

Вопрос о признании самоуправства способом завладения имуществом, имеющим особую ценность, в научной литературе не рассматривался, однако это представляется упущением. В следственной и судебной практике вполне допустима ситуация, когда лицо, нарушая установленный законодательством порядок получения долга, самовольно завладевает имуществом, имеющим особую культурную, научную, художественную либо историческую ценность, аналогичной может быть и ситуация, когда лицо, завладевая указанными предметами, полагает, что имеет на них право и просто намеревается вернуть их себе [11, с. 35].

Кроме того, говоря о несовершенстве нормы, регулирующей хищение предметов, имеющих особую ценность, нельзя не отметить, что отсутствие диф-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 19 мая 2016 г. по делу № 1–39/2016 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2016 г.

ференцированного подхода в зависимости от способа совершения рассматриваемого вида деяний к привлечению к ответственности представляется неверным. По мнению законодателя, нет никакой разницы, была ли совершена кража или открытое хищение имущества (даже разбой). В связи с этим видится необходимым разделение ст. 164 УК РФ части: целесообразно оставить в ч. 1 как способ хищения либо тайное хищение чужого имущества, либо мошенничество, либо присвоение (растрату), либо самоуправство, а совершение такого преступления путем грабежа, разбоя или вымогательства предусмотреть в качестве квалифицированного состава преступления, устанавливающего более суровую ответственность. Представляется, что ограничение способа незаконного завладения такого рода предметами лишь хищением нецелесообразно.

К числу наиболее эффективных комплексных методов и средств познания причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступления, необходимо отнести требующие дальнейшего совершенствования в техническом и методическом плане как общие методы криминалистики (наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент, моделирование и др.), так и специальные методы (техничко-криминалистические, физические и химические, социологические, статистические и другие организационно-управленческие; технико-криминалистические средства предотвращения преступлений и защиты отдельных объектов от преступных посягательств, создание благоприятных условий для получения доказательственной информации) [12, с. 16].

С точки зрения исторической преемственности, самостоятельная криминализация предметов и документов, имеющих особую ценность, вполне обоснована наличием у Российской Федерации двусторонних и многосторонних международных обязательств. Важно добиться того, чтобы все необходимые следственные действия для раскрытия каждого случая хищения данных предметов применялись своевременно и в полном объеме [13, с. 107]. Соответствующие ценности принадлежат всему человечеству, являются мировым достоянием, в связи с чем такие посягательства признаются преступлениями международного характера.

Библиографический список

1. Герасимова Е. В. Культурные ценности как предмет хищения: учебное пособие. Саратов, 2018.
2. Новоселов Н. Г., Моисеев Н. А. Использование специальных знаний при расследовании хищений предметов, имеющих культурную ценность // Сборник научных трудов Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. Белгород, 2016. 67 с.
3. Виноградова О. П. Историко-культурная и культурологическая экспертизы: особенности назначения и проведения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 90–92.

4. Диканов К. Борьба с культурными посягательствами на культурные ценности: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М., 2008. 123 с.

5. Филаненко А. Ю. Хищение предметов, имеющих особую ценность // Право и государство: теория и практика. 2011. № 11. 118 с.

6. Хиллута В. В. «Стоимостный» признак предмета хищения чужого имущества: проблемы толкования и правоприменения // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2. 96 с.

7. Виноградова О. П. Информационное значение экспертиз при расследовании хищений антиквариата // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 145–147.

8. Глазков К. А. Криминологическая характеристика и основы предупреждения хищений культурных ценностей // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4 (33). 108 с.

9. Борисов А. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Книжный мир, 2015. 241 с.

10. Приданов С. А. Расследование преступлений, посягающих на предметы или документы, имеющие историческую, научную, художественную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 108 с.

11. Виноградова О. П. Особенности тактики производства невербальных следственных действий при расследовании хищений предметов, имеющих особую ценность // В книге: Использование специальных знаний: теоретико-правовая парадигма и проблемы практической деятельности: материалы междунаро. науч.-практ. конференции. 2019. С. 35–42.

12. Резван А. П. Правовые и криминалистические проблемы борьбы с хищением предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 16–18.

13. Виноградова О. П. О положительном опыте правоохранительных органов зарубежных стран в сфере расследования хищений культурных ценностей // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 107–112.

References

1. Gerasimova E. V. Cultural values as an object of theft: a study guide. Saratov, 2018.
2. Novoselov N. G., Moiseev N. A. The use of special knowledge in the investigation of theft of objects of cultural value // Collection of scientific papers of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. Belgorod, 2016. 67 p.
3. Vinogradova O. P. Historical, cultural and cultural expertise: features of appointment and conduct // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2015. No. 15-1. Pp. 90–92.
4. Dikanov K. The fight against cultural encroachments on cultural values: criminal law and criminological aspects. M., 2008. 123 p.

5. Filanenko A. Yu. Theft of objects of special value // Law and the state: theory and practice. 2011. No. 11. 118 p.

6. Khilyuta V. V. «Value» attribute of the object of theft of other people's property: problems of interpretation and law enforcement // Library of criminalist. Scientific journal. 2015. No. 2. 96 p.

7. Vinogradova O. P. The informational value of expertise in the investigation of theft of antiques // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (38). Pp. 145–147.

8. Glazkov K. A. Criminological characteristics and fundamentals of preventing theft of cultural property // Library of criminalist. Scientific journal. 2017. No. 4 (33). 108 p.

9. Borisov A. B. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). M.: Book World, 2015. 241 p.

10. Pridanov S. A. Investigation of crimes encroaching on objects or documents of historical, scientific, artistic or cultural value: dis. ... cand. of law sciences. M., 1997. 108 p.

11. Vinogradova O. P. Features of the tactics of non-verbal investigative actions in the investigation of theft of objects of special value // In the book: The use of special knowledge: the theoretical and legal paradigm and problems of practical activity: materials of the international scientific and practical conference. 2019. Pp. 35–42.

12. Rezvan A. P. Legal and criminalistic problems of combating theft of objects of special value: abstract of the dis. ... dr. of law. Volgograd, 2000. Pp. 16–18.

13. Vinogradova O. P. On the positive experience of law enforcement agencies of foreign countries in the field of investigation of theft of cultural property // Law enforcement agencies: theory and practice. 2015. No. 1. Pp. 107–112.

Информация об авторе

Плахтий Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Plakhtiy Elena V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья

УДК 343.1

Этатизм современной концепции уголовно-правовой защиты экономики от преступлений

Власова Светлана Владимировна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Vlasovasvetla@yandex.ru

Аннотация. Этатизм лежит в основе господствующих в правоведении представлений о том, как государство посредством права регулирует общественные отношения. В уголовно-правовых науках, включая криминальную процессуалистику, этатизм навязывает мнение о том, что государство осуществляет уголовно-правовую защиту общественных отношений посредством применения уголовно-правовых норм. С этим связана точка зрения о вторичном значении уголовного процесса, который понимается как форма применения уголовно-правовых норм. Этатизм является одной из главных идеологией следственной доктрины уголовного процесса. Им проникнуты научные представления об устройстве и работе «уголовно-процессуального механизма». Этатизм – это одна из трех компонент догматики, которая мешает установиться новой концепции уголовно-правовой защиты экономики от преступлений экономической направленности. Эта концепция предполагает переход от государство-центричных порядков выдвижения обвинения и получения доказательств сторонами в уголовно-правовых спорах между субъектами предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, этатизм, гуманизм, уголовный процесс, уголовно-правовая защита, обвинение, доказывание

Для цитирования: Власова С. В. Этатизм современной концепции уголовно-правовой защиты экономики от преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 99–103.

Original article

Etatism of the modern concept of criminal legal protection of the economy from crime

Vlasova Svetlana V.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,

Vlasovasvetla@yandex.ru

Abstract. Statism underlies the prevailing ideas in legal science about how the state regulates social relations through law. In the criminal legal sciences, including criminal proceduralism, statism imposes the opinion that the state provides criminal legal protection of social relations through the application of criminal legal norms. Related to this is the point of view about the secondary significance of the criminal process, which is understood as a form of application of criminal law norms. Statism is one of the main ideologies of the investigative doctrine of criminal proceedings. He is imbued with scientific ideas about the structure and operation of the “criminal procedural mechanism”. Etatism is one of the three components of dogma that prevents the establishment of a new concept of criminal legal protection of the economy from crimes of an economic nature. This concept involves a transition from state-centric procedures for bringing charges and obtaining evidence by parties in criminal legal disputes between business entities.

Keywords: mechanism of legal regulation, statism, humanism, criminal process, criminal defense, accusation, proof

For citation: Vlasova S. V. Etatism of the modern concept of criminal legal protection of the economy from crime // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 99–103.

В основе классического правопонимания лежит представление о том, что объективное право есть произведение государства, которое посредством законодательных норм регулирует общественные отношения. Государство презюмируется творцом и применителем права и центром правовой системы и уголовно-процессуального механизма.

Государство управляет обществом, упорядочивает общественные отношения (в том числе, в сфере экономики) посредством закона (объективного права), то есть пользуется инструментом, внеположенным (посторонним) субъекту (человеку), но зато «родным» ему – государству. Получается, государство – регулятор всего спектра социальных связей, включая предпринимательскую и иную экономическую деятельность. А его органы, прежде всего следственные, являются главным выразителем его воли [1, с. 394].

Таким образом, этатизмом проникнута отечественная правовая идеология и культура. Им пронизаны теоретико-догматические представления о праве и механизме его действия, об уголовно-правовом воздействии на отношения в сфере экономики.

Этатизм – это аксиома о верховенстве государства в правовом мире, принимаемый без доказательств постулат о приоритете официального, публичного начала, внушаемое убеждение в том, что все правовое происходит от государства. Реализация объективного права также осуществляется им. Наиболее емко и отчетливо догмат этатизма выражается в такой формулировке: «Право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [2, с. 99].

С нашей точки зрения, этатизм – это преувеличенное, гипертрофированное представление о роли государства в современном правовом мире и, соответственно, в правовой организации защиты экономики от криминала.

Современные юристы-ученые, за редким исключением [3; 4; 5; 6], остаются приверженцами такого типа правопонимания, продолжают идею о том, что государство творит право в форме закона, право есть система правовых норм, государственные органы применяют закон и пр. [7, с. 138–139; 8, с. 15–16]. В их понимании правовое регулирование – процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов¹.

Юрпозитивистское представление о праве (публичном) как о «приказании» государства [9, с. 270] взаимосвязано с представлением о праве как о простой механической системе, начинающей действо-

вать под влиянием внешнего импульса (воли государства), характерно для классического правоведения с его механическим подходом. Отсюда проистекают многие другие этатистские объяснения права государства на наказание, участия государства в уголовно-правовом отношении, в применении уголовно-правовых норм, характера связи уголовного права с уголовным процессом и т. п.

Мы разделяем точку зрения В. М. Будилова об этатистски-позитивистском понимании правовой действительности как вызове современному правоведению, для которого более свойственны гуманизм, антропоцентризм [10, с. 309–312].

В. А. Бачинин пишет: «Огосударствление всех форм государственной жизни, пресечение любых центробежных тенденций, сверхцентрализация, повсеместное насаждение этатистских идей и ценностей создает предельную степень полицейско-бюрократической государственности в форме суперэтатизма. <...> Идеологической платформой подобной практики служат представления о возможности идеального порядка» [11].

Разумеется, никто не будет отрицать связь права и государства, права и власти. Но сводить все правовое к государственному нельзя. Это преодоление этатизма дается нашему правосознанию с трудом, ведь преувеличенное значение государства в правовых конструкциях было констатировано еще авторами Судебной реформы 1991 г.², но с тех пор в правовой культуре мало что изменилось.

Все правовое внеположено субъекту, которому оно адресовано государственной властью в виде текста закона. Такова этатистская аксиома нормативизма.

А. В. Поляков и Е. В. Тимошина указывают на исходные «этатические традиции отечественной теории права», наиболее ярко проявляющиеся в концепте «механизм правового регулирования». И это при том, что, как будет показано далее, указанный концепт является примером не самого яркого проявления этатизма. По мнению указанных выше авторов, этатизм подменяет проблему правогенеза проблемой политогенеза [12, с. 75, 274–281].

При этом даже в новейших философско-правовых построениях в области науки уголовного права исходная мысль состоит в том, что наказание имеет исходным началом государственную власть [13, с. 262–266]. Что уж тогда говорить о «традиционалистах», отвергающих любые перемены, которые утверждают: «Несмотря на смены коренных устоев уголовного

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org> // Правовое регулирование (дата обращения: 02.02.2024).

² Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

права исходить из того, что уголовное право призвано защищать основные блага и ценности современного общества, оно является надежным щитом в руках государства в деле легитимации режима законности существующей власти» [14, с. 74].

Этатизмом проникнуто господствующее в теории представление о правоприменении как правильном толковании и применении закона компетентными государственными органами – правоохранительными, под которыми понимаются суды, прокуратура, органы предварительного следствия и пр. Это замкнутая система, внутри которой происходит обмен информацией и принятие решений о применении закона (уголовного) [15, с. 11–14]. Посторонние элементы, например, в лице адвоката-защитника и тем более обвиняемого, если не отторгаются напрямую, то игнорируются [16, с. 300–301].

Итак, можно констатировать, что в современных построениях ученых продолжает доминировать представление, что «право применяется государством в качестве регулятора, средства воздействия на совокупность общественных отношений и поведения участников отношений. Этатизм состоит в абсолютизации значения государства во всех правовых средствах, входящих в структуру механизма правового регулирования.

Отраслевые теоретико-правовые построения наших коллег относительно механизма уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования [17, с. 31–42], применения уголовного и уголовно-процессуального права (закона) проникнуты этатистской идеологией [18, с. 28–32] как процессом реализации государственной воли. Как отмечает К. В. Муравьев, мы имеем дело с процессом реализации государственной воли, которая выражена в правовой форме [19, с. 14]. С. И. Вершинина указывает, что подобного рода (этатистский) подход к пониманию правового – уголовно-процессуального механизма (регулирования) находит применение и в современном уголовном процессе [20, с. 63].

Опираясь на представление об императивно-правовом методе правового регулирования, принцип публичности уголовного процесса выглядит так: орган, ведущий уголовное дело, посредством применения к участникам процесса уголовно-процессуального закона выстраивает систему уголовно-процессуальных отношений. Государственные правоохранительные органы (следственные, судебные, прокурорские), ведущие дело, посредством применения закона (права) достигают общую цель (решают задачи) правового воздействия (уголовного процесса). В таком механизме презюмируется знание (способность познания) правоприменителем (чиновником) объективного права, а также и способность правильно его применять.

В уголовно-процессуальной науке придумано много для того, чтобы оправдать этатизм. Это и учение об объективной истине, и учение о процессуальных функциях, включая функцию предварительного

расследования. Венцом рассуждений о праве и правоприменении в духе этатизма выступает учение о следственной власти.

Главные идеологемы вытекающей из сей следственной доктрины таковы: государство презюмируется как единое целое, нечто отделенное от общества, населения, бизнеса. Должностные лица государственных органов, включая судей, обязаны выполнять общую государственную правоохранительную функцию – защита общества, общественных отношений, экономики и пр. социально-экономических явлений от преступных посягательств.

Подобное единение исключает возможность реального разделения на законодательную, судебную и исполнительную власти в механизме правового регулирования (несмотря на декларации). Закон (уголовно-процессуальный) применяется государственными органами – следователем, прокурором и судом – для правильного решения вопроса о его применении: субъекты правоприменения в области уголовного права – это исключительно специализированные органы [21, с. 44–45; 22, с. 6, 11–12]. Кроме того, компетентные государственные органы (суды, органы предварительного следствия и пр.) и их должностные лица полномочны устанавливать факты (основания для правоотношений, решений, правоприменения). Они являются субъектами доказывания объективной истины, презюмируют способность правильно (всесторонне, полно и объективно) устанавливать основание для актов применения, включая привлечение к уголовной ответственности.

Только государственные органы (суды, органы предварительного следствия и пр.) обладают исключительной компетенцией на знание правильного смысла закона, подлежащего применению. Государство (законодательная власть) не только создает закон (объективное право), но и правильно толкует его смысл и правильно применяет.

Это замкнутая система, единая корпорация, внутри которой происходит обмен информацией и принятие решений о применении закона (уголовного, уголовно-процессуального) [16, с. 300–301]. Ее наличие эмпирически подтверждено исследованиями, которые на протяжении ряда лет проводились Институтом проблем правоприменения [23; 24].

Традиционное представление о всеисилии государства, о государстве как об источнике объективного (позитивного) права, которое оно использует для регулирования (охраны) общественных отношений и вместе с тем для борьбы с преступностью, является источником убеждения, типичного для следственной идеологии. Наряду с этим формируется и убеждение во всеисилии конкретного представителя государства – чиновника (следователя, установителя объективной истины).

Это порождает привычку мыслить в системе координат власти – подчинения, а не в области взаимодействия и партнерства. Тенденция к огосударствлению правовых феноменов ведет к бюрократизации, вы-

холащиванию идеи свободы и творчества, необходимых для саморазвития рыночной экономики, открытого общества.

При этатистском подходе трудно, если вообще возможно, говорить о равенстве государства и человека перед законом и судом, в том числе, в правовых отношениях, включая уголовно-процессуальные, главные из которых связаны с доказыванием и обвинением в суде.

Правовая психология, настоянная на этатизме, является агрессивной для выстраивания правовой модели взаимодействия населения, бизнеса и государства в уголовно-процессуальном механизме применения уголовного закона. Вообще затруднительно выстраивать какую-либо стабильную правовую модель, когда один из партнеров постоянно меняет правила игры. Психическая реальность права, зараженного этатизмом, является токсичной для бизнеса, общество тоже деформируется, поскольку в нем доминируют иждивенческие ожидания, пассивность, неготовность к самостоятельной защите своих прав через иск (обвинение).

Наша позиция заключается в отрицании абсолюта государства как пользователя уголовно-процессуальным механизмом, мы за пересмотр феномена государства в правовой, уголовно-процессуальной реальности. Для понимания того, что такое право, как осуществляется противодействие преступности уголовно-правовыми средствами, нам нужно переосмыслить и концепт «государство». В наших построениях мы будем последовательно исключать момент этатизации.

Сверхэтатизация представлений об уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов, применяющих уголовно-правовые нормы в сфере экономики, не позволяет выработать иной – состязательно-договорной, диспозитивный механизм уголовно-правовой защиты экономики, основанный на партнерстве государства, бизнеса и населения. Психическая реальность права, зараженного этатизмом, является токсичной для бизнеса, общество тоже деформируется, поскольку, как уже говорилось ранее, в нем доминируют иждивенческие ожидания, пассивность, неготовность к самостоятельной защите своих прав через иск (обвинение).

Но этатизму есть альтернатива. В экономической сфере ранее, чем в других, и более всего положение государства в правовой организации противодействия преступности должно сместиться от приказной схемы правопонимания и применения к партнерской. Такова общая идея деэтатизации уголовно-процессуального механизма применения уголовно-правовых норм в сфере экономики.

Вместо традиционного понятия «государство» как участник уголовно-правовых отношений, равно как и участник уголовно-процессуальных отношений в лице его органов, следует использовать иные концепты, которыми оперирует постклассическое правоведение для деэтатизации перехода на новую научную парадигму.

Библиографический список

1. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е. изд. М., 1949.
2. Ленин В. И. Государство и революция // Полное собр. соч. М., 1969. Т. 33.
3. Поляков А. В. Общая теория права: курс лекций. СПб, 2001.
4. Поляков А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход = General theory of law. Phenomenological-communicative approach: курс лекций. 2-е изд. СПб, 2003.
5. Графский В. Г. Проблемы создания обновленной концепции юриспруденции (общей, интегральной юриспруденции) // Государство и право. 2003. № 4. С. 4–16.
6. Дидикин А. Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2. Т. 8. С. 418–424.
7. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
8. Лазарев В. В. Общая теория права и государства. М., 2001.
9. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб, 2016.
10. Будилов В. М. Невербальные правовые тексты и невербальная правовая коммуникация: к дискуссии о понятии правовой действительности и предмете правоведения // Коммуникативная теория права и проблемы современной юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб, 2014.
11. Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность // Государство и право. 2001. № 5. С. 15–17.
12. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб, 2005.
13. Бочкарев С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019.
14. Хилjuta В. В. Философия глобализации уголовного права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2 (19).
15. Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972.
16. Давлетов А. А. О значении одного термина в судьбе современного уголовного процесса России // Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография. М., 2016.
17. Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017.
18. Лонь С. Л. Общеправовые теоретические категории и механизм уголовно-процессуального регули-

рования // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: сборник статей С. Л. Лоя. Томск, 2003.

19. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017.

20. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 63.

21. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград, 1973.

22. Колосовский В. В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.

23. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012.

24. Титаев К. Д., Шклярчук М. С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016.

References

1. Stalin I. V. Questions of Leninism. 11th edition. M., 1949.

2. Lenin V. I. State and revolution // Complete collection. op. M., 1969. T. 33.

3. Polyakov A. V. General theory of law: a course of lectures. SPb, 2001.

4. Polyakov A. V. General theory of law. Phenomenological-communicative approach = General theory of law. Phenomenological-communicative approach: course of lectures. 2nd ed. SPb, 2003.

5. Gafsky V. G. Problems of creating an updated concept of jurisprudence (general, integral jurisprudence) // State and Law. 2003. No. 4. Pp. 4–16.

6. Didikin A. B. Modern theories of natural law and classical tradition // Schol. Philosophical antiquity and classical tradition. 2014. No. 2. T. 8. Pp. 418–424.

7. Baytin M. I. The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001.

8. Lazarev V. V. General theory of law and state. M., 2001.

9. Timoshina E. V. Classical and postclassical legal understanding as styles of philosophical and legal thinking // Postclassical ontology of law: monograph / ed. I. L. Chestnova. SPb, 2016.

10. Budilov V. M. Nonverbal legal texts and nonverbal legal communication: to the discussion about the concept of legal reality and the subject of jurisprudence // Communicative theory of law and problems of modern jurisprudence: to the 60th anniversary of Andrei Vasilyevich Polyakov: collective monograph: in 2 vol. T. 1. Communicative theory of law in the research of domestic and foreign scientists / ed. M. V. Antonova, I. L. Chestnova. SPb, 2014.

11. Bachinin V. A. Wrong (negative law) as a category and social reality // State and law. 2001. No. 5. Pp. 15–17.

12. Polyakov A. V., Timoshina E. V. General theory of law: textbook. SPb, 2005.

13. Bochkarev S. A. Philosophy of criminal law: posing the question. M., 2019.

14. Khilyuta V. V. Philosophy of globalization of criminal law // Russian Journal of Legal Research. T. 6. No. 2 (19). 2019. P. 74.

15. Lupinskaya P. A. Legality and validity of decisions in criminal proceedings. M., 1972.

16. Davletov A. A. On the meaning of one term in the fate of the modern criminal process in Russia // Problems of modern domestic criminal process, judicial and prosecutorial activities: monograph. M., 2016.

17. Vershinina S. I. Regulatory and legal essence of criminal procedural coercion. M., 2017.

18. Lon S. L. General legal theoretical categories and the mechanism of criminal procedural regulation // Issues of legal regulation of relations arising in the sphere of criminal proceedings: collection. articles by S. L. Lon. Tomsk, 2003.

19. Muravyov K. V. Measures of procedural coercion – special means of criminal law enforcement: doctrine, application, optimization: monograph. Omsk, 2017.

20. Vershinina S. I. State coercion in criminal proceedings: normative legal nature and functioning mechanism: dis. ... dr. of law. sciences. Togliatti, 2017. P. 63.

21. Naumov A. V. Application of criminal law norms (based on materials from investigative and prosecutorial-judicial practice). Volgograd, 1973.

22. Kolosovsky V. V. Errors in the qualification of criminal acts: abstract. dis. ... cand. legal sciences. Chelyabinsk, 2003.

23. How judges make decisions: empirical studies of law / ed. V. V. Volkova. M., 2012.

24. Titaev K. D., Shklyaruk M. S. Russian investigator: calling, profession, everyday life. M., 2016.

Информация об авторе

Власова Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Vlasova Svetlana V. – candidate of legal sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 21.05.2024

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Научная статья
УДК 342

Миграционная безопасность в контексте национальной безопасности России на современном этапе

Михеева Светлана Николаевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, blacktopaz@mail.ru

Аннотация. Приоритетными направлениями в сфере миграции на современном этапе являются разработка экономических мер по внедрению различных методик, позволяющих повысить уровень государственных мер в сфере миграции, в частности использования иностранной рабочей силы, а также «охранительных», позволяющих регулировать влияние миграционного компонента на состояние общественно-политической стабильности и безопасности. В связи с тем, что миграционные процессы способны нести реальную угрозу обществу и государству, то есть обладают деструктивным потенциалом, особое место в системе национальной безопасности должно быть отведено миграционной безопасности. Изучению механизма правового регулирования миграционной безопасности и посвящена данная научная статья.

Ключевые слова: безопасность, миграция, миграционная безопасность, механизм обеспечения безопасности

Для цитирования: Михеева С. Н. Миграционная безопасность в контексте национальной безопасности России на современном этапе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 104–108.

Original article

Migration security in the context of Russia's national security at the present time

Mikheeva Svetlana N.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, blacktopaz@mail.ru

Abstract. The priority directions in the field of migration at the present stage are the development of economic measures to introduce various methods that will increase the level of government measures in the field of migration, in particular the use of foreign workers, as well as “protective” measures that allow regulating the influence of the migration component on the state of socio-political stability and security. Due to the fact that migration processes can pose a real threat to society and the state, that is, they have destructive potential, a special place in the national security system should be given to migration security. This scientific article is devoted to the study of the mechanism of legal regulation of migration security.

Keywords: security, migration, migration security, security mechanism

For citation: Mikheeva S. N. Migration security in the context of Russia's national security at the present time // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 104–108.

Миграционная безопасность как одна из форм национальной безопасности напрямую влияет на развитие государства и общества, особенно на фоне происходящих глобальных и внутриэкономических изменений, с которыми столкнулась в настоящее время Российская Федерация. Миграционные потоки и проблема их урегулирования становятся все более существенным фактором угрозы национальной безопасности России. Только за 2023 г. органами внутренних дел Российской Федерации пресечено два миллиона административных правонарушений в сфере миграции, прирост составил 4 % по сравнению с прошлым годом¹.

Среди угроз миграционной безопасности можно выделить следующие:

1) высокий уровень нелегальной миграции (только в ходе комплексной оперативно-профилактической операции «Нелегал-2023», реализуемой Министерством внутренних дел, было депортировано из России 15 тысяч человек)²;

2) сменяемость поколений мигрантов в сторону молодого (неосознанного) возраста;

3) низкий уровень правосознания мигрантов, незнание русского языка и основ законодательства Российской Федерации;

4) маргинальный тип поведения мигрантов;

5) наличие теневых правовых статусов (использование подложных документов, пересечение государственной границы Российской Федерации минуя пограничные посты) и многие др.

В этой связи наличие действенного механизма обеспечения миграционной безопасности видится необходимым условием для удовлетворения потребности в защищенности личности, общества и государства от угроз в сфере миграции.

Стоит отметить, что сама категория «миграционная безопасность» в настоящее время не нашла своего законодательного закрепления. Так ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Федеральный закон № 390), прямо не называет такой вид безопасности, как миграционная, оставляя перечень открытым³. Отсутствует и упоминание данной категории в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴.

Однако, несмотря на отсутствие законодательной регламентации, «миграционная безопасность» довольно хорошо изучена в научных исследованиях по юриспруденции. Но и здесь, ввиду плюрализма мнений, единого подхода к ее содержанию также не

удалось достичь. Для целей настоящей статьи представляется целесообразным сформулировать определение миграционной безопасности посредством анализа ее системообразующих понятий, таких как «миграция» и «безопасность».

«Миграция» имеет латинские корни (лат. «migratio») и в переводе означает «перемещение», «переселение». Однако этого, безусловно, недостаточно для того, чтобы понять сущность данного явления. Значительный вклад в изучение миграции и связанных с ней процессов внесли научные труды в области конституционного права. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение, данное профессором Т. Н. Балашовой, согласно которому «под "миграцией" следует понимать совокупность правовых отношений, возникающих при планировании и территориальном пересечении гражданами, иностранными гражданами, лицами без гражданства как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории в иных целях, обусловленных государственным регулированием, реализацией личных интересов и, как правило, влекущих приобретение нового правового статуса» [1, с. 10].

Вторая исследуемая категория – безопасность. Термин «безопасность» происходит от англ. – «security» и означает «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [2, с. 67].

До вступления в силу ныне действующего Федерального закона № 390 легальная дефиниция понятия «безопасность» содержалась в Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 и определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 1)⁵. Однако Закон РФ № 2446-1 утратил силу 29 декабря 2010 г., а принятый вместо него Федеральный закон № 390 не содержит определения базового понятия «безопасность», что, безусловно, усложняет формирование единой теории безопасности.

Итак, изучив понятия «миграция» и «безопасность», можно сформулировать следующее определение: «миграционная безопасность» представляет собой состояние юридической защищенности интересов личности, общества и государства, которые могут быть подвержены угрозам в результате въезда в Российскую Федерацию, выезда из нее, пребывания и проживания на территории страны как иностранных граждан и лиц без гражданства, так и граждан Российской Федерации.

Миграционная безопасность, как и любое явление государственной действительности, имеет свои отличительные признаки. К которым, по мнению А. Г. Хабибулина и В. Н. Анищенко, можно отнести:

- безопасность России в сфере миграции во внешних и внутренних делах;
- невозможность нанесения недопустимого вреда

¹ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 г. // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542>.

² Там же.

³ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁴ СЗ РФ. 2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351.

⁵ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

Российской Федерации, обусловленного миграционными процессами, их политико-правовой, информационной и материальной основой и инфраструктурой;

– наличие особого механизма обеспечения [3].

Исходную политико-правовую основу механизма правового регулирования миграционной безопасности России создают, прежде всего, положения ст. 71 Конституции РФ, а именно п. «м», которые раскрываются и конкретизируются в Федеральном законе № 390.

Особая роль в сфере регулирования миграционных отношений отведена подзаконным нормативным правовым актам Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральных органов государственной власти, принятых во исполнение Конституции Российской Федерации и федеральных законов.

В подзаконных нормативных правовых актах устанавливаются основы государственной миграционной политики (например, Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.»¹), административных процедур в сфере миграции, профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, ответственности за данные нарушения и др.²

Основные черты механизма правового регулирования миграционной безопасности довольно подробно изучены в научной статье А. В. Степанова и могут быть сведены к следующим [4]:

1) носит государственно-властный характер, поскольку осуществляется при помощи общеобязательных норм, исходящих от субъектов правотворчества в миграционной сфере, и опирается на возможность применения мер государственного принуждения;

2) представляет собой специфическую юридическую конструкцию, состоящую из элементов, с помощью которых закрепляются (объективируются вовне) юридические инструменты, направленные на реализацию прав и законных интересов субъектов миграционных правоотношений;

¹ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении национального согласия»; Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2017 г. № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций»; Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162 «Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции»; Приказ МВД России от 28 июня 2022 г. № 468 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» и др.

3) характеризуется стадийностью. В теории государства и права выделяют следующие стадии механизма правового регулирования:

– первая стадия характеризуется возведением в закон, приданием строгих юридических форм нормам права;

– на второй стадии правового регулирования происходят индивидуализация и конкретизация прав и обязанностей. Здесь участники правовой жизни «наделяются» способами поведения, вытекающими из норм права и условий конкретной правовой ситуации;

– третья стадия правового регулирования характеризуется реализацией, воплощением в жизнь тех прав и обязанностей конкретных субъектов, которые у них имеются в той или иной правовой ситуации (в конкретном правоотношении).

Вместе с тем в силу особенностей правового статуса мигрантов в Российской Федерации подавляющее большинство предоставляемых иностранцам прав и установленных обязанностей реализуются при непосредственном участии органов государства. В этой связи целесообразно упомянуть такую форму опосредованной реализации права, как *правоприменение*³.

Обязательное применение права осуществляется при совершении правонарушения со стороны мигрантов.

В настоящее время ряд противоправных деяний, связанных с незаконной миграцией, предусмотрен статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, расположенных в гл. 18 «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации»⁴, а также в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации⁵.

Наряду с ранее обозначенными стадиями А. В. Степанов в механизме правового регулирования миграционной безопасности выделяет еще одну стадию – контрольно-надзорную, которая включает в себя деятельность государственных органов, осуществляющих контрольные (надзорные) функции, направленные на обеспечение миграционной безопасности [4]. Полагаем, что выделять ее в самостоятельную стадию не является целесообразным, поскольку она также

³ Применение права – это властное вмешательство в общественные отношения государственных органов. Оно состоит в рассмотрении конкретных юридических вопросов, дел и вынесении обязательного, властного решения (приказа, постановления). Такое решение необходимо, когда права и обязанности не могут возникнуть, окончательно сформироваться без него, когда возникает спор о праве, когда совершено правонарушение. Применение права может возникнуть и на второй стадии и на третьей.

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ. 1996. № 25. Ст. 2954.

направлена на обеспечение реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений.

4) имеет специфическую цель – обеспечение правопорядка в миграционной сфере;

5) обладает набором юридических средств, методов (сочетание императивных и диспозитивных), способов;

6) представлен определенным типом режима.

Вместе с тем, несмотря на наличие значительной нормативной правовой базы, регулирующей вопросы, связанные с миграционной безопасностью, в настоящее время еще не представляется возможным говорить о том, что для ее обеспечения предприняты все возможные меры.

Так, на практике действие данного механизма затрудняется по ряду причин, носящих как субъективный, так и объективный характер среди которых: несовершенство законодательства в области миграции, бюрократизация отдельных процессов, обеспечивающих пребывание на территории страны иностранных граждан, отсутствие полноценного развития государственно-частного партнерства в сфере регулирования миграционных процессов и управления миграцией, постоянно увеличивающееся разнообразие способов и методов совершения миграционных правонарушений.

В этой связи дальнейшее совершенствование механизма правового регулирования миграционной безопасности, по нашему мнению, в первую очередь должно быть связано с неукоснительной реализацией поручений Президента Российской Федерации, подготовленных во исполнение Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг.¹ (утверждены Президентом РФ от 6 марта 2020 г. № Пр-469).

Этот процесс можно представить в последовательной реализации мероприятий в рамках следующих блоков:

1 БЛОК – правоохранительный:

– совершенствование миграционных институтов (вид на жительство, гражданство);

– выявление миграционных вызовов и угроз, имеющих криминальные источники (в частности, модернизация механизма регулирования трудовой миграции; совершенствование механизма проведения контрольно-надзорных мероприятий в сфере миграции). Здесь стоит особо отметить, что всеобъемлющий характер незаконной миграции и процессов нерегистрируемого трудоустройства мигрантов связан в том числе с наличием административных и бюрократических барьеров при получении необходимых разрешительных документов для трудоустройства в России иностранными гражданами. Именно поэтому они вынуждены искать работу, а также трудоустраиваться в обход закона;

– преодоление последствий причиненного вреда миграционным процессам (например, совершен-

ствование порядка высылки иностранных граждан из Российской Федерации, в настоящее время осуществляющейся в форме депортации, административного выдворения и процедуры реадмиссии);

– применение превентивных мер, направленных на восстановление нарушенных прав граждан или мигрантов, а также интересов отдельно взятой личности в целом, общества и государства.

Кроме того, полагаем, что развитие современного миграционного законодательства должно идти по пути ужесточения ответственности за организацию незаконной миграции.

Сюда же стоит включить меры, направленные на совершенствование правовых инструментов антикоррупционного механизма.

2 БЛОК – информационный:

– совершенствование процессов информатизации управления миграцией. В частности, речь идет о дальнейшем совершенствовании государственной информационной структуры, создании единой информационной платформы, содержащей и обрабатывающей информацию об иностранных гражданах и миграционных потоках, предназначенной для использования всеми заинтересованными государственными органами.

В настоящее время создана Государственная система миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность (система «Мир»), утверждена Постановлением Правительства РФ от 6 августа 2015 г. № 813. Цель – обеспечение эффективности реализации миграционной политики. Участниками данной системы являются федеральные министерства и службы: МВД, Минцифры, Минтранс, ФСБ, Минпромторг, Минфин, МИД, ФСТЭК в рамках установленных полномочий, а также бюджетные учреждения МФЦ, которые предоставляют государственные и муниципальные услуги², информационно-аналитическая система «Общероссийская база вакансий «Работа в России»³, единая биометрическая система (сервис, который позволяет получать услуги удаленно с помощью биометрии – лица и голоса, например, открывать счета и вклады, получать коммерческие и государственные услуги)⁴, Инфраструктура электронного правительства (включает 12 направлений, создана для обеспечения информационно-технологического взаимодействия информационных систем при предоставлении государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций в электронной форме)⁵ и др.

– проведение разъяснительной работы по доведению до иностранных граждан и российских граждан информации о текущей миграционной политике. Здесь стоит согласиться с мнением В. А. Ионцева, что одним из важных упущений российской миграцион-

² СЗ РФ. 2015. № 33. Ст. 4843.

³ URL: <https://trudvsem.ru>.

⁴ URL: <https://ebs.ru>.

⁵ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/486>.

¹ Перечень поручений по вопросам реализации концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. // КонсультантПлюс: сайт.

ной политики, повлиявших на резкое обострение всех проблем, связанных с миграцией, является замалчивание политики интеграции мигрантов, что сказывается на снижении уровня толерантности в обществе, самоизоляции мигрантов, приводящих к обострению конфликтов между мигрантами и местным населением, и в конечном счете к росту социальной напряженности [5, с. 131];

– повышение правовой грамотности, пребывающих на территорию Российской Федерации иностранных граждан.

3 БЛОК – научно-исследовательский:

– создание действенного инструментария для определения уровня межнациональных отношений. В качестве примера можно привести регулярно обновляемый проект «Мультикультурный барометр как инструментарий для превентивных мер в профилактике экстремизма в межнациональных отношениях [6, с. 63]. В настоящее время проект реализован в Мурманской области, Чукотском автономном округе, республике Саха (Якутия).

Библиографический список

1. Балашова Т. Н. Конституционно-правовое регулирование миграции в современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра. юрид. наук. Саратов, 2011. 42 с.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Мир и Образование; Оникс, 2011. 736 с.

3. Хабибулин А. Г., Анищенко В. Н. Политико-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в условиях трансформации монополярного мироустройства // Миграционное право. 2022. № 3 // Консультант Плюс: сайт.

4. Степанов А. В. Механизм административно-правового регулирования миграционной безопасности в Российской Федерации: понятие, особенности, элементы (административно-правовые средства) и стадии // Административное право и процесс. 2021. № 6 // Консультант Плюс: сайт.

5. Ионцев В. А. Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе // Вопросы управления. 2014. № 1 (7). С. 127–132.

6. Попова С. М., Яник А. А. Эффективность регулирования трудовой иммиграции: подходы и методы оценки // Вопросы безопасности. 2022. № 4. С. 54–68.

References

1. Balashova T. N. Constitutional and legal regulation of migration in modern Russia: problems of theory and practice: abstract of thesis. dis. ... for the degree of dr. of sciences. jurid. sciences: Saratov, 2011. 42 p.

2. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M.: Peace and Education; Onyx, 2011. 736 p.

3. Khabibulin A. G., Anishchenko V. N. Political and legal mechanism for ensuring migration security of the Russian Federation in the conditions of transformation of

a monopolar world order // Migration Law. 2022. No. 3 // ConsultantPlus: website.

4. Stepanov A. V. The mechanism of administrative and legal regulation of migration security in the Russian Federation: concept, features, elements (administrative legal means) and stages // Administrative law and process. 2021. No. 6 // ConsultantPlus: website.

5. Iontsev V. A. Integration of migrants is an effective way to eliminate inequality and xenophobia in the host society // Management Issues. 2014. No. 1 (7). Pp. 127–132.

6. Popova S. M., Yanik A. A. Efficiency of regulation of labor immigration: approaches and methods of assessment // Security Issues. 2022. No. 4. Pp. 54–68.

Информация об авторе

Михеева Светлана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about author

Mikheeva Svetlana N. – Candidate of Law, Assistant Professor

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 342.77

Современный конституционный механизм введения чрезвычайных правовых режимов в различных государствах мира

Иванцова Александра Игоревна
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь,
a.ivantsova05@gmail.com

Аннотация. В статье на основе конституционно-правового анализа описываются современные механизмы введения чрезвычайных правовых режимов, объединенные по перечню критериев, в различных государствах мира. Чрезвычайные правовые режимы наиболее четко отражают положение государственных органов и соотношение их компетенции, индивидуальную специфику и своеобразие государства в соответствии с его конституцией, законодательством, формой государственного устройства и политического режима. Автором выдвигается и впоследствии доказывается гипотеза зависимости механизма введения чрезвычайных правовых режимов от формы правления и формы государственного устройства.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, военное положение, чрезвычайное законодательство, конституция, зарубежный опыт

Для цитирования: Иванцова А. И. Современный конституционный механизм введения чрезвычайных правовых режимов в различных государствах мира // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 109–115.

Original article

Modern constitutional mechanism for introduction of emergency legal regimes in different states of the world

Ivantsova Alexandra I.
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus,
a.ivantsova05@gmail.com

Abstract. Based on constitutional and legal analysis, the article describes modern mechanisms for introducing emergency legal regimes in various countries of the world, combined according to a list of criteria. Emergency legal regimes most clearly reflect the position of state bodies and the relationship of their competence, the individual specificity and originality of the state in accordance with its constitution, legislation, form of government and political regime. The author puts forward and subsequently proves a hypothesis of the dependence of the mechanism for introducing emergency legal regimes on the form of government and the form of government.

Keywords: state of emergency, martial law, emergency legislation, constitution, foreign experience

For citation: Ivantsova A. I. Modern constitutional mechanism for introduction of emergency legal regimes in different states of the world // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 109–115.

Конституционно-правовой институт чрезвычайных правовых режимов сегодня регламентирован Основными Законами практически всех государств мира, что совершенно справедливо рассматривается в качестве признака высокого уровня политико-правового развития общества в целом и степени защищенности прав и свобод человека в частности [1, с. 150]. Его существование обусловлено возможностью возникновения различного рода экстремальных ситуаций как социально-политического, экономического, военного, так и природного характера, представляющих опасность для жизни и здоровья людей, территориальной целостности и существования государства.

Несмотря на множество трудов, посвященных исследованию рассматриваемого вопроса, стоит отметить, что видоизменение современных угроз, зачастую не укладывающихся в рамки стандартного понимания чрезвычайной ситуации, предопределило кардинальные изменения представлений о чрезвычайных правовых режимах [2, с. 37]. Данное обстоятельство послужило толчком для масштабной трансформации национального законодательства в различных государствах. Так, в Республике Беларусь существенное развитие по итогам проведенного 27 февраля 2022 г. республиканского референдума получил механизм введения чрезвычайных правовых режимов. Принимая во внимание, что правовые нормы, определяющие орган государственной власти, в компетенцию которого входит введение чрезвычайного и военного положений, являются неотделимым элементом конституционно-правового института чрезвычайных правовых режимов. С учетом масштабных конституционных преобразований видится теоретически и практически значимым проведение комплексного сравнительно-правового исследования современного порядка функционирования в этом направлении государственного аппарата различных государств.

Учитывая, что правовой режим представляет собой неотъемлемое свойство политической власти, ее сущности, содержания, функционирования, социальной направленности и степени демократичности [3, с. 64], полагаем, что именно чрезвычайные правовые режимы наиболее четко отражают положение государственных органов и соотношение их компетенций. В этой связи согласимся с позицией Т. В. Кикоть-Глуходедовой о том, что «механизм обеспечения национальной безопасности определяет индивидуальную специфику и своеобразие каждого государства в соответствии с его конституцией, законодательством, формой государственного устройства, политического режима (от него напрямую зависят принципы, формы и методы обеспечения национальной безопасности) и формой правления» [4, с. 84–85].

Правовое регулирование института чрезвычайных правовых режимов происходит на основании закрепления правовых норм с различной степенью детализации в конституционном законодательстве современных государств. Их Основные Законы содержат различные термины для определения чрезвычайных правовых режимов, наиболее распространенными из них, полагаем, можно считать чрезвычайное положение, военное положение и осадное положение. Кроме того, среди указанных видов правовых режимов, традиционно относимых к чрезвычайным, в ряде государств встречаются иные, содержащие схожие характерные черты. Данные режимы поименованы следующим образом: состояние обороны; состояние угрозы; состояние бедствия; исключительное положение и положение стихийного бедствия.

Разнообразие понятий, несомненно, создает трудности для проведения сравнительно-правового исследования. А. Н. Домрин в этой связи отмечает, что различные правовые режимы, встречающиеся в конституционно-правовом законодательстве современных государств и объединенные общим понятием «чрезвычайное положение», стоит рассматривать в качестве различных форм конституционно-правового института чрезвычайного положения как общего, родового понятия, поскольку им присущи одни и те же определяющие элементы и признаки [5]. Вышеизложенное, полагаем, позволяет в данном исследовании использовать термин «чрезвычайные правовые режимы», объединяющий все правовые режимы, предусмотренные Основными Законами современных государств в качестве инструмента защиты конституционного строя, безопасности, прав и свобод населения от чрезвычайных ситуаций различного характера.

Анализ норм конституций государств позволяет выделить пять моделей функционирования государственного аппарата при введении рассматриваемых правовых режимов.

1. Первая модель заключается во введении чрезвычайных правовых режимов **правовым актом главы государства с последующим его утверждением парламентом страны**. Данный способ устанавливается конституциями государств-участников СНГ, стран Латинской Америки, Мальдивской Республики, Португальской Республики, Республики Грузия, Республики Индонезия, Республики Корея, Республики Сингапур, Республики Союз Мьянма, Республики Филиппины, Румынии, Федеральной Демократической Республики Непал и др.

Отметим, что в рамках СНГ для сближения законодательств и развития в них общих универсальных концептов предусмотрен соответствующий правовой механизм, позволяющий обеспечить процесс согласования и приведения к единообразию правовых институтов чрезвычайного положения стран Со-

дружества. В его основе лежит модельный закон от 13 июня 2000 г. № 15-15 «О чрезвычайном положении»¹, сформировавший правовые условия единообразного понимания чрезвычайного положения и общие подходы к организации деятельности органов государственной власти по обеспечению мероприятий режима чрезвычайного положения.

Так, в Российской Федерации исключительное право на введение чрезвычайного и военного положения принадлежит Президенту в соответствии со ст. 87, 88 Конституции РФ. При этом Глава государства незамедлительно сообщает об этом Совету Федерации и Государственной Думе и также незамедлительно передает указ в Совет Федерации для утверждения (п. «б», «в» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ)².

Аналогично в Республике Беларусь Глава государства наделен конституционным полномочием по введению чрезвычайного и военного положений (п. 22, 29 ст. 84 Конституции) с внесением в трехдневный срок принятого решения на утверждение Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, который утверждает соответствующий указ Президента не позднее, чем в трехдневный срок после его внесения (п. 8 ст. 98 Конституции)³. Предусмотренный конституционный механизм введения чрезвычайных правовых режимов позволяет отнести Республику Беларусь к данной группе государств. Однако согласно решению республиканского референдума 27 февраля 2022 г. правом введения чрезвычайных правовых режимов наделены и иные государственные органы, что, полагаем, свидетельствует о дополнительных конституционных гарантиях обеспечения прав и свобод населения и о возможности выделения в белорусском государстве иной модели взаимодействия государственных органов по данному вопросу.

Несмотря в целом на единообразный подход государств-участников СНГ, в ряде из них предусмотрен несколько иной механизм введения чрезвычайных правовых режимов. В Кыргызской Республике они могут быть введены как Главой государства при условии утверждения Парламентом, так и самим Парламентом. В Республике Казахстан на конституционном уровне (п. 16 ст. 44) закреплена обязанность проведения Президентом предварительных консультаций по вопросу введения чрезвычайного положения с

Премьер-министром, председателями палат Парламента, а также незамедлительного информирования Парламента о введении соответствующего правового режима. При этом военное положение, исходя из п. 17 ст. 44 Конституции, может быть введено Президентом без соответствующих консультаций, а данные указы не подлежат обязательному утверждению [6, с. 20]. В Республике Армения чрезвычайное и военное положения объявляются правительством, Национальное собрание может отменить или объявить недействительным осуществление мер, предусмотренных данными правовыми режимами (ст. 119–120 Конституции). Среди государств-участников СНГ только Конституцией Молдовы (ст. 66) парламент наделяется исключительным полномочием вводить (продлевать, отменять) чрезвычайные правовые режимы по предложению Президента или Правительства.

Таким образом, закрепление в Основных Законах парламентского контроля за решениями Главы государства по поводу введения чрезвычайных правовых режимов, во-первых, служит гарантией от их необоснованного введения и является неотъемлемым элементом правового государства, во-вторых, не дает возможности Президенту самостоятельно увеличить полномочия органов исполнительной власти, в-третьих, позволяет повысить юридическую значимость применяемых мер.

2. Следующая модель предусматривает возможность введения чрезвычайных правовых режимов правовым *актом главы государства после консультаций с соответствующими органами государственной власти* (Алжирская Народная Демократическая Республика, Венесуэла, Республика Казахстан, Народная Республика Бангладеш, Португальская Республика, Республика Индия и др.).

Например, Конституция Народной Республики Бангладеш (ч. 1 ст. 141-А) наделяет Президента полномочием введения чрезвычайного положения при условии подписания прокламации о его введении Премьер-министром и одобрения ее Парламентом [7]. В соответствии с п. «d» ст. 134 и ст. 138 Конституции Португальской Республики объявление осадного положения входит в сферу непосредственных полномочий Президента, однако с учетом мнения Правительства и решения Ассамблеи Республики⁴. В Индии институт чрезвычайных правовых режимов детально регламентирован Конституцией. Президент наделен конституционным полномочием по изданию прокламации о введении чрезвычайного положения после сообщения в письменном виде решения Кабинета Союза о необходимости данной меры (ст. 352), введении президентского правления в штатах (ст. 356) и объявлении чрезвычайного положения в области финансов (ст. 360) [7].

⁴ Конституция Португальской Республики // Официальный сайт «DiáriodaRepública» Португальской Республики. URL: <https://diariodarepublica.pt/dr/legislacao-consolidada/decreto-aprovacao-constituicao/1976-34520775> (дата обращения: 20.03.2023).

¹ Модельный закон СНГ от 13 июня 2000 г. № 15-15 «О чрезвычайном положении»: принят постановлением на пятнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // КонсультантПлюс: сайт.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс: сайт.

³ Конституция Республики Беларусь = Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь = Constitution of the Republic of Belarus: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022. С. 32–33, 45.

3. Конституционная модель введения чрезвычайных правовых режимов, заключающаяся в издании **правового акта парламентом государства по предложению соответствующих органов государственной власти**, характерна для Венгрии, Греческой Республики, Израиля, Литовской Республики, Республики Болгария, Республики Ирак, Республики Молдова, Федеративной Республики Германия (далее – Германия) и др.

В государствах с парламентской формой правления право введения чрезвычайных правовых режимов принадлежит правительству, которое осуществляет его самостоятельно или формально совместно с парламентом. Весьма показательно в этом отношении чрезвычайное законодательство, инкорпорированное в Основной Закон Германии (ст. 87-а и раздел X-а). Так, в случае внешней опасности или угрозы существующему строю в стране или в одной из ее земель правительство может использовать вооруженные силы «для борьбы с организованными и вооруженными группами». Введение состояния обороны на территории государства в случае вооруженного нападения или непосредственной угрозы такого нападения производится бундстагом и бундесратом по предложению федерального правительства (не менее 2/3 поданных голосов) – абз. 1 ст. 115-а Конституции [8].

Конституцией Болгарии (п. 12 ч. 1 ст. 84) регламентируется полномочие парламента (Народного собрания) вводить «военное или другое чрезвычайное положение на всей территории страны или на какой-либо ее части по предложению Президента или Совета Министров» [8].

В соответствии с ч. 9 ст. 58 Конституции Ирака Совет представителей «утверждает декларацию об объявлении войны и введении чрезвычайного положения большинством в 2/3 голосов, основываясь на совместном предложении Президента Республики и Премьер-министра».

Помимо общего порядка введения чрезвычайных правовых режимов парламентом в некоторых из перечисленных государств предусмотрены дополнительные гарантии обеспечения законности и правопорядка в период чрезвычайных ситуаций. Так, в Венгрии таким правом обладает парламент (Государственное собрание) – 2/3 голосов депутатов (п. «h», «i» ч. 3 ст. 19 Конституции). Однако в случае возникновения «факта препятствия» для принятия данных решений Президент правомочен на введение чрезвычайных правовых режимов самостоятельно посредством указа, который действует в течение 30 дней, после чего требует утверждения парламентом (ст. 19/A Конституции)¹.

4. С учетом особенностей правовой системы не исключается возможность введения чрезвычайных правовых режимов **правительством при условии одобрения парламентом** (Ирландия, Латвийская Республика

(далее – Латвия), Ливанская Республика, Республика Армения, Республика Кипр, Турецкая Республика (далее – Турция) и др.).

Так, в Турции Совет Министров под председательством Президента может вводить чрезвычайное и военное положение. Данное решение должно быть незамедлительно представлено Великому Национальному Собранию для одобрения (ст. 119, 120, 122 Конституции)².

Конституцией Республики Кипр (ст. 183) регламентируется полномочие Совета Министров по объявлению чрезвычайного положения в случае войны или другой опасности, угрожающей самому существованию республики или любой ее части. Соответствующее решение немедленно передается на утверждение в Палату представителей. Кроме того, Президент и вице-президент, действуя раздельно или совместно, имеют право наложить вето как на решение палаты по данному вопросу (ч. 1 ст. 50), так и непосредственно на решение Совета министров [8].

В Латвии Кабинет министров вправе ввести чрезвычайное положение, доведя это в течение 24 часов до сведения президиума Сейма, который незамедлительно докладывает Сейму о таком решении (ст. 62 Конституции) [8].

5. В некоторых государствах распространена практика **разделения рассматриваемых полномочий между несколькими органами власти, что выделяется нами в пятую модель функционирования государственного аппарата по вопросу введения чрезвычайных правовых режимов** (Аргентинская Республика (далее – Аргентина), Испания, Китайская Народная Республика (далее – Китай), Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Польша, Французская Республика (далее – Франция) и др.).

Форма правления во Франции отмечается явным приоритетом исполнительной власти над законодательной, что наделяет Президента широкими, а по некоторым вопросам исключительными полномочиями. При этом достаточно четко разделена компетенция Президента и Правительства по введению чрезвычайных правовых режимов. В Основном Законе закреплены два конституционно-правовых режима для урегулирования кризисных ситуаций: право Президента Франции принимать чрезвычайные меры, то есть по существу вводить чрезвычайное (ст. 16 Конституции) и осадное (ст. 36 Конституции) положения. В первом случае Президентом могут осуществляться любые меры, необходимые для восстановления нормального функционирования государства. Данное решение принимается после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат. Осадное положение декретируется Советом министров. Ввиду значительных ограничений прав и свобод личности, которые предполагаются при введении данного режима, его продление на срок более 12

¹ Конституция Венгрии // Официальный сайт «HungarianNationalAssembly». URL: <https://njt.hu/jogszabaly/en/2011-4301-02-00> (дата обращения: 24.11.2023).

² Конституция Турецкой Республики // Законодательная информационная система Турецкой Республики. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/#anayasa> (дата обращения: 24.11.2023).

дней требует получения предварительного согласия Парламента (ст. 36 Конституции) [8].

В Аргентине Конституцией устанавливается, что в случае стихийных бедствий, а также массовых беспорядков осадное положение вправе ввести Конгресс (п. 29 ст. 75), а в случае вторжения на территорию государства иностранных войск – непосредственно Президент страны при одобрении такого решения Сенатом (ст. 61, п. 16 ст. 99) [9].

Два субъекта, обладающих правом введения чрезвычайных правовых режимов, установлены и Конституцией Китая. Так, постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (далее – ПК ВСНП) по предложению Государственного совета принимает решения о введении военного положения во всей стране или в отдельных провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения (п. 20 ст. 67 Конституции). Государственный совет принимает аналогичное решение только в отношении отдельных территорий внутри провинций, автономных районов и городов центрального подчинения (п. 16 ст. 89 Конституции). Чрезвычайное положение на всей территории Китая объявляется указом Председателя, который сразу после опубликования подлежит немедленному утверждению большинством голосов ПК ВСНП. [10, с. 111].

Конституцией Испании (п. 2 ст. 116) предусматривается возможность введения декретом Правительства состояния угрозы на части территории, о чем немедленно извещается Конгресс депутатов, без разрешения которого указанный срок не может быть продлен. Чрезвычайное положение вводится аналогичным образом, однако требует предварительного разрешения Конгресса депутатов (п. 3 ст. 116 Конституции). Осадное положение объявляется абсолютным большинством Конгресса депутатов исключительно по предложению Правительства (п. 4 ст. 116 Конституции) [8].

В Республике Польша чрезвычайное и военное положения вводятся Президентом Республики по предложению Совета Министров. Соответствующее распоряжение в течение 48 часов после подготовки Президент представляет на утверждение Сейма (ст. 229–231 Конституции). Положение стихийного бедствия вводит Совет Министров в целях предотвращения последствий природных катастроф или технических аварий (ст. 232 Конституции)¹.

Порядок введения чрезвычайных правовых режимов в Великобритании отличается от предложенного перечня. Формально чрезвычайное положение объявляется королевской Прокламацией, фактически – вводится Правительством путем издания «приказа Короны в Совете» [6, с. 20].

С учетом особенностей формы правления в Объединенных Арабских Эмиратах в ст. 146 Конституции установлено, что «военное положение вводится на

основании указа, обнародуемого с одобрения Высшего совета Федерации по представлению Президента Федерации и с согласия Совета министров Федерации. Федеральный национальный совет должен быть уведомлен об издании такого указа на его следующем заседании в предстоящую сессию»².

Стоит отметить, что в результате принятия решение республиканского референдума Республики Беларусь, проведенного 27 февраля 2022 г. по вопросу изменения и дополнения Конституции, подверглись изменениям некоторые положения Основного Закона, закрепляющие основы функционирования государственного аппарата в условиях противодействия вызовам и угрозам жизни и здоровью населения, территориальной целостности и конституционному строю. Особого внимания в этой связи заслуживает, во-первых, наделение высшего представительного органа народовластия – Всебелорусского народного собрания, полномочиями по введению чрезвычайного и военного положений при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам (п. 8 ст. 89-3 Конституции). Во-вторых, конституционное закрепление порядка введения данных режимов на основании решения Совета Безопасности Республики Беларусь при особых обстоятельствах: таких, как гибель Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, военной агрессии, вследствие иных действий насильственного характера (ч. 2 ст. 88-1 Конституции). В-третьих, переход полномочий Президента к Председателю Совета Республики в случае вакансии его должности или невозможности исполнения им своих обязанностей, что, полагаем, также наделяет последнего правом введения чрезвычайного и военного положения на территории Республики Беларусь³.

Помимо представленных конституционных механизмов введения чрезвычайных правовых режимов стоит отметить различные подходы государств с федеративной формой государственного устройства по наделению чрезвычайными полномочиями органов власти субъектов федерации. Например, в Соединенных Штатах Америки на федеральном конституционном уровне вопросы чрезвычайного режима подробно не урегулированы, более определенная их регламентация содержится в конституциях штатов, т. е. субъектов федерации. Право введения чрезвычайного положения как на всей территории страны, так и на территории отдельного штата принадлежит Президенту посредством издания им специально-

² Конституция Объединенных Арабских Эмиратов (принята 2 декабря 1971 г.) / пер. К. М. Беликова // КонсультантПлюс: сайт, 2023.

³ Конституция Республики Беларусь = Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь = Constitution of the Republic of Belarus: и изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022.

¹ Конституция Республики Польша // Интернет-сайт «SejmRzeczypospolitejPolskiej». URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

го указа, Конгресс лишь принимает решение о его продлении по истечении одного года [1, с. 157–159]. На уровне штата право введения чрезвычайного положения помимо Президента принадлежит губернатору [4, с. 127–128].

Вместе с тем в Российской Федерации правом введения чрезвычайных правовых режимов наделен лишь Президент, органы власти субъектов федерации и Правительство Российской Федерации вправе ввести специальные правовые режимы, существенно отличающиеся по используемым мерам и ряду других критериев (например, правовые режимы контртеррористической операции и чрезвычайной ситуации).

Сравнительно-правовой анализ современного конституционно-правового механизма введения чрезвычайных правовых режимов позволил прийти к определенным выводам.

1. Существенное влияние на чрезвычайные полномочия высших органов государственной власти оказывает их положение в государственном механизме, обусловленное соответствующей разновидностью формы правления. Прослеживается и взаимосвязь субъектного состава, наделенного полномочиями по введению чрезвычайных правовых режимов, с формой государственного устройства.

2. Конституционно-правовой механизм, заключающийся в наделении главы государства полномочием введения чрезвычайных правовых режимов, обеспечивает оперативность реагирования на чрезвычайную ситуацию. Вместе с тем предусмотренный конституциями большинства проанализированных государств парламентский контроль является необходимым условием функционирования конституционно-правового института чрезвычайных правовых режимов, обеспечивает дополнительные гарантии объективности принятого решения и наиболее соответствует природе правового государства, а также требованиям системы сдержек и противовесов.

3. По итогам проведенного референдума 27 февраля 2022 г. в Конституции Республики Беларусь закреплён обширный перечень субъектов, в полномочия которых входит решение вопросов введения чрезвычайных правовых режимов. Ими являются Президент, Председатель Совета Республики в случае исполнения им полномочий Президента, Всебелорусское народное собрание при условии бездействия Президента по данному вопросу, Совет Безопасности в особых обстоятельствах и Парламент. Полагаем, подобный шаг обеспечивает современную потребность белорусского государства в обеспечении должного парламентского контроля и в усилении основ народовластия, в том числе в вопросах обеспечения прав и свобод человека, охраны суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности.

Библиографический список

1. Лозбинева В. В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации и механизм его реали-

зации (теоретические и организационно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 262 с.

2. Кочеткова Е. А. Эволюция механизма государства в условиях чрезвычайного положения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 1 (47). С. 37–42.

3. Матузов Н. И., Малько А. В. Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 63–71.

4. Кикоть-Глухodedова Т. В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы (сравнительное исследование): дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2019. 418 с.

5. Домрин А. Н. Режим чрезвычайного положения: опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах: доклад // Совет по внешней и оборонной политике. URL: https://www.svip.ru/public/docs_1992_6_10_1351677414.pdf

6. Юсуфzода А. Х. Конституционно-правовое регулирование чрезвычайного положения в зарубежных странах // Законодательство. 2015. № 3 (19). С. 16–21.

7. Конституции стран мира: хрестоматия: в 7 ч. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т., 2014. Ч. 4: Азия. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 13.11.2023).

8. Конституции стран мира: хрестоматия: в 7 ч. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т., 2014. Ч. 2: Европа. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 13.11.2023).

9. Конституции стран мира: хрестоматия: в 7 ч. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск, Благовещ. гос. пед. ун-т., 2014. Ч. 3: Америка. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 27.11.2023).

10. Манцуpов А. Ю. Общая характеристика административно-правовых режимов по законодательству КНР // Научный портал МВД России. 2019. № 1 (45). С. 109–114.

References

1. Lozbinev V. V. The institution of a state of emergency in the Russian Federation and the mechanism for its implementation (theoretical, organizational and legal aspects): dis. ... cand. legal sciences. M., 2000. 262 p.

2. Kochetkova E. A. Evolution of the mechanism of the state in a state of emergency // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2021. No. 1 (47). Pp. 37–42.

3. Matuzov N. I., Malko A. V. Political and legal regimes: current aspects // Social sciences and modernity. 1997. No. 1. Pp. 63–71.

4. Kikot-Glukhodedova T. V. Administrative and legal support of national security in Russia, the USA and European countries (comparative study): dis. ... dr. legal sciences. M., 2019. 418 p.

5. Domrin A. N. State of emergency: experience of legal regulation and practice of application in foreign countries: report // Council on Foreign and Defense Policy. URL: <https://www.svip.ru/public/>

docs_1992_6_10_1351677414.pdf (date of access: 10/14/2023).

6. Yusufzoda A. Kh. Constitutional and legal regulation of states of emergency in foreign countries // Legislation. 2015. No. 3 (19). Pp. 16–21.

7. Constitutions of the countries of the world: reader: in 7 hours / comp. D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Blagoveshch. stateped. univ., 2014. Part 4: Asia. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (date of access: 13/11/2023).

8. Constitutions of the countries of the world: reader: in 7 hours / comp. D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Blagoveshch. stateped. univ., 2014. Part 2: Europe. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (date of access: 13/11/2023).

9. Constitutions of the countries of the world: reader: in 7 hours / comp. D. V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Blagoveshch. stateped. univ., 2014. Part 3: America. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (date of access: 11/27/2023).

10. Mantsurov A. Yu. General characteristics of administrative and legal regimes under the legislation of the PRC // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (45). Pp. 109–114.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 21.05.2024

Организация мониторинга качества предоставления государственных услуг

Савоськин Александр Владимирович¹, Мещерягина Вероника Александровна²,
Вохидова Амина Шавкатовна³

^{1,2,3} Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный
юридический университет, Екатеринбург, Россия

¹ savoskinav@yandex.ru

² metssheryagina@yandex.ru

³ nadya.vokhidova55@mail.ru

Аннотация. Организация мониторинга качества государственных услуг, предоставляемых гражданам и организациям, предполагает собой процесс сбора, анализа и оценки информации об их качестве и доступности. Главная идея статьи заключается в том, что мониторинг имеет особое значение для обеспечения прозрачности, эффективности и качества работы государственных структур. В статье рассматривается проблема, связанная с недостаточной развитостью института отзывов, что приводит к низкой активности пользователей по их написанию и сложностям получения объективной информации о качестве услуг. Авторы также подчеркивают необходимость использования современных технологий и методов для сбора, анализа и интерпретации данных. Делается вывод о том, что проведение мониторинга позволяет выявлять проблемы, связанные с предоставлением государственных услуг, и своевременно принимать меры по улучшению качества их предоставления, что способствует повышению эффективности работы государственных органов, уровня обслуживания населения и прозрачности и открытости их деятельности.

Ключевые слова: государство, общество, услугополучатели, государственные услуги, портал «Госуслуги», ЕПГУ, сайт «Ваш контроль», электронные системы, мониторинг, отзывы, улучшение качества услуг

Для цитирования: Савоськин А. В., Мещерягина В. А., Вохидова А. Ш. Организация мониторинга качества предоставления государственных услуг // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 116–121.

Original article

Organization of monitoring the quality of provision of public services

Savoskin Alexander V.¹, Meshcheryagina Veronika A.², Vohidova Amina S.³

^{1,2,3} Ural State Economic University, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

¹ savoskinav@yandex.ru

² metssheryagina@yandex.ru

³ nadya.vokhidova55@mail.ru

Abstract. Organizing monitoring of the quality of public services provided to citizens and organizations involves the process of collecting, analyzing and evaluating information about their quality and accessibility. The main idea of the article is that monitoring is of particular importance for ensuring transparency, efficiency and quality of work of government agencies. The article discusses the problem associated with the insufficient development of the institution of reviews, which leads to low user activity in writing reviews and difficulties in obtaining objective information about the quality of services. The authors also emphasize the need to use modern technologies and methods for collecting, analyzing and interpreting data. It is concluded that monitoring allows one to identify problems associated with the provision of public services and timely take measures to improve the quality of their provision, which helps to increase the efficiency of government bodies, the level of service to the population and the transparency and openness of their activities.

Keywords: state, society, recipients of services, public services, portal «Gosusulgi», EPSU, website «Your control», electronic systems, monitoring, reviews, improving the quality of services

For citation: Savoskin A. V., Meshcheryagina V. A., Vohidova A. S. Organization of monitoring the quality of provision of public services // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 116–121.

Разнообразие предоставляемых государственных услуг на сегодняшний день достаточно велико. Для каждой отдельной услуги или ряда отдельных услуг предусмотрен свой определенный процесс реализации. Так, в рамках исполнения Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» была проведена масштабная работа по стандартизации и регламентации оказания государственных услуг. Оба эти процесса направлены на повышение уровня удовлетворенности граждан и юридических лиц, а также на снижение издержек для государства. В свою очередь деятельность по оказанию государственных услуг требует контроля, одним из видов которого является мониторинг качества их предоставления. Организация его проведения является еще одним важным инструментом обеспечения эффективного и результативного предоставления услуг.

Не случайно в последнее время многие ученые-процессуалисты уделяют особое внимание данной теме в своих исследованиях (например, А. Н. Волкова [1], С. Н. Костина [2], А. В. Корепина [3], И. С. Калганов [4], И. Н. Плесовских [5] и др.).

Понятие мониторинга следует рассматривать в контексте информационного процесса, который включает в себя систематический сбор и анализ данных, полезных для принятия обоснованных решений, а также для информирования общества или использования в качестве инструмента обратной связи, для реализации проектов, оценки программ и разработки политики. Кроме того, он предполагает проведение комплексных исследований и опросов, которые оценивают удовлетворенность потребителей качеством услуг и соответствие процесса их предоставления нормативным требованиям. Стоит сказать, что социальный контроль играет немаловажную роль в повышении качества услуг.

Постановлением Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 951 «О мониторинге качества предоставления государственных и муниципальных услуг независимо от формы их предоставления и внесении изменений в Положение о федеральной государственной информационной системе "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)"» (далее – постановление Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 951) определено, что уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по проведению мониторинга является Министерством экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития РФ). Так, в соответствии с разработанными данным министерством и закрепленными в письме от 29 апреля 2011 г. методическими рекомендациями по организации проведения мониторинга

качества предоставления государственных (муниципальных) услуг¹ при подготовке и проведении мониторинга необходимо определить и утвердить его цели, объект и предмет, этапы проведения, методы и требования к методикам и инструкциям, к анализу, оценке исходной информации о качестве и доступности государственной услуги, а также ожидаемые результаты его проведения.

Исходя из письма Минэкономразвития РФ от 29 апреля 2011 г. № 8863-ОФ/Д09 «О методических рекомендациях по организации проведения мониторинга качества предоставления государственных (муниципальных) услуг» объектом мониторинга могут являться: отдельная государственная услуга, результат предоставления которой является конечным, или комплекс государственных услуг, в своей совокупности обеспечивающий достижение услугополучателем необходимого результата. В обоих случаях в процессе мониторинга анализируются:

- нормативно-правовые и иные правовые акты, которые регламентируют предоставление услуг и определяют требования к их качеству и доступности;
- практика предоставления услуг и применения установленных требований к их качеству и доступности;
- оценка гражданами и организациями качества и доступности услуг, включая ожидания по улучшению этих параметров.

При проведении мониторинга выявляются, анализируются и оцениваются значения следующих основных параметров качества оказания услуг:

- 1) соответствие стандартам качества и комфортности оказания услуг;
- 2) проблемы, с которыми сталкиваются заявители при получении услуги;
- 3) удовлетворенность получателей услуги ее качеством и доступностью, а также их ожидания относительно улучшения качества данных услуг;
- 4) обращения заявителя в органы власти и организации, необходимые для получения конечного результата услуги, их нормативно установленные и фактические состав и количество;
- 5) финансовые затраты заявителя, связанные с получением услуги, (нормативно установленные и фактические, а также отклонение фактических затрат от нормативных);

¹ Письмо Минэкономразвития РФ от 29 апреля 2011 г. № 8863-ОФ/Д09 «О методических рекомендациях по организации проведения мониторинга качества предоставления государственных (муниципальных) услуг». Москва. Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115551.

6) временные затраты заявителя на получение услуги (нормативно установленные и фактические);

7) наличие неформальных платежей в связи с получением услуги;

8) привлечение заявителями посредников в получении услуги, включая предусмотренных требованиями органов, предоставляющих услугу.

Критерии и методы оценки определяются организациями, реализующими публично-значимые функции самостоятельно, и могут значительно различаться. Сам мониторинг проводится на регулярной основе, конкретная периодичность варьируется в зависимости от органа (учреждения, организации). Как правило, он проводится на ежегодной основе или по мере необходимости. Кроме того, стоит сказать, что в соответствии с Письмом Минэкономразвития РФ от 28 февраля 2014 г. № 3939-ОФ/Д09и «О методике проведения социологического исследования и оценки удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг» для оценки качества оказываемых услуг предполагается проведение социологических опросов, направленных на оценку удовлетворенности граждан.

В некоторых случаях субъекты Российской Федерации проводят социологические опросы удовлетворенности потребителей услуг в рамках мониторинга качества их оказания. Для этого создаются специальные системы оценки, отличающиеся для разных типов органов, оказывающих услугу (органы публичной власти, государственные внебюджетные фонды, учреждения, многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ)). Использование информационных технологий на сегодняшний день играет ключевую роль в процессе организации мониторинга. Автоматизация процессов сбора и обработки данных позволяет значительно сократить время на проведение мониторинга, а также повысить точность и объективность результатов. Электронные системы обратной связи и мобильные приложения обеспечивают быстрый и удобный способ выражения мнения граждан и организаций о качестве полученной услуги, что в свою очередь позволяет исполнителям услуги оперативно реагировать на возникающие проблемы и принимать меры. Это подчеркивает важность системного подхода к улучшению качества предоставления услуг и вовлечению различных сторон в этот процесс.

Ярким примером может служить специализированный сайт «Ваш контроль» (<https://vashkontrol.ru>), созданный для оценки качества оказанных государственных услуг во исполнение пп. «в» п. 4 Постановления Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284¹,

¹ Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284 (ред. от 24.03.2023) «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государ-

ства с которым на сегодняшний день закреплена и регламентируется методическими указаниями в соответствии с приказом Минэкономразвития РФ от 28 июня 2019 г. № 387². Он является подсистемой автоматизированной информационно-аналитической системы мониторинга качества государственных услуг (далее – ИАС МКГУ) и дает возможность зарегистрированным и автоматизированным пользователям сети Интернет оценивать как в баллах, так и словесно орган власти, организацию в целом либо конкретного сотрудника. С ноября 2017 г. регистрация на сайте «Ваш контроль» возможна только через портал «Госуслуги». Так, для того, чтобы иметь возможность оставить отзыв о качестве оказанной услуги, необходимо иметь стандартную и подтвержденную учетную запись на портале «ЕПГУ». Также сайт «Ваш контроль» позволяет посредством специализированной опросной формы направлять оценки, комментарии, отзывы о качестве предоставляемых территориальными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, а также исполнительными органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления (в случаях, когда полномочия по оказанию государственных услуг были им делегированы на основании соответствующих законодательных актов) государственных услуг. Кроме того, данный ресурс позволяет осуществлять оценку качества организации предоставления услуг через МФЦ.

Система разработана для обеспечения прозрачности и объективности оценки качества услуг. И благодаря работе данного сайта у граждан появляется возможность напрямую влиять на качество оказываемых услуг, оценивать работу сотрудников и руководителей органов, оказывающих услугу. Ведь подразумевается, что гражданин поделится своим опытом получения конкретной услуги, а соответствующий орган примет данный отзыв для анализа и выработки мер по улучшению качества услуг. В этом случае у исполнителей появляется возможность, используя сайт, анализировать обратную связь от пользователей и сравнивать свою работу с работой других ведомств (органов, организаций), а значит, и принимать обоснованные решения по улучшению качества предо-

стных услуг, руководителей МФЦ с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей». М.: Российской газете от 19 декабря 2012 г. № 292. Текст: электронный. URL: <https://www.consultant.ru>

² Приказ Минэкономразвития РФ от 28 июня 2019 г. № 387 «Методические рекомендации по организации работы федеральных органов исполнительной власти, органов государственных внебюджетных фондов, высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и МФЦ с отзывами граждан по оценке качества государственных и муниципальных услуг, размещенными в электронном виде на специализированном сайте («Ваш контроль») в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: <https://docs.cntd.ru/document/560598998>.

ставляемых услуг и повышению уровня удовлетворенности пользователей.

В соответствии с приказом Минэкономразвития РФ от 28 июня 2019 г. № 387 это происходит по определенной схеме. Пользователь оставляет отзыв об оказанной услуге на сайте «Ваш контроль» (через SMS-сообщения, на сайте органов власти и внебюджетных фондов, на портале «Госуслуги» и через информационные терминалы в МФЦ). Затем размещенный отзыв получает статус «принят» и направляется на обязательную предварительную проверку (модерацию) соответствия установленным требованиям. В частности, в данных отзывах запрещается использовать ненормативную лексику, оскорбления, обсуждать личные отношения и вести личную переписку, если она не имеет отношения к теме публикации. Если написанное не соответствует этим критериям, пользователь получает уведомление об отклонении отзыва, который далее может быть немедленно удален (поэтому отзывы, оставленные с нарушением правил или содержащие недостоверную информацию, не учитываются при анализе данных во время проведения мониторинга качества оказанных услуг). Если пользователь регулярно публикует отзывы (комментарии), которые не соответствуют установленным требованиям, то модератор вообще может закрыть ему доступ к portalу.

В процессе модерации определяется наличие вопросов по существу предоставления услуг, и если их нет, отметка о запросе на ответ аннулируется. Модерация проводится автоматически с привлечением при необходимости специалистов, обеспечивающих работу ИАС МКГУ. После успешного прохождения модерации отзыв получает статус «размещен» и публикуется на сайте. Если в отзыве есть запрос на ответ (пользователем проставляется соответствующая метка, в случае отрицательного отзыва метка о запросе ответа на отзыв пользователя ставится в автоматическом режиме), он отображается в соответствующем статусе в личных кабинетах органов и организаций, ответственных за подготовку ответа.

В свою очередь федеральный орган исполнительной власти, государственные внебюджетные фонды, высшие исполнительные органы государственной власти субъекта РФ, а также МФЦ должны организовать подготовку и публикацию ответов на отзывы пользователей в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284 через свой личный кабинет в ИАС МКГУ до истечения десяти рабочих дней.

С их стороны обеспечивается объективное и полное рассмотрение отзывов, а ответ пользователю в целом должен содержать информацию о мерах, принятых для решения проблемы, указанной в отзыве, или разъяснение о невозможности решения этой проблемы с указанием причин и ссылок на законодательство.

Если для подготовки ответа требуется более десяти дней, то размещается соответствующая информация о проведении дополнительных мер и представ-

ляется статус отзыва «проводятся дополнительные меры», а также указывается предполагаемый срок информирования пользователя о результатах рассмотрения, который не должен превышать тридцати календарных дней со дня публикации отзыва на сайте «Ваш контроль».

В случае если отзывы содержат в себе вопросы, решение которых выходит за рамки компетенции получившего их ведомства, то они должны быть перенаправлены соответствующим органам или организациям, а отзыву присваивается статус – «перенаправлен для рассмотрения в соответствии с компетенцией».

После всех действий подготовленный ответ размещается на сайте «Ваш контроль» в привязке к соответствующему отзыву и отображается в личном кабинете лица, его направившего.

Обобщив опыт функционирования сайта «Ваш контроль», можно заключить, что перед ним стоят следующие задачи: оценка удовлетворенности граждан качеством предоставляемых услуг; выявление проблем и трудностей, с которыми сталкиваются граждане при получении услуги; сбор и анализ информации о качестве работы исполнителей услуг; обеспечение обратной связи между гражданами и органами власти для повышения качества услуг; информационная открытость.

Информирование граждан о результатах мониторинга и принятых мерах сопровождается следующими процедурами: публикация отчетов о мониторинге на официальных сайтах органов власти и в СМИ; проведение информационных кампаний, семинаров, вебинаров для специалистов, предоставляющих услуги; обеспечение доступности информации о результатах мониторинга для всех заинтересованных сторон; принятие мер по улучшению качества услуг (внедрение и реализация мероприятий по повышению качества услуг, а также контроль выполнения принятых решений и оценка их эффективности). Так же на сайте доступны статистические данные о результатах мониторинга, позволяющие оценить общую картину качества оказываемых государственных услуг в стране и в ее отдельных регионах.

Таким образом, исходя из всего изложенного, можно говорить о том, что мониторинг включает в себя такие основные принципы, как открытость и прозрачность информации, объективность и независимость оценки, регулярность проведения исследования и анализа данных. Использование современных технологий и информационных систем обеспечивает оперативность обработки данных и доступность информации для всех заинтересованных сторон.

Важным аспектом проведения мониторинга является активное вовлечение граждан в процесс оценки качества услуг. Механизмы обратной связи позволяют оперативно реагировать на запросы и потребности населения, а также корректировать работу государственных органов и учреждений в соответствии с изменениями общественных запросов [6]. Таким образом, организация мониторинга качества услуг способствует не только повышению качества работы

органов публичной власти, государственных внебюджетных фондов, но и развитию гражданского общества, формированию активного участия населения в решении вопросов своего благополучия, формированию общественного контроля, а также повышению уровня доверия к государственному аппарату и развития страны в целом.

Конечно, создание специальных платформ для открытого размещения отзывов со стороны услугополучателей об их личном опыте и мнений о качестве предоставленной услуги на первый взгляд выглядит достаточно эффективным способом сбора информации об уровне их удовлетворенности и хорошим инструментом для проведения мониторинга качества с «красочными перспективами будущего». Но на сегодняшний день есть и другая сторона данного вопроса, которую можно обозначить как проблему исследования таких отзывов граждан. Она связана и тем, что институт отзывов как таковой еще недостаточно развит, и выражается это в нескольких аспектах. Во-первых, в том, что до сих пор есть категории граждан, которые вообще не осведомлены о возможности выражения своего мнения о качестве полученных услуг на специализированных платформах или просто не считают важным делиться своим опытом, что порождает низкий уровень вовлеченности пользователей в процесс написания отзывов.

Во-вторых, изучив сайт «Ваш контроль» можно сказать, что даже если граждане оставляют отзывы, они не всегда делают это осознанно и продуманно. Часто отзывы содержат только краткую оценку («хорошо», «плохо») или общие впечатления, а не конкретную информацию о процессе получения услуги и его нюансах.

В-третьих, многие люди по сей день просто боятся оставлять отзывы, в том числе из-за предрассудков, связанных с опасениями относительно негативных последствий для себя, например, таких, как отказ в предоставлении услуг в будущем или разглашение личной информации.

Все эти факторы затрудняют процесс использования отзывов, так как они становятся менее массовыми, менее объективными и менее информационными. В результате сайты и платформы, созданные для сбора отзывов о качестве услуг, могут столкнуться с проблемой недостатка достоверной информации.

Поэтому для эффективного использования института отзыва необходимо повысить уровень осведомленности граждан о важности данного процесса, стимулировать их к более подробному и осознанному выражению своего мнения, что позволит с течением времени уйти от предрассудков. Тем более что все органы публичной власти стремятся к доступности, открытости информации, выстраивают доверительные отношения и используют иные стратегии эффективного взаимодействия с гражданами.

Библиографический список

1. Волкова А. Н. Процесс проведения мониторинга государственных и муниципальных услуг: основные

критерии оценки, этапы, подходы // Документ в современном обществе: коммуникативные модели и технологии: материалы XVI Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. С. 137–141.

2. Костина С. Н., Банных Г. А., Воронина Л. И. Организация предоставления государственных и муниципальных услуг: учебное пособие / под общ. ред. С. Н. Костиной; Министерство науки и высш. образования РФ, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019. 123 с.

3. Корепина А. В., Васильева Я. В., Бойкова А. С. Организация государственных и муниципальных услуг: учебное пособие. Московский гос. юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Сев.-Зап. институт (филиал) Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: Фонд развития филиала МГЮА в г. Вологде, 2020. 216 с.

4. Калганов И. С. Оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственных услуг // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 1. С. 29–41.

5. Плесовских И. Н. Обеспечение удовлетворенности населения качеством предоставления государственных услуг в социальной сфере как средство эффективного публичного управления // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22–23 апреля 2019 г. В 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Т. 2. С. 42–46.

6. Савоськин А. В. Отзыв о деятельности органа власти: правовое регулирование и практика // Законодательство. 2016. № 7. С. 40–44.

References

1. Volkova A. N. The process of monitoring state and municipal services: main evaluation criteria, stages, approaches // Document in modern society: communicative models and technologies: materials of the XVI All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2023. Pp. 137–141.

2. Kostina S. N., Bannykh G. A., Voronina L. I. Organization of provision of state and municipal services: textbook / gen. ed. by S. N. Kostina; Ministry of Science and Higher Education education Ros. Federation, Ural. federal univ. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2019. 123 p.

3. Korepina A. V., Vasilyeva Y. V., Boykova A. S. Organization of state and municipal services: textbook. Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL), North-West Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafina (MSAL). Vologda: Development Fund of the MSAL branch in Vologda, 2020. 216 p.

4. Kalganov I. S. Assessing the results of the functioning of electronic government and digitalization of public services // Intellect. Innovation. Investments. 2024. No. 1. Pp. 29–41.

5. Plesovskikh I. N. Ensuring population satisfaction with the quality of provision of public services in the social sphere as a means of effective public management // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the V International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 22–23, 2019. In 2 vol. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2019. T. 2. Pp. 42–46.

6. Savoskin A. V. Feedback on the activities of the authority: legal regulation and practice // Legislation. 2016. No. 7. Pp. 40–44.

Информация об авторах

Савоськин Александр Владимирович – доктор юридических наук, доцент

Мещерягина Вероника Александровна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Savoskin Alexander V. – Doctor of Law, Associate Professor

Meshcheryagina Veronika A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Конфликт интересов отсутствует

Contribution of the authors

All authors made equivalent contributions to the publication. There is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Научная статья

УДК 342.72/.73

Проблемные аспекты правового регулирования семейного дошкольного образования в Российской Федерации: опыт муниципалитетов

Вилачева Мария Николаевна

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
vilacheva.m@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе формально-юридического метода исследования норм Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», региональных законов и актов органов местного самоуправления анализируется одна из форм реализации права на дошкольное образование – семейное дошкольное образование. Автор аргументирует тезис о том, что правовое регулирование данной формы на сегодняшний день фактически не реализуется, отсутствует порядок взаимодействия семьи с дошкольными образовательными организациями, консультативными центрами. Для преодоления этих негативных тенденций можно использовать опыт ряда муниципальных образований, развивающих систему семейного дошкольного образования.

Ключевые слова: образование, дошкольное образование, право на образование, семейное образование, формы дошкольного образования

Для цитирования: Вилачева М. Н. Проблемные аспекты правового регулирования семейного дошкольного образования в Российской Федерации: опыт муниципалитетов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 122–125.

Original article

Problematic aspects of the legal regulation of family preschool education in the Russian Federation: the municipalities experience

Vilacheva Maria N.

Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia, vilacheva.m@yandex.ru

Abstract. The article, based on the formal legal method of studying the norms of the Federal Law «On Education in the Russian Federation», regional laws and acts of local governments, analyzes one of the forms of realizing the right to preschool education – family preschool education. The author argues that the legal regulation of this form is not actually implemented today; there is no procedure for interaction between families and preschool educational organizations and advisory centers. To overcome these negative trends, one can use the experience of a number of municipalities that are developing a system of family preschool education.

Keywords: education, preschool education, the right to education, family education, forms of preschool education

For citation: Vilacheva M. N. Problematic aspects of the legal regulation of family preschool education in the Russian Federation: the municipalities experience // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 122–125.

В Российской Федерации внедрен уникальный опыт – право человека на общедоступное и бесплатное дошкольное образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации)¹.

Однако любое закрепление лишено смысла, если не будет обеспечена его надлежащая правовая регламентация, более детально раскрывающая субъекты соответствующих правоотношений, объекты, содержание правомочий, формы и стадии реализации права и т. д. Исключением не является и право на дошкольное образование, которому в ключевом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об образовании») непосредственно посвящена лишь ст. 64². В ней дается краткая характеристика целей дошкольного образования, значение образовательных программ дошкольного образования, указано на отсутствие в них итоговой и промежуточной аттестаций.

Для нас представляется весьма любопытным, что в ч. 3 ст. 64 ФЗ «Об образовании» закрепляется возможность родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся обеспечивать получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования. Аналогичный посыл встречается в ст. 17 этого же федерального закона, где указано, что дошкольное образование может быть получено:

1) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность (сюда же согласно ст. 35 ФЗ «Об образовании» можно отнести получение образования у индивидуальных предпринимателей);

2) вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в форме семейного образования).

В отличие от советского наследия, когда под дошкольным образованием понималась не реализация образовательной программы, а присмотр и уход за ребенком, на современном этапе возникает потребность в доступности рассматриваемого этапа образования через его индивидуализацию, способная повысить его эффективность [1, с. 8]. Этот процесс невозможен без сочетания двух форм – семейной и альтернативной, о чем гласит один из базовых принципов образования, закрепленный в п. 4 ст. 17 ФЗ «Об образовании». Потенциал второй законодательно-установленной формы получения дошкольного образования в семье обладает значительными перспективами, однако на сегодняшний день отсутствует детальное законодательное регулирование вопросов его получения.

В ФЗ «Об образовании» зафиксированы лишь основные права и гарантии получения общего образования в семье (например, право лиц, осваивающих основную образовательную программу в форме се-

мейного образования, на прохождение промежуточной и государственной итоговой аттестации экстерном), а также некоторые обязанности родителей (законных представителей) обучающихся и органов государственной власти субъектов РФ (в частности, информирование родителями органа местного самоуправления муниципального района или городского округа, на территориях которых они проживают о выборе в пользу семейного образования, и постановка детей на учет соответствующими органами).

Весьма спорным видится подход законодателя, который отводит регулированию вопроса предоставления дошкольного образования в семье только лишь одну статью, в которой больше говорится о необходимости оказания помощи родителям, нежели об организации данной формы в целом.

Бесспорно, такая помощь действительно требуется, ведь согласно исследованиям в области педагогики и психологии при реализации формы дошкольного семейного образования родители сталкиваются с формальными (образовательно-компетентностными) и психологическими трудностями [2, с. 121]. В первом случае они возникают из-за отсутствия у родителей специализированного педагогического образования, особенно если ребенку требуется коррекционные (или инклюзивные) методики обучения и воспитания, а психологическая поддержка особенно актуальна для семей, воспитывающих первого ребенка.

Осознавая разницу в образовательном процессе, когда его осуществляет специалист-педагог, психолог, врач или родитель (не имеющий специального образования), законодатель внедряет в ФЗ «Об образовании» норму о возможности получения родителями (законными представителями), методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи без взимания платы дошкольными образовательными и общеобразовательными организациями. При этом достаточно странным выглядит подход законодателя, который ставит эту возможность в зависимость от наличия в дошкольных образовательных и общеобразовательных организациях консультационных центров (ч. 3 ст. 64 ФЗ «Об образовании»). Эти же позиции нашли свое отражение в локальных нормативных правовых актах в некоторых регионах Российской Федерации³.

Поскольку указанная норма не имеет императивного характера и не обязывает дошкольные об-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс: сайт.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Постановление Правительства ХМАО-Югры от 26 июля 2013 г. № 281-п (ред. от 29.04.2016) «Об оказании методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи родителям (законным представителям), обеспечивающим получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования, в том числе в дошкольных образовательных и общеобразовательных организациях» (вместе с «Положением об оказании методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи родителям (законным представителям), обеспечивающим получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования, в том числе в дошкольных образовательных и общеобразовательных организациях») // КонсультантПлюс: сайт.

разовательные учреждения на создание консультационных центров (поэтому они преимущественно и не создаются), родители лишаются возможности обращения за всем объемом требующейся помощи. Также данная норма не обязывает родителей посещать такие центры и получать необходимые знания в области методик дошкольного образования, психологических особенностей общения с детьми, форм коррекции диванного поведения и т. д.

Нежелание создавать консультативные центры (например, в Тюменской области для реализации формы семейного дошкольного образования внедрены лишь консультационные пункты для оказания социальных услуг, в Республике Башкортостан представлены только услуги по социальному сопровождению семей и др.) объясняется достаточно просто – существенной нагрузкой на работников дошкольной образовательной организации, которая никак не оплачивается.

Отсутствие на федеральном уровне норм, регулирующих порядок взаимодействия дошкольной образовательной организации с детьми, получающими дошкольное образование в форме семейного образования, неизбежно отражается и на отсутствии актов органов местного самоуправления, раскрывающих эту форму (кроме формального закрепления права родителей на выбор данной формы образования).

В тех муниципальных образованиях, где консультационные центры уже функционируют, к организации их деятельности подходят вариативно.

Существуют примеры, когда консультационным центром могут быть признаны отдельные помещения дошкольного образовательного учреждения (медицинский кабинет, кабинет психолога, методический кабинет), где проводятся консультации, тренинги, беседы, теоретические и практические семинары, лектории для родителей (законных представителей). В среднем они проходят от одного до трех раз в неделю согласно расписанию, утвержденному руководителем дошкольного образовательного учреждения. Для посещения ребенком таких консультаций необходимо предоставление медицинского заключения о допуске к посещению данного вида учреждения¹.

Иная ситуация в Санкт-Петербурге², где помимо консультационных центров при дошкольном образовательном учреждении функционируют информационно-методические центры, созданные как самостоятельные государственные бюджетные учреждения. Сопоставление данных о численности детей дошкольного возраста, проживающих в разных админи-

стративных районах Санкт-Петербурга, с данными о количестве дошкольников, не посещающих дошкольные образовательные организации, позволяет прогнозировать потребность в дальнейшем создании таких центров [3, с. 97].

Таким образом, мы видим попытки урегулирования посещения консультативных центров при дошкольных образовательных учреждениях на уровне муниципалитетов.

Родители имеют право в любой момент прекратить получение ребенком дошкольного образования в форме семейного образования. Только каким образом в подобной ситуации ребенку получить место в дошкольном образовательном учреждении, федеральный законодатель не прописывает. Судя по всему, потребуются заново проходить все административные процедуры и ждать очереди на зачисление, что сделать сложно, если ребенок должен получить место в середине учебного года, когда группы укомплектованы.

Считаем необходимым внедрить обязательную регистрацию семей, не реализующих форму дошкольного образования в образовательном учреждении по месту проживания, для включения их в состав возможной группы семейного типа или для направления в консультативный центр. Это позволит обеспечивать равный доступ к дошкольному образованию детей, обучающихся в дошкольной организации и в семье.

Сочетание различных форм дошкольного образования является подходящим и удобным вариантом обучения, когда, например, отдельные знания и навыки ребенок получает в дошкольном образовательном учреждении, а все остальные – в форме семейного образования. Такая ситуация, несомненно, способствует развитию ребенка, ведь, с одной стороны, он находится в комфортной для него среде, а с другой – дополнительно получает необходимые для жизни навыки.

Есть и весьма спорные подходы к регулированию семейного дошкольного образования муниципалитетами. Например, вольности в трактовке обязательной реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: «для семейного дошкольного образования, как и для других форм получения дошкольного образования, действует единый государственный стандарт дошкольного образования – временные (примерные) требования к содержанию и методам воспитания и обучения, реализуемым в дошкольном образовательном учреждении», так как, регулируемые муниципальными правотворцами, они так и остаются неясными³.

Видится еще более «экзотичной» последующая норма о том, что родители (законные представители) детей, реализующие основную общеобразовательную программу дошкольного образования, имеют

¹ Постановление Администрации Воловского муниципального района Липецкой обл. от 21 декабря 2011 г. № 459 «О Порядке организации и координации методической, диагностической и консультативной помощи семьям, воспитывающим детей дошкольного возраста на дому, в Воловском муниципальном районе» // КонсультантПлюс: сайт.

² Распоряжение Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга от 28 марта 2016 г. № 907-р «Об организации деятельности информационно-методических центров» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Постановление Администрации Рыбинского муниципального района от 12 апреля 2010 г. № 1244 «Об утверждении Положения о семейном дошкольном образовании» // КонсультантПлюс: сайт.

право подать в образовательное учреждение заявление на оказание образовательных услуг в форме семейного дошкольного образования. В ФЗ «Об образовании» о такой возможности ничего не говорится.

В данной ситуации, по аналогии с опытом Брянска¹, выделяется самостоятельная муниципальная услуга по предоставлению дошкольного образования по основной общеобразовательной программе дошкольного образования в семье, где основанием начала исполнения административной процедуры является уведомление о выборе формы дошкольного образования, направленное родителями (законными представителями) ребенка в письменной или электронной форме в управление образования городской администрации. Как получает дошкольное образование ребенок, родители которого не направили соответствующее заявление, остается неизвестным.

Попытка урегулирования деятельности консультационного центра как услуги предполагает элементы ее возмездного характера. На кого в таком случае возлагается бремя оплаты, остается не вполне понятным. Хотя распространенной практикой является включение расходов на образовательную деятельность, организованную специалистами консультационного центра, в сметы образовательных учреждений в пределах ассигнований на соответствующий финансовый год².

Предоставление образовательных услуг по индивидуальному сопровождению развития детей от одного года до шести лет, не посещающих образовательные учреждения, реализующие общеобразовательные программы дошкольного образования, осуществляется за счет средств родителей (законных представителей). Другими словами, на уровне консультационных центров устанавливается триада услуг и функций в сфере дошкольного образования: бесплатная консультативная помощь, присмотр и уход, реализация индивидуальной программы дошкольного образования, предоставляемых за счет средств родителей.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что правовое регулирование получения дошкольного образования в семье фактически не реализуется. Отсутствует порядок взаимодействия семьи с дошкольными образовательными организациями,

¹ Постановление Брянской городской администрации от 13 августа 2020 г. № 2060-п «Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного образования муниципальными дошкольными образовательными учреждениями городского округа город Брянск» // КонсультантПлюс: сайт.

² Постановление Правительства Ленинградской области от 4 марта 2014 г. № 40 (ред. от 27.06.2016) «О предоставлении методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи родителям (законным представителям), обеспечивающим получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования, в том числе в дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях Ленинградской области» // КонсультантПлюс: сайт.

который объективно необходим по нескольким причинам:

1) если речь идет об обучении в семье, а не только воспитания, должна реализовываться программа дошкольного образования;

2) дошкольную образовательную программу родители не могут разработать самостоятельно;

3) родители не являются профессиональными педагогами, воспитателями, медиками и т. д., поэтому требуется взаимодействие с дошкольной образовательной организацией при реализации выбранной программы дошкольного образования, которая определяется в зависимости от того, какая дошкольная образовательная организация курирует семью.

Чтобы дошкольные образовательные организации были более заинтересованы в создании консультационных центров, курирующих семьи, необходимо вводить их дополнительное финансирование пропорциональное количеству воспитанников в них. Кроме того, требуется изменить формулировку законодательной нормы об обязательном создании при дошкольной образовательной организации консультационного центра, придав ей императивность.

Библиографический список

1. Цыганкова Л. А. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления в сфере дошкольного образования // Политика, экономика и инновации. 2020. № 4 (33). С. 8.
2. Селиверстова О. И. Правовые проблемы и перспективы развития семейной формы образования // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 120–131.
3. Задворная М. С. Исследование качества деятельности консультационных центров, функционирующих в дошкольных образовательных организациях // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-1. С. 97.

References

1. Tsygankova L. A. Actual problems of state and municipal management in the field of preschool education // Politics, economics and innovations. 2020. № 4 (33). P. 8.
2. Seliverstova O. I. Legal problems and prospects for the development of the family form of education // Journal of Russian Law. 2021. No. 5. Pp. 120–131.
3. Zadvornaya M. S. A study of the quality of the activities of consulting centers operating in preschool educational organizations // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 67-1. P. 97.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья
УДК 342.7

Становление и развитие конституционного обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка в Российской Федерации

Лихова Алена Александровна
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, lichovaalena@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день права и законные интересы ребенка являются приоритетным направлением государственной политики многих демократических стран, в том числе и Российской Федерации. В начале XX века стал формироваться институт прав и законных интересов человека, а уже позднее в отдельную правовую категорию были выделены дети, от воспитания которых зависит будущее человечества и государства. В настоящей статье рассматривается поэтапное становление и развитие института конституционного обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка в России: от восприятия ребенка как объекта, нуждающегося в особой защите со стороны государства, общества и его родителей, до принятия его в качестве самостоятельного субъекта правовых отношений.

Ключевые слова: история развития института прав и законных интересов ребенка; ребенок – объект, нуждающийся в особой защите; ребенок – самостоятельный субъект прав; обеспечение прав и законных интересов; защита прав и законных интересов; конституционализация прав

Для цитирования: Лихова А. А. Становление и развитие конституционного обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 126–129.

Original article

Formation and development of constitutional provision and protection of the rights and legal interests of the child in the Russian Federation

Likhova Alyona A.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russia,
lichovaalena@mail.ru

Abstract. Today, the rights and legitimate interests of the child are a priority direction of state policy in many democratic countries, including the Russian Federation. At the beginning of the twentieth century, the institution of human rights and legitimate interests began to take shape, and only later children were identified as a separate legal category, on whose upbringing the future of humanity and the state depends. This article examines the gradual formation and development of the institution of constitutional provision and protection of the rights and legitimate interests of the child in Russia: from the perception of the child as an object in need of special protection from the state, society and his parents, to his acceptance as an independent subject of legal relations.

Keywords: history of the development of the institution of rights and legitimate interests of the child; a child is an object in need of special protection; a child is an independent subject of rights; ensuring rights and legitimate interests; protection of rights and legitimate interests; constitutionalization of rights

For citation: Likhova A. A. Formation and development of constitutional provision and protection of the rights and legal interests of the child in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 126–129.

В начале XX в. в обществе возник интерес к правам и законным интересам детей. Превалировала тенденция осознания ребенка как части общества, как взрослого человека, но только с не развитыми в полную меру в силу возраста интеллектуальными (умственными) и физическими возможностями. Соответственно, именно в этот период стал развиваться институт прав ребенка в современном его понимании. В частности, принимались меры по защите прав детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, например, оставшихся без родителей. Однако практически до конца XX в. ребенок воспринимался как объект, нуждающийся в особой защите, и рассматривался через призму его отношений с родителями, а после и через призму полезности обществу и государству.

23 апреля 1906 г. в Российской империи были приняты Основные Государственные Законы, состоявшие из 2 разделов, 17 глав и 223 статей. Фактически они стали первой Конституцией России и были изданы Всероссийским Императором, но при этом данный нормативный акт не принимался ни народом, ни народными представителями. Основной их целью было установление и регулирование модели управления в государстве, определение полномочий Императора и Парламента, созданного Манифестом от 17 октября 1905 г.¹, а также закрепление некоторых прав и обязанностей российских подданных, к примеру, неприкосновенность жилища и неприкосновенность собственности. При этом внимание правам детей в указанных законах не уделялось, единственное упоминание было о совершеннолетии некоторых категорий населения. Примечательно также то, что законы не устанавливали возраст совершеннолетия в целом для населения, он устанавливался для отдельных категорий, при этом для каждой из них он был разный. Так, например, совершеннолетие для наследника престола наступало в 16 лет². Для Князя и Княжны с титулом Высочества – с 20 лет, однако если указанные лица вступили в брак до достижения этого возраста, то они считались совершеннолетним с первого дня брака. Для Князя и Княжны с титулом Светлости возраст совершеннолетия был установлен с 21 года.

Следующим важным шагом на пути к становлению института обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка стало принятие в 1918 г. Конституции РСФСР³. Н. Е. Борисова обращает внимание на то,

что первые декреты, принятые в доконституционный период (10 июля 1918 г.), по существу были конституционными, носили учредительный характер [1, с. 99].

Указанная конституция впервые закрепляла право на полное бесплатное образование, наличие которого (с учетом того, что оно могло быть защищено в судебном порядке) рассматривается в качестве значительного потенциала для становления и развития института обеспечения и защиты прав детей. Это объясняется, прежде всего, важностью образования как основополагающего права, осуществление которого является условием для реализации других прав, прежде всего, это право на здоровье, в частности физическое и психическое.

Придание конституционной значимости правам, в частности, праву на образование, сопровождается развитием отраслевого законодательства. Примером может являться декрет Совета Народных Комиссаров от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности в РСФСР», который вменял в обязанность всему населению советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющему читать или писать, учиться грамоте на родном или на русском языке⁴. Все это свидетельствует о том, что на начальном этапе конституционного развития прав человека уделялось внимание важности получения образования, поскольку это считалось основой для развития личности, обеспечения прав и законных интересов граждан.

Следующим шагом на пути совершенствования правового регулирования прав детей стало принятие в 1925 г. Конституции РСФСР, которая, как и предыдущая, предоставляла полное и бесплатное образование трудящимся⁵, что на тот момент являлось приоритетным направлением государственной политики. При этом данное Конституцией 1925 г. право толковалось более широко в силу того, что оно выходило за рамки школьного и среднего профессионального образования, то есть населению была предоставлена возможность вне зависимости от половой принадлежности с 16 лет получить высшее образование⁶.

После принятия Конституции РСФСР 1925 г., а также в связи с преобразованиями, происходящими в обществе, в частности, с возникновением необходимости некоторых изменений семейного законодательства, в 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке⁷, который закрепил, что роди-

consultant.ru.

¹ Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. пр. доц. Н. И. Лазаревского. СПб.: юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150–151.

² Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/fundgoszak1906>

³ Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской республики, которая принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>

⁴ Декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592.

⁵ Постановление XII Всероссийского Съезда Советов «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР: (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») от 11 мая 1925 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

⁶ Там же.

⁷ Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>

тели должны действовать исходя из интересов своих детей. Тем самым впервые утверждался принцип исключительности прав и интересов детей. Родители выступали как воспитатели и должны были заботиться о подготовке детей к общественно-полезной деятельности. В указанном кодексе появилась глава, посвященная институту усыновления, действие которого допускается исключительно в интересах детей (малолетних и несовершеннолетних). Процедура усыновления стала возможна даже в отношении детей, у которых были не лишены родительских прав родители, опекуны, попечители, но в этом случае необходимо стало получить их согласие. Также усыновление детей, достигших 10-летнего возраста, не допускалось без их согласия. При том, что внимание уделяется институту опеки и попечительства, круг лиц, которые могли быть опекунами, сужался. В частности, ими не могли быть несовершеннолетние, лица, лишены родительских прав судом, лица, интересы которых противоречат интересам детей, а также категория лиц, установленная ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г. Помимо этого, Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. определял перечень лиц, которые обязаны были извещать в трехдневный срок о необходимости опеки над несовершеннолетними. Таким образом, права детей рассматривались через призму отношений между родителями и между родителями и детьми. В основном развивалась система так называемого устройства ребенка, поэтому внимание уделяется не столько обеспечению и защите прав детей, сколько совершенствованию института опеки и попечительства и введению института усыновления.

Революция и Гражданская война (первая четверть XX в.) привели к экономической разрухе, разрушению государственных основ. Эти факторы влияли на уровень жизни населения страны в целом и не позволяли женщине в полной мере реализовать себя как мать. В связи с этим с 18 ноября 1920 г. в СССР разрешили производство аборт (искусственное прерывание беременности). Но уже во второй четверти XX в. государство обеспокоилось не только демографической проблемой, но и уровнем культуры населения, в том числе и женщин, которые, в первую очередь, несли ответственность за рождение и воспитание детей. Однако, признавая аборт социальным злом, недостаточно было принять закон, запрещающий их производство, необходимо было создать соответствующую социальную защиту матерей и детей¹. В этой связи женщине наравне с мужчинами предоставлялись права полноправного члена общества. При этом важно было материально обеспечить женщин и их детей, оказать поддержку со стороны государства много-

детным, установить минимум суммы (алиментов), которую должен платить отец ребенка – все это, безусловно, влияло на то, чтобы ребенок мог полноценно развиваться. Помимо указанного государство должно было максимально развивать сеть родильных домов, детских яслей и детских садов. Именно в этот период разрабатывались и осуществлялись некоторые социальные меры, направленные на поддержку материнства и детства, в частности были установлены пособия многодетным матерям, имеющим более 6 детей и более 10 детей (разные суммы). Также в целях улучшения материального положения рожениц была увеличена сумма пособия для покупки необходимых предметов для новорожденного. Беременность женщины не могла служить поводом для отказа в приеме на работу, за это устанавливалось уголовное наказание.

Следующим важным шагом стало принятие в 1937 г. Конституции РСФСР, которая закрепила право на образование, реализуемое через предоставление бесплатного обязательного восьмилетнего образования, а также через возможность получения профессионально-технического, среднего специального и высшего образования. Отличительной особенностью данной конституции стало закрепление большого количества прав и гарантий гражданина. Помимо этого, впервые в Основном Законе нашло отражение право на охрану, защиту прав ребенка со стороны государства. По нашему мнению, это важный шаг на пути к становлению института правового обеспечения и правовой защиты ребенка. Однако Н. Е. Борисова указывает, что «будучи прогрессивным шагом в конституционном обеспечении прав ребенка, государственная охрана интересов матерей и детей выступает здесь только в качестве гарантии, способа обеспечения женщине равных с мужчиной прав во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» [1, с. 104]. Хотя конституция и устраняла некоторые противоречия, но «по-прежнему речь шла не о правах человека вообще, а о правах «советского человека», предоставляемых ему властью, об их поднадзорной реализации» [2, с. 35].

В 40-е гг. XX столетия ситуация в мире и в нашей стране диктовала свои условия. В период Великой Отечественной войны на фоне всеобщей угрозы жизни, незабываемости и суверенитету государства особое внимание уделялось обороноспособности страны, развитию и совершенствованию военной техники, оружия. Большие потери коснулись каждой семьи, каждого человека. Многие дети остались без попечения своих родителей, некоторые потеряли не только родителей, но и всех близких родственников. Война не пощадила никого. Государственные органы во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы помогали детям, устраивали их жизнь, находили новые дома, где они будут жить, и семьи, в которых они будут воспитываться. Именно в этот период увеличилось количество безнадзорных и

¹ Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

беспризорных несовершеннолетних, поэтому борьба с данным явлением стала одним из приоритетных направлений государственной политики СССР.

Безусловно, развитие законодательного закрепления прав детей возможно только после установления экономической и политической стабильности в стране, на что требовалось определенное время.

Только спустя 20 лет государство сделало следующий шаг на пути к конституционному обеспечению и защите прав и законных интересов детей – приняло в 1978 г. Конституцию РСФСР. Однако это не означает, что в эти годы отраслевое законодательство не развивалось. Именно данная конституция впервые определила отношение социалистического общества к «ячейке общества» и установила некоторые материальные и моральные основы поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Так была закреплена обязанность родителей по проявлению особой заботы о детях, их воспитанию, подготовке к самостоятельной жизни, приучению к полезному труду. В целях заботы о подрастающем поколении Конституция РСФСР 1978 г. запрещала детский труд, который не был связан с обучением и трудовым воспитанием.

Таким образом, ребенок снова рассматривался как потенциально полезная для государства и общества личность. Реализация всех его прав допускалась только в рамках строительства социализма, и он не выступал самостоятельным субъектом прав.

Новый этап развития института прав и законных интересов ребенка в России начался с принятия в 1993 г. Конституции РФ, которая стала первым Основным Законом, закрепившим в качестве высшей ценности человека его права и свободы. В ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации гарантируется оказание государственной поддержки институту семьи, детства, материнства, отцовства. Россия, ратифицировавшая в 1990 г. Конвенцию о правах ребенка 1989 года, создала такие условия, которые способствовали развитию личности ребенка и его творческого потенциала. В Российском законодательстве стали употребляться такие термины, как «несовершеннолетние», «дети», «ребенок», как мы полагаем, это категория граждан от 0 до 18 лет (до совершеннолетия).

Часть 1 ст. 38 Конституции РФ провозглашает, что под государственной защитой находятся материнство, детство, семья.

Впервые в действующей конституции (ч. 4 ст. 67.1) закреплён приоритет детей в государственной политике России¹. Указанное положение в очередной раз подтверждает их особое положение и вызывает необходимость совершенствования созданных на сегодняшний день условий для полноценного развития (интеллектуального, физического, психологического) ребенка как личности со стороны государства.

Дети – это особая правовая категория, защита и обеспечение прав которой должны быть первоочередной задачей государства. Подрастающее поколение – это будущее человечества, поэтому от такого, как сформируется личность ребенка, какие нравственные качества будут привиты и развиты, будет зависеть дальнейшее развитие не только общества, но и государства.

Подводя итоги краткого обзора истории конституционного развития прав ребенка, необходимо сказать, что в начале XX в. формировались и закреплялись конституционные права детей, изначально уделялось внимание лишь тем, которые гарантировались всем гражданам Советского союза. В последующем стало уделяться особое внимание институту детства, материнства и отцовства. И только в современной России сформировался устойчивый институт обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего. Дети были признаны особым правовым субъектом, и защита и обеспечение их прав стали главной задачей государства.

Библиографический список

1. Борисова Н. Е. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации: Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 379 с.
2. Ростовщиков И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград: Изд-во ВЮИ МВД России, 1997. 197 с.

References

1. Borisova N. E. Constitutional foundations of the legal status of minors in the Russian Federation: Problems of theory and practice: dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2005. 379 p.
2. Rostovshchikov I. V. Personal rights in Russia: their provision and protection by internal affairs agencies. Volgograd: Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. 197 p.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Научная статья
УДК 343.85

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как один из субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений в Свердловской области: проблемы и пути совершенствования

Алимпиев Сергей Александрович
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, Alimpuss@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются функции комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как одного из субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений в Свердловской области. Особое внимание уделяется некоторым проблемам, негативно влияющим на эффективность защиты прав и законных интересов детей и подростков. Высказываются рекомендации, которые возможно позволят увеличить степень защищенности несовершеннолетних.

Ключевые слова: детство, ребенок, травма, сирота, семья, родители, взаимодействие, лечение, предупреждение, власть, практика, модель, пресечение, информация, досуг, государство, здоровье, несовершеннолетний, общество, негативное отношение, безнадзорность, опекуны, безопасность, школа

Для цитирования: Алимпиев С. А. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как один из субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений в Свердловской области: проблемы и пути совершенствования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 130–133.

Original article

Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as one of the subjects of prevention of neglect and delinquency in the Sverdlovsk region: problems and ways of improvement

Alimpiev Sergey A.
Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, Alimpuss@mail.ru

Abstract. The article examines the functions of the commission on juvenile affairs and the protection of their rights as one of the subjects of prevention of neglect and delinquency in the Sverdlovsk region. Particular attention is paid to some problems that negatively affect the effectiveness of protecting the rights and legitimate interests of children and adolescents. Recommendations are being made that may improve the level of protection for minors.

Keywords: childhood, child, trauma, orphan, family, parents, interaction, treatment, prevention, executive authorities, subject, prevention, information, leisure, state, health, minor, society, negative attitude, neglect, guardian, safety, school

For citation: Alimpiev S. A. Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as one of the subjects of prevention of neglect and delinquency in the Sverdlovsk region: problems and ways of improvement // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 130–133.

Деятельность территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – территориальная комиссия, комиссия) притягивает к себе общественное внимание, порой порождает критику и одновременно остается одним из важнейших правовых инструментов в работе с различными негативными и противоправными факторами, влияющими на благополучное развитие ребенка. Как совершенно справедливо отмечают некоторые ученые, современная действительность, состояние и структура преступности несовершеннолетних, особые последствия нарушения прав детей диктуют необходимость внедрения новых и эффективных методов защиты их прав и интересов и устранения существующих проблем [1]. Здесь важно безотлагательно, оперативно и эффективно противодействовать как уже существующим угрозам, так и новым обстоятельствам, которые могут стать угрозой для жизни и здоровья ребенка.

Для качественного выполнения поставленных задач территориальные комиссии обязаны анализировать выявленные органами и учреждениями системы профилактики причины и условия безнадзорности и принимать меры по их устранению, формировать составы межведомственных рабочих групп по изучению деятельности органов и учреждений системы профилактики, межведомственные планы (программы, порядки взаимодействия) по наиболее актуальным направлениям профилактики безнадзорности несовершеннолетних, защиты их прав и законных интересов. Результаты работы территориальных комиссий видятся в принятии мер по совершенствованию и повышению эффективности деятельности органов и учреждений системы профилактики.

Одним из важных направлений деятельности указанных комиссий является работа по повышению эффективности мероприятий в ходе обеспечения комплексной безопасности детей на территории муниципальных образований. Примером тому служит ситуация, сложившаяся в 2023 г. на заседании территориальной комиссии Режевского района в рамках рассмотрения вопроса «О состоянии комплексной безопасности образовательных учреждений как условия обеспечения прав детей на получение образования на территории Режевского городского округа»¹, где должным образом были проанализированы и приняты к исполнению рекомендации органов государственной власти и местного самоуправ-

ления. Здесь важно, что в ходе своей деятельности территориальная комиссия выработала модели взаимодействия, направленные на внедрение новых приемов предупреждения отклоняющегося поведения, что позволило устранить правовой пробел, допущенный в Постановлении Правительства Свердловской области², которым введено понятие «представление» без раскрытия его формы и содержания.

Также в качестве положительного момента, следует отметить, что значительной частью территориальных комиссий налажено взаимодействие с другими государственными органами по вопросу маршрутизации малолетних детей, помещаемых в лечебные учреждения и учреждения социальной защиты вследствие выявления случаев их неблагополучия (безнадзорности). Акты о выявлении безнадзорных детей направляются полицией в территориальную комиссию и в орган опеки в строго установленные законом сроки. Это позволяет повысить оперативность реагирования уполномоченных ведомств на случаи помещения безнадзорных детей в лечебные учреждения. Так, если ранее отмечалась неоправданно длительное нахождение детей в больницах (от 5 до 6 месяцев, а иногда и более), то в 2023 г. появилась тенденция к улучшению данной ситуации. В настоящее время малолетние дети помещаются в медицинские учреждения и находятся там, как правило, не более двух недель, либо изначально оформляются в специальные изоляторы для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Возврат детей происходит по решению территориальной комиссии в течение 3–7 дней.

Кроме того, на сегодняшний день наблюдается тенденция, связанная с увеличением количества поручений территориальных комиссий, адресованных иным субъектам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Данное обстоятельство является положительным фактором, потому что оперативное реагирование на случаи неблагополучия несовершеннолетних позволяет предотвратить ситуации, связанные с их социально опасным положением или даже положением, угрожающим жизни и здоровью ребенка.

В качестве недостатка в организации работы территориальных комиссий по вопросам координации мероприятий, обеспечивающих безопасность детей

¹ Постановление Правительства Свердловской области от 20 октября 2014 г. № 897-пп «Об утверждении положения о территориальной комиссии Режевского района по делам несовершеннолетних и защите их прав». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Постановление Правительства Свердловской области от 29 апреля 2021 г. № 263-ПП «Об утверждении Порядка рассмотрения территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав материалов (дел), не связанных с делами об административных правонарушениях». URL: <http://www.consultant.ru>.

на территории муниципалитетов, следует отметить проблемы информационного взаимодействия их с лечебными учреждениями и органами управления образованием. Например, ежеквартальные постановления территориальных комиссий показывают, что не проводится должный анализ случаев получения травм, соответствующие сведения из больничного учреждения не запрашиваются. Значит, невозможно установить, где наиболее часто и при каких условиях несовершеннолетние получают травмы: на улице, дома, в школе, на дороге, в результате занятий спортом, игр, пожаров или на водоемах и т. д. Как следствие, нет возможности акцентировать профилактические усилия ответственных ведомств на наиболее неблагополучных участках, выделить зоны риска нахождения детей. При этом следует отметить, что общая структура детского травматизма в Свердловской области указывает на то, что большая часть носит бытовой и уличный характер, т. е. механизм регулирования рисков получения травм находится большей частью в семье. Но территориальными комиссиями данная ситуация не анализируется, информация о семьях детей, получивших травмы, в лечебных учреждениях не запрашивается. Также как и не всегда изучаются причины высокого уровня уличного и школьного травматизма.

Кроме того, если сведения о травмированных детях и поступают из лечебных учреждений, то они не всегда сверяются с данными образовательных организаций и учреждений социальной политики, культуры и спорта. В результате чего картина, представляющая состояние детского травматизма на территории муниципалитетов, недостаточно объективна, так как сведения, поступающие из школ и больниц, значительно разнятся. При этом в постановления территориальных комиссий включают только краткую информацию из лечебного учреждения, а в решениях прописываются лишь общие фразы о необходимости анализа ситуации и необходимости принятия мер без указания конкретных мероприятий, которые бы способствовали снижению травматизма. Как следствие, объективная картина по первичным причинам детского травматизма в выводах комиссий отсутствует, что не позволяет выработать эффективные меры профилактики несчастных случаев.

Важным направлением работы территориальных комиссий остается контроль за реализацией мероприятий в рамках операции «Безопасность детства». С этой целью необходимо периодически знакомиться с существующим положением дел непосредственно на объектах детства, включая инфраструктуру городов. Однако деятельность территориальных комиссий в этом направлении должным образом не организована. Вопросы обеспечения комплексной безопасности детей во время их нахождения в детских учреждениях не рассматриваются. Недостаточно внимания уделяется контролю состояния заброшенных (недостроенных) объектов на территории городских округов и проверке комплексной безопасности учреждений для детей.

Чаще всего, ознакомление с ситуацией на той или иной территории Свердловской области осуществляется только в образовательных организациях и только по направлению профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Количество посещений учреждений социальной политики, здравоохранения, культуры, молодежной политики и органов внутренних дел членами комиссий остается минимальным. Территориальным комиссиям важно не забывать о необходимости обмена информацией между субъектами системы профилактики.

В территориальные комиссии практически не поступают данные о детях, находящихся в социально опасном положении. Соответственно, ими не предлагаются варианты проведения работы в отношении несовершеннолетних или семей с детьми в целях оказания им помощи по выходу из трудной жизненной ситуации или восстановлению нарушенных прав и законных интересов ребенка. В основном данные документы поступают только из органов внутренних дел.

При этом индивидуально-профилактическая работа территориальными комиссиями проводится на удовлетворительном уровне. Соответствующая документация оформляется. Результаты этой работы отражаются в рамках постановлений. В то же время эффективность профилактических мероприятий недостаточна, поскольку родители в данную работу вовлекаются не всегда, их зачастую не знакомят с программами работы с их детьми. Например, территориальные комиссии слабо реализуют свое право на инициирование учреждениями социальной защиты разработки индивидуальных программ социальной реабилитации [2], как того требует закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что рассмотренный нами субъект предупреждения негативного социального поведения детей не в полной мере выполняет те задачи и полномочия, которые на него возложены [3]. Соответственно, сложившаяся практика снижает правозащитные функции территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и нуждается в принятии соответствующих управленческих решений.

Библиографический список

1. Кузнецова И. О., Борисова В. Ф., Спесивов Н. В. Эффективность деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в аспекте новейших тенденций защиты прав детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). 68 с.
2. Куликова Е. В. Социальная реабилитация детей, находящихся на учете комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав // Молодой ученый. 2020. № 11 (301). 168 с.

¹ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Дорофеева Ж. П., Кива С. Н. Роль и место некоторых субъектов государственной системы профилактики в осуществлении защиты прав детей // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 4. 22 с.

References

1. Kuznetsova I. O., Borisova V. F., Spesivov N. V. The effectiveness of the activities of commissions for minors and the protection of their rights in the aspect of the latest trends in the protection of children's rights // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 6 (149). 68 p.

2. Kulikova E. V. Social rehabilitation of children registered with the commission for minors' affairs and protection of their rights // Young scientist. 2020. No. 11 (301). 168 p.

3. Dorofeeva Zh.P., Kiva S.N. The role and place of some subjects of the state prevention system in the implementation of the protection of children's rights // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2018. No. 4. 22 p.

Информация об авторе

Алимпиев Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about author

Alimpiev Sergey A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья
УДК 343.9

Характеристика способов сокрытия тайников («закладок») с наркотическими средствами на основе анализа практики

Борисова Оксана Владимировна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Oksanka.borisova.90@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены виды тайников («закладок») с наркотическими средствами, приведены примеры из правоприменительной практики и иллюстрации. Кроме того, раскрыты наиболее распространенные способы фасовки и упаковки наркотических средств в соответствии с их видами. На основе изучения судебно-следственной практики автором предложена классификация тайников, формируемых участниками процесса сбыта наркотических средств.

Ключевые слова: сбыт наркотиков; тайники («закладки») с наркотическими средствами; выявление преступлений; раскрытие преступлений; незаконный оборот наркотиков

Для цитирования: Борисова О. В. Характеристика способов сокрытия тайников («закладок») с наркотическими средствами на основе анализа практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 134–139.

Original article

Characteristics Method of uncovering hiding places («stashess») with narcotic drugs based on analytical practice

Borisova Oksana V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
Oksanka.borisova.90@mail.ru

Abstract. The article discusses the types of caches (“stashess”) with narcotic drugs, described using examples of law enforcement practice and illustrations. In addition, the most common methods of packaging and packaging of narcotic drugs in accordance with their types are disclosed. Based on the study of forensic investigative practice, the author proposed a classification of hiding places formed by participants in the process of selling narcotic drugs.

Keywords: drug sales; caches of («bookmarks») with narcotic drugs; detection of crimes; disclosure of crimes; drug trafficking

For citation: Borisova O. V. Characteristics Method of uncovering hiding places («stashess») with narcotic drugs based on analytical practice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 134–139.

Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств с каждым годом набирает обороты, становится более организованной и квалифицированной. В 2023 г. зарегистрировано 190,9 тыс. преступлений в данной сфере (это на 25 тыс. больше, чем в 2022 г.), 108,1 тыс. из них совершены с целью сбыта, две трети из них – с использованием сети Интернет и телекоммуникационных технологий¹. На сегодняш-

ний день является противодействие преступным элементам посредством эффективного выявления, пресечения, предупреждения и раскрытия преступлений в сфере сбыта наркотиков является важной задачей правоохранительных органов. Грамотные решения на первоначальном этапе способствуют выявлению большего числа преступлений и привлечению лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств, в связи с этим особое внимание следует уде-

¹ Статистическая отчетность за 2024 г. Форма: 1-МВ-НОН (171) // Портал ГИАЦ. (дата обращения: 04.03.2024).

лять своевременному установлению способа совершения данных преступлений.

Широкое использование в процессе совершения преступлений информационно-телекоммуникационных технологий и интернета обусловлено такими свойствами сети, как удаленность, неперсонифицированность, отсутствие централизации (единого управления), высокая латентность, транснациональный характер и др. [1, с. 20]. Именно это позволяет реализовывать преступный умысел максимально быстро и анонимно.

Наряду с установлением способов контролирования цифрового пространства необходимо работать и с физическими проявлениями преступности в окружающей среде способами создания и сокрытия тайников («закладок») с наркотическими средствами. Борьба с незаконным оборотом наркотических средств является важным фактором в области поддержания общественного порядка, формирования чувства защищенности от преступных посягательств. К сожалению, на сегодняшний день граждане не понаслышке знают о высоком уровне распространения наркотических средств тайниково-закладочным способом, могут видеть это в своих дворах и лесопарковых зонах, делают выводы и опасаются за состояние общественного порядка, жизнь и здоровье своих близких (особенно детей).

Проведенный анализ практической деятельности органов внутренних дел позволяет выделить разные виды тайников, формируемых в целях сбыта наркотических средств, а также критерии классификации способов их сокрытия.

Тайники («закладки») формируются в разных местах и при разных условиях. Специально выбранное для их формирования лицо («закладчик») действует по указанию третьих лиц либо самостоятельно выбирает место и способ создания тайника. В городском пространстве это могут быть подъезды домов, гаражи, столбы, клумбы, ограждения; в лесопарковой зоне они, как правило, формируются путем помещения (закапывания) свертков с запрещенными веществами в грунт.

Распространенными способами сокрытия являются:

1. «Прикоп» формирование с наименьшими визуальными изменениями полости в грунте специальными или подручными инструментами и помещение в нее герметичного свертка с наркотическим средством. Данный способ является характерным для размещения тайников в лесопарковой зоне, но используется и на придомовых территориях, и в гаражных массивах (рис. 1). В связи с тем, что для формирования подобных тайников часто используется подручный инструмент (отвертка, нож и пр.), необходимо обращать внимание на такие предметы при личном досмотре задержанного лица.



Рис. 1. Извлеченный из снега пакет со свертками, «прикоп»

2. «Магнит» незаметное крепление свертка с наркотическим средством на металлические предметы (столбы, ограждения, части зданий и т. п.) с помощью небольшого неодимового магнита, помещенного внутрь данного свертка (рис. 2, 3). Данный способ наиболее активно используется в городской среде, применяется для формирования тайников с небольшим количеством наркотических средств, редко превышающим 5 г вещества;



Рис. 2. Место обнаружения тайника («закладки») в металлическом швеллере (отмечено стрелкой)



Рис. 3. Извлеченный свертки с магнитом

3. «Муляж» подмена или прикрытие местонахождения наркотических средств бытовыми предметами, вносимыми или уже имеющимися в обстановке, своего рода маскировка (рис. 4, 5).



Рис. 4. Чехол для табурета со спрятанными внутри свертками



Рис. 5. Три свертка, извлеченные из чехла для табурета

Имеются и иные способы формирования тайников, которые зависят от местности, времени года или фантазии «закладчика». Например, часто используется гипс, при этом свертки с наркотическим средством помещаются внутрь «гипсового камня» (он может быть разного цвета – от белого зимой до темно-серого летом), который кладут у краев дороги, строительной площадки и т. п. (рис. 6, 7).



Рис. 6. Место обнаружения свертка, замаскированного под щебень



Рис. 7. Гипсовый «камень» со свертком внутри

В последнее время достаточно распространенным стало помещение свертка с наркотическим веществом в подогретый гудрон или сургуч, которые во внешней среде неотличимы от обычных камней, имеют схожую с асфальтом структуру. При изъятии подобных «камней» допустимо частичное отламывание части затвердевшего вещества для удостоверения факта нахождения в нем упаковки с запрещенными веществами. Часто используются и другие легко затвердевающие материалы – глина, пластилин и пр.

С появлением в осенне-зимний период сугробов преступники прибегают к креплению свертков на специально заготовленные верхушечные части веток деревьев, в дальнейшем размещая их путем установки именно в сугробе возле выбранных ориентиров. Нередко свертки с запрещенными веществами помещаются в выпиленные части ветвей деревьев.

Распространено помещение наркотических средств в металлические крышки от стеклянных бутылок, которые абсолютно незаметны при обследовании территории, и если нет достоверной информации о таком способе формирования тайника, то догадаться об их наличии сложно (рис. 8).



Рис. 8. Согнутые металлические крышки со свертками

На протяжении долгого времени преступниками используется следующий способ фасовки наркотических средств: помещение части вещества в прозрачные полимерные пакеты с застежкой типа «зиплок». Как правило, пакет с веществом помещается во второй такой же пакет, обматывается изоляционной лентой или заворачивается в термоусадочный материал. Часто внутрь такой упаковки кладут неодимовый магнит для последующей его фиксации на металлических поверхностях. Такой способ делает свертки универсальными для формирования любого из представленных выше тайников.

Такие наркотические вещества, как героин, метадон часто помещаются в фольгированные свертки. А вещества растительного происхождения в виде частей растений могут помещаться в полиэтиленовые пакеты без обматывания.

Представленные способы являются универсальными, однако прослеживается тенденция к различным изменениям, направленным на сокрытие свертков не только путем формирования тайников, но и путем размещения их в одежде или ручной клади

преступника. Так, при задержании следует обращать внимание на швы и свернутые элементы одежды, нижнее белье, естественные складки тела, головные уборы, поведение и речь задержанного (некоторые особенности поведения могут свидетельствовать о сокрытии веществ в полостях тела, например, во рту).

Необходимо понимать, что «закладчик» может как самостоятельно формировать свертки с веществом и заниматься его фасовкой из более крупной массы, так и получать уже готовые. В последнем случае он может и не знать, что именно находится в переданных ему упаковках. Зачастую это делается в случае, например, проверки оператором добросовестности «закладчика». При этом последнему сообщается вид вещества для дифференциации оплаты осуществляемой деятельности и более эффективного распространения. В дальнейшем все зависит от местности, «популярности» наркотика и предполагаемой массы вещества, а также от используемых ресурсов сети Интернет при самостоятельном размещении позиций для продажи.

Со способами совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств тесно связаны и способы сокрытия, которые в свою очередь могут быть разделены на три группы:

1) действия, выполняемые на стадии подготовки совершения преступления (разработка плана, обеспечение мер конспирации, выбор одежды);

2) действия, выполняемые в момент совершения преступления (приобретение наркотических средств через посредников, сокрытие мест изготовления и фасовки);

3) действия, выполняемые после совершения преступления (уничтожение следов формирования тайника, проработка поведения при задержании) [2, с. 17].

Сотрудникам правоохранительных органов при осмотре местности необходимо обращать внимание на следующие распространенные места создания тайников («закладок») с наркотическими средствами:

скрытые от посторонних глаз, безлюдные, не находящиеся в зоне видимости из окон жилых домов, офисов, машин на парковках;

бордюры, глубокие сколы в асфальте с землей внутри, отверстия в кирпичных стенах (если только есть, чем незаметно закрыть тайник);

рядом с какими-либо ориентирами (для облегчения последующего поиска);

рядом с деревьями (на расстоянии 15–20 см около ствола) при наличии рядом ориентира, например, куста;

полость в коре или углубления в стволе дерева;

клумбы возле углов домов, пешеходных дорожек, недалеко от подъездов, но не в прямой видимости из окон жилых домов, офисов, машин на парковках;

трубы, заборы, гаражи, земля или мелкий гравий возле них.

Работая на местности, следует учитывать, что расстояние между тайниками обычно не превышает 100 метров. Для обнаружения дополнительных фактов преступной деятельности необходимо обращать вни-

мание на нарушение целостности растительности, грунта, а также на схожие способы формирования тайников и пр.

В преступной среде существует негласный запрет на формирование тайников на расстоянии ближе 100 метров от мест со скоплением малолетних лиц (детские площадки, школы, детские сады и т. п.), кладбищ, религиозных мест (церкви, мечети и пр.) и мемориалов, мест расположения силовых структур и иных государственных органов. В случае нарушений «закладчиком» указанных предписаний существует система штрафов, например, не оплачиваются выполненные тайники или накладывается дополнительная оплата. Как правило, в таких местах к формированию тайников обычно прибегают лица, недавно начавшие свою преступную деятельность.

Кроме физических проявлений в окружающей среде наиболее богатым источником информации о причастности лица к незаконному обороту наркотических средств является мобильный телефон, который подлежит тщательному изучению как при задержании лица, так и в ходе предварительного расследования. В этом случае необходимо обладать некоторыми знаниями и навыками при работе с различными видами электронных устройств. В частности, сотрудникам полиции необходимо обращать внимание на установленные приложения, технические данные и особенности программного обеспечения различных марок телефонов. Так, для создания изображения, используемого в дальнейшем для продажи наркотических средств, «закладчики» применяют различные программы, оформляя в них фотографии местонахождения тайников («закладок») с наркотическими средствами. Например, с целью проставления GPS-координат расположения тайника используются «NoteCam», «GPSMapCamera», «Timestamp», «GPSPhotoNotes» и пр. Для нанесения различных указателей и отметок о конкретном местонахождении упаковки с наркотическим веществом обычно используются стандартные редакторы. Для описания тайника часто используются: стандартные редакторы – «GadoApps», «Over». Для хранения и отправки изображений используются «фотохостинги» и иные файловые хранилища с привязкой и без привязки к конкретному IP-адресу.

Необходимо учитывать, что при формировании тайника с наркотическим средством обычно выполняются две фотографии:

общий план, на котором должна быть видна окружающая обстановка, что значительно облегчит поиск конкретного места «закладки» (например, тонкое наклоненное дерево, фонарный столб и пр.) с обязательным проставлением отметки о ее местонахождении;

крупный план, показывающий близлежащие ориентиры, относительно которых можно определить местонахождение тайника (например, камень, комлевая часть дерева, куст и пр.), и сам сверток или его часть (опять же с соответствующей отметкой).

На рис. 9 и 10 представлены фотографии, изготовленные лицом, сформировавшим тайник («закладку») с наиболее распространенными реквизитами: GPS-координаты, проставленные в автоматическом режиме приложением «NoteCam»; отметки в виде точки и стрелки красного цвета, выполненные при помощи стандартного графического редактора, имеющегося на любом смартфоне.



Рис. 9. Оформленное фото общего плана



Рис. 10. Оформленное фото крупного плана

На похожие изображения в осматриваемых смартфонах следует обращать особое внимание, даже если фотографии еще не были подвергнуты обработке.

Установка вышеперечисленных программ на телефоне может свидетельствовать о причастности лица к незаконному обороту наркотических средств.

Для более глубокого понимания процесса незаконного оборота наркотических средств сотрудникам полиции предлагается придерживаться классификации тайников («закладок») по цели их формирования:

1. «Закладка», «клад» часто используемые названия для тайников, сформированных непосредственно для потребителя. Как правило, это готовое расфасованное вещество для конечного покупателя-потребителя наркотических средств. Формируется простым «закладчиком», вес вещества обычно не превышает 10 г.

2. «Мастер-клад» тайники со свертками, предназначенными для «закладчиков». Как правило, внутри них находятся более мелкие свертки, готовые для дальнейшего распространения, или вещество, предназначенное для самостоятельной фасовки (рис. 11, 12). Масса вещества в данных свертках может быть от 5 до 50 г. Такой вид тайников формируется более опытными закладчиками или лицами, занимающимися

ся хранением и перемещением крупных партий наркотических средств, именуемыми «складменами».



Рис. 11. «Мастер-клад» с маркировочными обозначениями содержимого



Рис. 12. Извлеченное содержимое «Мастер-клада»

3. «Оптовый клад» тайник с веществом, предназначенным для «складменов», «кладовщиков» в целях перемещения крупных партий наркотических средств в другие регионы, населенные пункты для хранения и дальнейшего распространения. Вес вещества в этом случае может измеряться килограммами. Как правило, подобные тайники формируются в специально оборудованных и заранее оговоренных местах в лесных массивах на достаточном удалении от населенных пунктов и маршрутов патрулирования сотрудников правоохранительных органов.

Следует понимать, что способов формирования тайников может быть множество, в связи с чем у силовых структур возникают трудности с установлением конкретных предметов, являющихся «закладками» с наркотическими средствами. Как показывает практика, даже самые неожиданные вещи в тот или иной момент могут играть роль тайника и, соответственно, расцениваться как факты преступной деятельности. Для получения дополнительной информации необходимо постоянное взаимодействие между сотрудниками патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной службы и подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Кроме того, немаловажную роль в раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств играют контакты с лицами, несущими службу на других территориях, в других городах и регионах.

Изучение способов сокрытия и целей формирования тайников («закладок») с наркотическими средствами помогают сотрудникам органов внутренних дел без достаточного опыта ориентироваться в способах совершения преступлений и эффективно фиксировать факты их совершения, а при получении оперативной информации должным образом реагировать и принимать результативные решения. Использование представленной классификации в образовательных целях будет способствовать повышению качества подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Введенская О. Ю. Способ незаконного сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет и телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 19–23.
2. Ржанникова С. С., Иванов В. Ю., Беляков А. А. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2024. 94 с.

References

1. Vvedenskaya O. Yu. Method of illegal sale of narcotic drugs using the Internet and telecommunication technologies // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (48). pp. 19–23.
2. Rzhannikova S.S., Ivanov V.Yu., Belyakov A.A. Investigation of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: a textbook. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 94 p.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья
УДК 343.9

О современном состоянии киберпреступности в Российской Федерации

Веденин Дмитрий Витальевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dv_1973@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются основные показатели и тенденции, характеризующие состояние киберпреступности в Российской Федерации. Автор отмечает увеличение как количества совершаемых киберпреступлений, так и числа выявляемых киберпреступников на фоне снижения соответствующих показателей в отношении преступности в целом. В статье рассмотрены признаки, присущие преступникам, совершающим преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступник, показатели, статистика

Для цитирования: Веденин Д. В. О современном состоянии киберпреступности в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 140–145.

Original article

On the current state of cybercrime in the Russian Federation

Vedenin Dmitry V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, dv_1973@mail.ru

Abstract. This article examines the main indicators and trends characterizing the state of cybercrime in the Russian Federation. The author notes both an increase in the number of cybercrimes committed and the number of cybercriminals identified against the backdrop of a decrease in the corresponding indicators for crime in general. The article examines the characteristics inherent in criminals who commit crimes using information and telecommunication technologies or in the field of computer information.

Keywords: cybercrime, cybercriminals, indicators, statistics

For citation: Vedenin D. V. On the current state of cybercrime in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 140–145.

Анализ имеющихся статистических данных о зарегистрированной преступности свидетельствует об устойчивой тенденции сокращения количества выявляемых преступлений: последний раз рост по сравнению с показателями предыдущего периода наблюдался в 2020 г. (2 044 221 преступление, +1 %). В последующем число зарегистрированных преступлений стабильно сокращается до 2 004 104 в 2021 г., до 1 966 795 в 2022 г., до 1 947 161 в 2023 г.

Изменения, происходящие в жизни нашего государства, оказывают влияние и на состояние преступности, которая быстро адаптируется к новым условиям. В частности, всплеск преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной инфор-

мации (далее – киберпреступления) был связан во многом с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, причем данное влияние можно проследить как во всем мире, так и в России [1].

Так, в 2020 г. в Российской Федерации наблюдался взрывной рост количества выявляемых киберпреступлений – сразу на 73,4 % (510 396 преступлений). В дальнейшем, казалось бы, благодаря предпринятым мерам, ситуацию удалось стабилизировать, и число зарегистрированных подобных преступлений увеличивалось незначительно (в 2021 г. – 517 722, в 2022 г. – 522 065). Однако в 2023 г. положение снова серьезно ухудшилось: было выявлено 676 951 киберпреступле-

ние, при этом прирост составил существенные 29,7 %. В общей структуре преступности доля киберпреступлений в 2023 г. составила 34,8 %, тогда как в 2022 г. она была 26,5 %. Естественно, что широкое распространение киберпреступлений не могло остаться без внимания научного сообщества [2; 3; 4; 5].

Отчасти стабилизация в 2022 г. количества выявляемых киберпреступлений связывается с началом специальной военной операции, поскольку многие указанные преступления совершались с территории восточной Украины. К сожалению, преступникам достаточно быстро удалось восстановить работу кол-центров, специализирующихся на совершении данного вида преступлений (что неудивительно, учитывая содействие со стороны украинских спецслужб).

Все возрастающая распространенность киберпреступлений в свое время привела к изменениям в статистической отчетности: сведения о большинстве из них в формах ФКУ «ГИАЦ МВД России» стали выделяться с 2018 г. [6, с. 46].

Перечень преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, впервые появился в Указании Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30 июня 2022 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»¹.

Действующее аналогичное по названию Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 г. в Перечне № 25 предусматривает достаточно большое количество признаков, позволяющих отнести то или иное деяние к киберпреступлениям. При этом лишь незначительное количество киберпреступлений относится к последним без дополнительных условий (п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, 159.6, п. «в», ч. 3 и п. «в», ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222.1, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222.2, п. «д» ч. 2 ст. 230, п. «г» ч. 2 ст. 242.2, ст. 272, 273, 274, 274.1, 274.2 УК РФ). Во многих иных случаях киберпреступления выделяются в связи с наличием в конкретной статье УК РФ соответствующего квалифицирующего признака либо в силу способа совершения преступления.

Из указанного Перечня № 25 следует, что способы совершения киберпреступлений могут быть весьма многообразными: начиная с использования сети Интернет (ресурсов глобальной сети) или сети Даркнет и заканчивая использованием технологий Дипфейк (методика синтеза аудио или визуальной информации, основанная на искусственном интеллекте, целью которой является создание сравнимой с оригиналом копии аудио- или видеоизображения) или

информационной инфраструктуры стран-участников СНГ (или придание такого вида), под которой в том числе понимаются серверы стран-участников СНГ (услуги хостинг-провайдеров, интернет-провайдеров, почтовых серверов), доменные зоны, телефонные сети и т. д.²

В связи с тем, что данный Перечень № 25 несколько изменился по сравнению с аналогичным, предусмотренным предыдущим Указанием Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17 января 2023 г., было высказано мнение, что сравнение показателей киберпреступности 2022 и 2023 гг. не презентативно [7, с. 9].

Однако внесенные изменения имели по большей части характер редакторской правки, по сути была лишь добавлена возможность при определенных условиях отнесения к киберпреступлениям деяний, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, 170.1, 173.1, 173.2 УК РФ, которые нельзя отнести к широко распространенным. Полагаем, что существенного влияния на количество зарегистрированных киберпреступлений новая редакция Перечня № 25 не имела.

Вполне очевидно, что прямым следствием роста числа учтенных киберпреступлений явилось значительное увеличение (до 156 470 763 тыс. руб.; на 70 %) материального ущерба, причиненного ими. При этом наибольший ущерб в 2023 г., как и в предыдущем, причинили мошенничества, квалифицируемые по ст. 159 УК РФ (135 649 971 тыс. руб. и 81 388 058 тыс. руб. соответственно). Удельный вес материального ущерба, причиненного указанными мошенничествами, практически не изменился, снизившись с 88,5 % до почти 87 %. Второе место по размеру причиненного вреда в 2023 г. традиционно сохранилось за киберкражами (п. «г» ч. 3, ч. 4 ст. 158 УК РФ) – 10 991 238 тыс. руб. (в предыдущем году – 8 105 531 тыс. руб.).

Наибольшее количество киберпреступлений в 2023 г. выявлено сотрудниками органов внутренних дел (668 719, или 99 %), значительно реже такие преступления выявлялись органами Федеральной службы безопасности (3497) и следственными органами Следственного комитета Российской Федерации (2028).

Интересно, что в 2023 г. продолжилась тенденция снижения доли тяжких и особо тяжких киберпреступлений: из 676 951 они составили 342 637 (немного меньше 51 %, в предыдущем году этот показатель равнялся 52,1 %).

Статистическая информация свидетельствует о том, что для совершения киберпреступлений наиболее часто используется сеть Интернет – 496 052 преступления (73 %) в 2023 г., что больше, чем за предыдущий год как в абсолютном (361 591 престу-

¹ Указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14 апреля 2024 г.).

² Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14 апреля 2024 г.).

пление), так и в относительном (69 %) выражении. Однако надо учитывать, что при совершении одного преступления возможно одновременное применение и иных средств: например, и в 2022, и в 2023 г. виновными достаточно часто использовались средства мобильной связи – 211 606 и 297 951 преступление соответственно.

«Популярным» среди киберпреступников в 2023 г. является и использование средств мгновенного обмена сообщениями (интернет-мессенджеров), зафиксированное в 151 943 преступлениях, а также расчетных (пластиковых) карт – в 130 610 преступлениях.

Чаще всего средства мобильной связи и средства мгновенного обмена сообщениями использовались при совершении кибермошенничеств (209 262 и 95 707 преступлений соответственно), расчетные (кредитные) карты – при совершении краж, квалифицируемых по п. «г» ч. 3, ч. 4 ст. 158 УК РФ (102 439).

В 2023 г. продолжилась достаточно давно прослеживаемая тенденция сокращения общего количества лиц, выявленных за совершение преступлений: если в 2022 г. таковых было 818 986, то в 2023 г. – 750 465 (снижение на 8,4 %), что неудивительно, учитывая одновременное сокращение числа зарегистрированных преступлений. Логично и то, что на фоне увеличения числа выявленных киберпреступлений параллельно растет и количество установленных преступников, использовавших в своей противоправной деятельности информационно-телекоммуникационные технологии или совершивших преступления в сфере компьютерной информации (далее – киберпреступники): если в 2021 г. таковых было выявлено 86 696 человек (чуть больше 10 % от всех преступников), в 2022 г. – 96 665 (около 12 %), то в 2023 г. – 105 014 (13,9 %).

Итак, на фоне упоминавшегося общего снижения количества всех лиц, выявленных за совершение преступлений, по итогам 2023 г. количество киберпреступников возросло почти на 7 % (за предыдущий год – на 11,5 %), при этом их доля увеличилась на 1,9 % (в 2022 г. рост данного показателя был сопоставим – почти 2 %).

Среди киберпреступников, выявленных в 2023 г. сотрудниками органов внутренних дел (а именно они выявляют и расследуют подавляющее большинство соответствующих преступлений), наибольшее число тех, кто совершил преступления против собственности, предусмотренные гл. 21 УК РФ – 57 119 человек. Если в абсолютном выражении таких преступников по сравнению с 2022 г. (53 544) стало больше, то их доля немного снизилась (с 55,4 % до 54,4 %).

Преступников, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или аналогов, сильнодействующих веществ (либо их частей), в 2023 г. выявлено больше, чем в предыдущем году – 35 993 (доля 34 %) и 33 892 (доля 35 %) соответственно.

В структуре киберпреступности за 2023 год, как и в предыдущих периодах, преобладают мошенничества (ст. 159 УК РФ) – 353 291, что составляет 52,18 %

от общего числа киберпреступлений, при этом доля мошенничеств возросла в 2021 г. до 48,14 % (всего 238 560), в 2022 г. до 47,88 % (всего – 249 984). Продолжилось снижение доли киберкраж (ст. 158 УК РФ) – 17,61 %, но по сравнению с предыдущим годом их общее количество несколько увеличилось и составило 119 212 (в 2022 г. – 21,75 %, всего – 113 565; в 2021 г. – 30,28 %, всего 156 792).

Остаются достаточно распространенными киберпреступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. 228.1 УК РФ): их доля осталась почти неизменной (12,04 % в 2023 г. по сравнению с 11,92 % в 2022 г.), однако общее количество заметно выросло – до 81 520 по сравнению с 62 209 в предыдущем году.

Наибольший прирост в процентном отношении в 2023 г. показали преступления, предусмотренные ст. 272 (295 %), 280.3 (233,3 %) и 228.4 (145,7 %) УК РФ. Справедливости ради отметим, что последние два вида преступлений регистрируются редко, в отличие от случаев неправомерного доступа к компьютерной информации, которых в указанном периоде выявлено 36 788 (четвертый показатель среди киберпреступлений).

Хотя кибермошенничества регистрируются почти в три раза чаще киберкраж, преступники, их совершившие, устанавливаются правоохранительными органами гораздо чаще. Так, в 2023 г. выявлено 38 828 человек, совершивших киберкражи, и только 14 568 – кибермошенничества. Такую диспропорцию можно объяснить существенно более высокой сложностью установления виновных в совершении кибермошенничеств.

Раскрываемость преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, является невысокой и принципиально не изменилась: в 2023 г. раскрыто 26,6 % киберпреступлений, в 2022 г. – 27,8 %, в 2021 г. – 23,4 %.

Если говорить об особенностях, присущих личности киберпреступника, то предварительно необходимо отметить, что значительная их часть не устанавливается как в силу значительной латентности киберпреступности, так и в силу объективных сложностей, в том числе по причине их нахождения вне территории России (например, многие киберпреступники действуют с территории Украины). Однако имеющаяся информация все же позволяет получить некоторое представление о «портрете» киберпреступника и его типичных чертах по сравнению со «средним» преступником, а также проследить, как меняются соответствующие показатели, полученные в ходе ранее проведенных исследований.

В первую очередь, рассмотрим половозрастную характеристику киберпреступников в сравнении с общими данными о преступности. При сопоставлении удельного веса определенной возрастной группы киберпреступников и удельного веса анало-

гичной возрастной группы среди всех преступников можно установить следующие закономерности:

- в категории 14–15 лет показатели сходные – несколько менее 1 % (т. е. и среди лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, и среди всех преступников указанная возрастная группа составляет менее 1 %);

- в категории 16–17 лет данные также сопоставимы (3 % и 2 % соответственно);

- в категории 18–24 года удельный вес киберпреступников (22,1 %) начинает превышать долю этой возрастной группы в общей массе преступников (14 %);

- в категории 25–29 лет наблюдается подобная ситуация: если в общей массе преступников на нее приходится 11,8 %, то среди киберпреступников – 15,1 %;

- в наиболее многочисленной категории преступников, приходящейся на возраст от 30 до 49 лет, доля киберпреступников, приходящаяся на данный возраст, составляет 51 % и уже значительно уступает соответствующему показателю в отношении всех преступников (57,8 %);

- в категории 50 лет и старше, составляющей 13,5 % в общей массе преступников, доля лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходящаяся на данный возраст, заметно ниже – 8 %, но при этом она возросла по отношению к предыдущим периодам, когда не превышала 6 %.

Говоря о доле киберпреступников в общей массе лиц, совершивших преступления, следует отметить, что данный обобщенный показатель по всем возрастным категориям киберпреступников составляет почти 14 %, при этом предыдущие исследования давали долю в 10 %. Вывод очевиден – преступники в своей противоправной деятельности все чаще используют современные технологии.

Из детального анализа указанного показателя можно заметить, что в возрастных группах 14–15 и 30–49 лет он превышает 12 %, и это несколько ниже указанного среднего показателя, притом в недавнем прошлом он равнялся 10 %.

В возрастных категориях от 16 до 17 лет, от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет рассматриваемые показатели составляют 20,9 %, 22,0 % и 18 % соответственно, что выше как среднего уровня в 14 %, так и показателей предыдущих периодов (от 13,5 % до 15 %).

Интересно, что в возрастной категории 50 лет и старше доля киберпреступников увеличилась с 5 до 8,3 %, хотя и осталась ниже среднего уровня.

Далее следует сопоставить данные о соотношении мужчин и женщин среди выявленных киберпреступников. Доля женщин во всем массиве преступников в последнее время достаточно стабильна и увеличивается незначительно: по итогам 2021 г. она составила 16,2 % (137 724 из 848 320), в 2022 г. – 16,3 % (133 507 из 818 986), в 2023 г. – 16,8 % (126 326 из 750 465). В

то же время среди киберпреступников доля женщин больше и растет она существенно быстрее: в 2021 г. – 21 % (18 426 из 86 696), в 2022 г. – 21,6 % (20 910 из 96 665), а в 2023 г. – 22,4 % (23 500 из 105 014).

Показывает стабильный рост и такой показатель, как процент женщин, использовавших при совершении преступлений информационно-телекоммуникационные технологии или совершавших преступления в сфере компьютерной информации: свыше 13 % в 2021 г., свыше 15,6 % в 2022 г. и 18,6 % в 2023 г.

Следует отметить, что нынешнее исследование подтвердило ранее полученные данные о том, что образовательный уровень киберпреступников, как это ни удивительно, в основном не отличается от образовательного уровня «среднего» преступника (отклонения не превышают 1,1 %).

По данным за 2023 г. высшее профессиональное образование имели 11,7 % установленных киберпреступников, среднее профессиональное – 36,4 %, начальное и основное общее – 17,5 %, среднее (полное) общее – 32,6 %. Эти цифры примерно соответствуют показателям 2021 и 2022 гг.

При совершении преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации у преступников достаточно редко фиксируется состояние опьянения: если в подобном состоянии в 2023 г. совершили преступления 26,3 % всех виновных, то при совершении киберпреступлений таких было только 10,2 %. Однако для наркотического опьянения ситуация, как и ранее, остается иной: если доля лиц, совершающих преступления в таком состоянии, в 2023 г. в среднем составила 0,63 %, то для лиц, совершающих киберпреступления, этот показатель достиг 1,4 %.

Данные за 2021–2022 гг. показали, что процент граждан России среди киберпреступников примерно соответствовал проценту граждан России среди лиц, установленных за совершение любых преступлений (в районе 96 %), в то время как в 2023 г. удельный вес киберпреступников-россиян снизился и составил 94 %. Заметно уменьшился в 2023 г. среди киберпреступников-граждан России процент местных жителей – до 80,7 % (в 2021 г. он составлял 87,5 %), что несколько ниже, чем аналогичный показатель среди всех преступников – 86,5 %. Последнее обстоятельство не вызывает удивления в связи с тем, что совершение киберпреступлений чаще всего происходит путем дистанционного взаимодействия виновного с жертвой преступления.

Из выявленных в 2023 г. киберпреступников ранее привлекались к уголовной ответственности 26 938 человек (25,7 %), и это меньше, чем доля ранее судимых в отношении всех выявленных преступников, составляющая 31,2 %. При этом 135 киберпреступников содержались в учреждениях ФСИН.

По роду занятий «средний» преступник также не слишком отличается от киберпреступника: так, чаще всего выявленные преступления в 2023 г. совершали лица, не имеющие постоянного источника дохода

(63,7 % всех преступников и 64,7 % киберпреступников). Доли, приходящиеся на другие категории преступников, очень невелики и сопоставимы между собой, стоит лишь отметить, что учащиеся среди всех выявленных преступников составили 1,4 %, в то время как среди киберпреступников их доля выше и составляет 3,8 %.

Оценивая приведенную информацию, можно сделать определенные выводы.

Так, очевидно, что преступность, особенно это видно на примере киберпреступности, быстро адаптируется к изменяющимся условиям. В частности, имевшая место некоторая стабилизация количества выявленных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, вызванная целым комплексом причин (в том числе, началом специальной военной операции), сменилась новым ростом, и пока прогноз не внушает оптимизма.

Если же говорить о характеристиках, относящихся к личности преступника, то в целом сохранилась ранее выявленная тенденция близости киберпреступника и «среднего» преступника при наличии некоторых отличий.

Так, повышенной склонностью к совершению киберпреступлений обладают лица в возрасте от 18 до 29 лет, поскольку удельный вес киберпреступников этого возраста значительно превышает долю данной возрастной группы в общей массе преступников. Относительно редко киберпреступниками являются лица старше 50 лет (мы склонны это связывать с затруднениями в освоении новых технологий для тех, кто входит в указанную возрастную категорию), однако и их доля среди киберпреступников за последнее время заметно увеличилась.

Кроме того, процент женщин, совершающих киберпреступления, существенно выше, чем соответствующий показатель в общей массе преступников, и он продолжает расти. Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что современные преступницы обладают равными с преступниками-мужчинами навыками и возможностями использования современных информационно-телекоммуникационных технологий в своей противоправной деятельности.

Библиографический список

1. Аксенов В. А. Современное состояние и мировые тенденции совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в период пандемии COVID-19 // Безопасность бизнеса. 2021. № 5. С. 45–49.
2. Столбова Н. А. Характеристика личности преступника, совершающего незаконный оборот оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Российский следователь. 2023. № 10. С. 51–53.
3. Овсяков Д. А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалика-

ции: монография / под науч. ред. С. М. Кочои. М.: Проспект, 2023. 184 с.

4. Бутырская А. В., Шувалова А. М., Бубнова О. Ю. Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Российский следователь. 2022. № 12. С. 58–63.

5. Глазкова Л. В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 167–176.

6. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 г. и ожидаемые тенденции ее развития. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021. 72 с.

7. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 г. и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов, Е. М. Тимошина, Г. Э. Бицадзе, К. С. Насуев, Г. Ф. Коимшиди, В. Г. Смирнов. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023. 87 с.

References

1. Aksenov V. A. Current state and global trends in committing fraud using information and telecommunication technologies during the COVID-19 pandemic // Business Security. 2021. No. 5. pp. 45–49.
2. Stolbova N. A. Characteristics of the personality of a criminal who commits illegal weapons trafficking using information and telecommunication networks, including the Internet // Russian investigator. 2023. No. 10. pp. 51–53.
3. Ovsyukov D. A. Selfish crimes against property using information and telecommunication networks: qualification issues: monograph / scientifically. ed. S. M. Kochoi. M.: Prospekt, 2023. 184 p.
4. Butyrskaya A.V., Shuvalova A.M., Bubnova O.Yu. Current issues of counteracting crimes committed using information and telecommunication networks // Russian investigator. 2022. No. 12. pp. 58–63.
5. Glazkova L. V. Crimes of an extremist nature committed using the sphere of telecommunications and computer information // Current problems of Russian law. 2021. No. 12. pp. 167–176.
6. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation based on the results of 2020 and expected trends in its development. M.: FGKU «VNII MIA of Russia», 2021. 72 p.
7. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation based on the results of 2023 and expected trends in its development / M. V. Goncharova, M. M. Babaev, R. V. Cherkasov, E. M. Timoshina, G. E. Bitsadze, K. S. Nasuev, G. F. Koimshidi, V. G. Smirnov. M.: FGKU «VNII MIA of Russia», 2023. 87 p.

Информация об авторе

Веденин Дмитрий Витальевич – кандидат юридических наук

Information about the author

Vedenin Dmitriy V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья
УДК 342

Деятельность органов внутренних дел по охране общественного порядка во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX столетия (на примере Свердловской области)

Гребенщикова Ирина Васильевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, grebenshikova_iv@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам охраны общественного порядка во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в Свердловской области. Автором обозначены формы и методы, посредством которых в регионе обеспечивался общественный порядок, роль и значение подразделений и организаций в его обеспечении. Проанализированы причины, способствующие снижению результативности борьбы с противоправными явлениями в обществе. Приведены статистические данные деятельности ОВД по охране общественного порядка в указанный период. В научный оборот введены ранее не опубликованные материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, патрульно-постовая служба, Госавтоинспекция, законодательство, Свердловская область, добровольные народные дружины, вневедомственная охрана, пожарная охрана

Для цитирования: Гребенщикова И. В. Деятельность органов внутренних дел по охране общественного порядка во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX столетия (на примере Свердловской области) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 146–150.

Original article

Activities of internal affairs bodies to protect public order in the second half of the 70s – early 80s. XX century (using the example of the Sverdlovsk region)

Grebenshchikova Irina V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, grebenshikova_iv@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the issues of maintaining public order in the second half of the 1970s – early 1980s. in the Sverdlovsk region. The author outlines the forms and methods by which public order was ensured in the region, the role and importance of units and organizations in ensuring it. The reasons contributing to the decrease in the effectiveness of the fight against illegal phenomena in society are analyzed. Statistical data on the activities of the Department of Internal Affairs for the protection of public order during the specified period are presented. Previously unpublished materials from the Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region have been introduced into scientific circulation.

Keywords: public order protection, patrol service, State Traffic Inspectorate, legislation, Sverdlovsk region, voluntary people's squads, private security, fire protection

For citation: Grebenshchikova I. V. Activities of internal affairs bodies to protect public order in the second half of the 70s - early 80s. XX century (using the example of the Sverdlovsk region) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 146–150.

Задачи органов внутренних дел неразрывно связаны с экономическими и политическими интересами любого государства. В связи с этим укрепление правопорядка всегда являлось и является одной из приоритетных задач ОВД.

Вся практическая деятельность органов внутренних дел во второй половине 70-х годов XX века проходила в условиях повышенного внимания со стороны Коммунистической партии и правительства. Так, 28 сентября 1976 года на заседании бюро обкома КПСС Свердловской области был рассмотрен вопрос «О состоянии борьбы с умышленными убийствами» [1, л. 152], а 12 октября утверждены мероприятия в связи с Запиской ЦК КПСС «Об опыте работы Новополюцкой городской партийной организации по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями» [2, с. 76]. 30 августа 1976 года состоялось выездное заседание обкома партии, обсудившее вопрос «О мерах по дальнейшему улучшению работы органов внутренних дел области в свете решений XXV съезда КПСС» [3].

Управлением внутренних дел области был разработан и выполнен план специальных мероприятий по укреплению правопорядка и совершенствованию деятельности горрайорганов.

Значительная роль по организации работы с уличной преступностью отводилась коллективам управления вневедомственной охраны, отдела по руководству медицинскими вытрезвителями, паспортного и других отделов и подразделений, обеспечивающих охрану общественного порядка.

Так, сотрудниками областного отдела Госавтоинспекции (далее – ГАИ) был проведен целый ряд мероприятий, направленных на обеспечение безопасности движения на дорогах городов и районов Свердловской области. Они привлекали к этой работе широкий актив общественности, специализированных дружин. В результате в 1976 году не было допущено роста дорожно-транспортных происшествий и снизилось число пострадавших.

Благодаря активизации всех линий профилактической деятельности горрайорганов было достигнуто снижение на 9,9 % преступности среди несовершеннолетних. В области на 20 % уменьшилось количество преступлений, совершенных на улице и в общественных местах. Уменьшилось количество зарегистрированных хулиганских проявлений. Несколько сократилась доля уголовного рецидива, предотвращено 1509 преступлений [1, л. 152].

Говоря о положительных результатах деятельности, достигнутых милицейскими службами в 1976 году, нельзя не сказать о сотрудниках, которые своим трудом вносили весомый вклад в дело укрепления общественного порядка. Успехи во многом зависели от политически зрелых, высококвалифицированных кадров, выросших в сформировавшихся коллективах и способных решать сложные задачи в практической деятельности ОВД.

Большая работа проводилась органами МВД и УВД по вопросам борьбы с уголовной преступностью и нарушителями общественного порядка. Так, в 1976 году под охрану было принято почти 11,5 тысяч объектов, из них 87 % оборудовано системой сигнализации. К 79 пультам подключено около 3300 объектов, свыше 27 тыс. квартир заблокировано, подключено к пультам 535, что позволило задержать на улицах около 500 преступников, свыше 13 тыс. нарушителей общественного порядка [1, л. 137].

Несмотря на достигнутые положительные результаты, в деле охраны общественного порядка имелись вопросы, решение которых еще требовало особого внимания со стороны правоохранительных органов.

Так, слабо устранялись недостатки в воспитательно-профилактической работе среди работающей молодежи и в общеобразовательных школах. Это явилось одним из условий роста преступлений, совершаемых школьниками (на 16 %) и работающими подростками (на 6 %) [1, л. 153].

Остро стоял на повестке дня вопрос занятости населения. При значительном дефиците рабочей силы, который испытывали многие промышленные предприятия, стройки, совхозы и колхозы, значительное число преступлений (около 20 %) совершалось неработающими лицами.

На учете в милиции состояло свыше 6 тысяч [1, л. 153] временно нигде не работающих, но административные санкции в их отношении применялись не наступательно, а мероприятия по их приобщению к труду осуществлялись формально, неэффективно.

В 1976 году было достигнуто снижение дорожно-транспортных происшествий, уменьшилось количество пострадавших. Однако это не коснулось детского травматизма, который вырос на 3,7 % [1, л. 153]. Не в полной мере использовались сотрудниками ГАИ технические средства, пропаганда безопасности дорожного движения среди населения и другие формы, призванные навести порядок на дорогах Свердловской области.

Определенная работа была проделана по мобилизации личного состава отделов и служб медицинских вытрезвителей на дальнейшее совершенствование оперативно-служебной деятельности, укрепление правопорядка на улицах города и области. Уличная преступность сократилась на 27,1 % в 37 городах Свердловской области [1, л. 160].

В 1976 году было задержано 45 тыс. мелких хулиганов, 121 тыс. нарушителей общественного порядка, около 6 тыс. лиц, подозреваемых в бродяжничестве и тунеядстве [1, л. 160].

Однако состояние общественного порядка, уровень организации патрульно-постовой службы, взаимодействие с ДНД не в полной мере отвечали предъявляемым требованиям. Медленно внедрялся в практику деятельности горрайорганов внутренних дел опыт Минского горисполкома, Ульяновска, Новополюцка. Обращает на себя внимание число чрезвычайных происшествий, связанных с недостатками в

охране, содержании и конвоировании арестованных, задержанных. Так, в 1976 году было допущено 16 побегов, 10 смертельных случаев, два самоубийства [1, л. 160].

В конце 1976 года появилась новая форма в работе горрайорганов – передвижные пункты милиции (далее – ППМ). Они были призваны сыграть существенную роль в укреплении общественного порядка и решении ряда других проблем борьбы с преступностью. В начале 1977 года на территории города и области действовали 12 ППМ, из них 7 – в Свердловске [1, л. 162].

Отсутствие совместных методических указаний, разработка систем и согласованных действий на уровне отраслевых служб Управления влекла за собой обособленный характер работы линейных служб и горрайорганов. Управление внутренних дел обладало системой, на основе которой возможно было наладить эффективное взаимодействие отраслевых служб. Это система оперативно-зонального контроля; ее внедрение было объявлено приказом № 13, которым устанавливалось единое распределение городов и районов области по зонам оперативного влияния; за каждой зоной были закреплены ответственные руководители УВД.

1977 год стал годом перехода деятельности милиции к «атакующему стилю» работы по всему фронту борьбы с преступностью. Перед руководством УВД стояла главная задача – организовать дело, сплотить людей, нацелить их на вдохновенный труд.

Организаторская работа была рычагом, с помощью которого партия приводила в действие энергию масс. И одной из основных частей этой деятельности была проверка исполнения, систематический контроль за тем, как претворялись в жизнь директивы партии и правительства, а также решения ОВД.

Так, 13 января и 3 февраля 1977 года ЦК КПСС были приняты постановления «Об усилении работы по предупреждению и повышению эффективности борьбы с антиобщественными проявлениями» [4, с. 60] и «Об улучшении воспитательной работы и предупреждению правонарушений несовершеннолетних» [5, с. 291], которые ознакомили новый этап в деятельности административных органов, в партийном и государственном руководстве социальной профилактики правонарушений, в повышении эффективности борьбы с преступностью объединенными силами партийных, государственных органов и советской общественности.

Президиум Верховного Совета СССР 8 и 15 февраля 1977 года по этим вопросам принял Указы, вступившие в силу с 1 апреля этого же года.

Оценив совокупность содержащихся в нормативных правовых актах законодательных мер в области укрепления правопорядка, следует подчеркнуть их большое значение для совершенствования деятельности органов внутренних дел, взаимодействия с другими административными органами и советской общественностью в предупреждении правонаруше-

ний. Реализация этих решений потребовала более высокого организаторского, политического, правового и интеллектуального уровня работы коллектива УВД в целом, значительного повышения ответственности каждого за порученный участок работы.

Решения Центрального Комитета КПСС подчеркивали необходимость активного использования органами внутренних дел всех предусмотренных законом мер по предупреждению и пресечению преступлений, привлечению виновных к ответственности.

Изменения в законодательстве полностью основывались на указаниях партии о том, что борьба с таким злом, как преступность, должна была вестись последовательно, с использованием всех социальных, экономических, организационных и правовых средств: и мнения трудового коллектива, и критических слов печати, и методов убеждения, и силы закона. Решения партии и новые законы расширяли возможности и повышали ответственность органов внутренних дел. Сотрудникам были предоставлены все необходимые права для осуществления строгого, решительного, справедливого и понятного трудящимся применения закона.

Концентрированным выражением принципиального курса Коммунистической партии и правительства в борьбе за укрепление социалистической законности и правопорядка, усиление борьбы с преступностью, обеспечение надежной защиты интересов государства, прав, чести и достоинства граждан стало принятие постановления ЦК КПСС от 2 августа 1979 года «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» [6] (далее – постановление).

Претворяя реализацию данного постановления в жизнь, во многих городах и районах области было широко развернуто патриотическое движение «За города и села высокой культуры и образцового общественного порядка» [7, л. 42].

В результате повышения уровня организации работы, укрепления патрульно-постовой службы, улучшения ее взаимодействия с добровольными народными дружинами в городах и районах области число преступлений на улицах и в общественных местах сократилось.

Большую работу по охране общественного порядка и социалистической собственности проводили сотрудники Государственной автоинспекции, управления вневедомственной и пожарной охраны, службы БХСС.

Выполняя требования Коммунистической партии и правительства, МВД СССР улучшило работу по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Так, в г. Свердловске, Нижнем Тагиле, в 14 горрайорганах внутренних дел, в том числе Карпинском, Ивдельском, Верхотурском и др., раскрываемость преступлений превысила 93 % [7, л. 43].

Принятое августовское постановление поставило задачу улучшения охраны общественного порядка в городах и населенных пунктах. Особое внимание

было обращено на борьбу с хулиганством, пьянством, на почве которых совершалось немало убийств, грабежей и других тяжких преступлений.

Несмотря на большую работу, проделанную по обеспечению охраны общественного порядка, укреплению взаимодействия органов внутренних дел с общественностью, в этой работе еще имелись серьезные недостатки. За первое полугодие 1980 года число преступных проявлений на улицах области возросло на 3,8 % [7, л. 46]. Все негативные результаты являлись следствием низкой эффективности действий нарядов милиции по предупреждению и раскрытию преступлений, серьезных издержек в расстановке и использовании имеющихся сил и средств по системе единой дислокации.

В охране общественного порядка далеко не в полной мере использовались возможности добровольных народных дружин, общественных пунктов охраны порядка.

Недостаточно активно решались вопросы усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом. Эффективность борьбы с этими социальными явлениями оставалась еще на низком уровне. Руководством медвытрезвителей не в полной мере проводилась работа по расширению сети медицинских вытрезвителей в области, оказывалось слабое влияние на организацию профилактики пьянства по месту работы и жительства населения, не использовались в должной мере возможности советов профилактики, общественных пунктов охраны порядка. Отсутствовало должное взаимодействие с наркологическими учреждениями по выявлению, постановке на учет и организации лечения пьяниц и алкоголиков.

В области в 1980 году впервые в истории деятельности милиции были созданы специальные подразделения для несения патрульно-постовой службы. В начале года на территории Свердловской области действовало шесть таких подразделений: батальоны в Свердловске и Нижнем Тагиле; роты в Каменске-Уральском и Первоуральске, взводы в Серове и Асбесте [7, л. 120].

Несмотря на то, что эти подразделения еще переживали стадию становления, результаты оценки их деятельности со стороны населения, партийных и советских органов этих городов были положительными. Первостепенной задачей была скорейшая укомплектованность этих подразделений, их обучение и в итоге полноценное участие в охране общественного порядка.

Второй задачей была организация тесного взаимодействия с общественными формированиями, их эффективное использование на улицах для борьбы с хулиганством, грабежами, разбоями, угонами транспорта и другими правонарушениями. Необходимо было точно использовать силы и средства по единому плану дислокации нарядов, несущих службу на улицах.

Еще одной из главных задач был контроль, постоянное обучение, ежедневное привитие профессио-

нальных навыков сотрудникам, принимающим участие в охране общественного порядка.

Обозначенные в постановлении ЦК КПСС задачи по улучшению охраны общественного порядка посредством укрепления ППС, интенсивно осуществляемая перестройка этой службы, затрагивающая ее структуру, систему управления, формы деятельности, еще более расширила ее возможности и назначение.

Прежде всего, речь идет о единой дислокации сил и средств, принимающих участие в охране общественного порядка. Эта система прочно утвердилась в практике ОВД, ее преимущества были очевидны. В результате заметно усилилось положительное влияние на оперативную обстановку нарядов милиции, вневедомственной охраны, дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции (ГАИ), медицинских вытрезвителей, приемников-распределителей и других подразделений, включенных в систему единой дислокации.

Совершенствование структуры ППС милиции позволило в период с 1975 по 1980 гг. добиться некоторых положительных результатов в сфере борьбы с преступностью [8, л. 11].

Только в течение 1978–1980 гг. на патрульно-постовую службу в результате реорганизации и получения дополнительной численности стало выходить почти вдвое больше милиционеров, чем в начале 1975 года. Повысилась эффективность работы патрульно-постовых нарядов в пресечении и раскрытии преступлений.

Так, количество раскрытых преступлений с участием всех сил милиции, участвующих в системе единой дислокации в 1980 году, выросло на 7,5 % по сравнению с 1979 годом, в том числе госбюджетной милиции – на 2,1 % [8, л. 11].

При поддержке и помощи партийных, советских и хозяйственных органов, в 40 городах области была расширена сеть передвижных пунктов милиции (организовано 74 ППМ), которые внесли значительный вклад в оздоровление оперативной обстановки. На улицах и в общественных местах городов и населенных пунктов области с их участием было раскрыто 1212 преступлений [8, л. 11].

Более широкое распространение получило использование в патрульно-постовой службе служебных собак, к концу 1980 года их насчитывалось 32 шт. в 9 городах области [8, л. 12]. Также внедрялся опыт г. Курска по организации правопорядка в общественных местах.

В городе Свердловске была установлена прямая связь с диспетчерами автобусов и «скорой помощи», 22 трамвайных состава на двух маршрутах были оснащены проблесковыми маячками.

Была усилена работа по пресечению мелкого хулиганства, в цифровом эквиваленте это составило +11,7 % [8, л. 12].

Большой комплекс мероприятий по оздоровлению оперативной обстановки на улицах города и населенных пунктов области был проведен в период

подготовки и проведения «Олимпиады-80». Направленные в Москву сотрудники милиции Свердловской области за охрану общественного порядка во время проведения Олимпиады получили высокую оценку и благодарность.

В 1980 году по сравнению с 1976 годом удалось сократить уличную преступность на 4,0 %, а в сравнении с 1979 годом – на 14,3 %. На 1,8 % по сравнению с 1976 годом уменьшилась доля преступлений, совершаемых на улицах, площадях, в парках и скверах. В 1980 году снижение уличной преступности произошло в таких крупных городах, как Свердловск, Н. Тагил, Каменск-Уральский, Первоуральск, Асбест и др. [8, л. 12].

Также в 1980 году улучшились результаты работы добровольных народных дружин. С их участием было задержано 1106 преступников, это на 15,8 % больше, чем в 1979 году; на 23,9 % больше было задержано за мелкое хулиганство, на 31,9 % больше было доставлено лиц, в состоянии алкогольного опьянения [8, л. 12].

Несмотря на достигнутые успехи, в деятельности ОВД по охране общественного порядка имелись определенные недостатки, причинами которых были:

- недостаточное взаимодействие с ДНД;
- совершение преступлений с применением оружия, таких случаев в 1980 году было 111 [8, л. 12];
- некомплект и текучесть кадров сотрудников ППС;
- недостаточная профессиональная подготовка и контроль за службой нарядов;
- недостаточное использование в охране общественного порядка служебных собак и др.

Таким образом, исходя из показателей результативности деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка, криминогенная обстановка в Свердловской области стабилизировалась в 1980–1981 гг. в сравнении со второй половиной 1970-х гг. благодаря совместным действиям всех подразделений и служб, задействованных в охране общественного порядка, а также добровольных общественных организаций.

Библиографический список

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 5810. Оп. 3. Д. 101.
2. Стацера А. Г. Эволюция государственной правовой политики в СССР (1967–1976 гг.) // Наука и школа. 2009. № 2. С. 75–77.
3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906701376?yclid=lgwfkfvtj402158529>.
4. Решмет Д. А. Комсомольская операция «Забота» как инструмент предупреждения асоциального поведения несовершеннолетних в СССР в 70-е годы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 56–61.
5. Русаков В. К., Ананьин О. Ю., Простакишина Ю. А. Опыт формирования системы предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних в отечественной педагогике // БГЖ. 2018. № 4 (25). С. 287–291.

6. Хисамутдинова Г. И. Реализация органами внутренних дел правоохранительной функции государства в 60-80-е годы XX века // Вестник УЮИ. 2018. № 2 (80). URL:

7. ЦДООСО. Ф. 5810. Оп. 3. Д. 107.

8. ЦДООСО. Ф. 5810. Оп. 3. Д. 109.

References

1. Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region (hereinafter referred to as CDOOSO). F. 5810. Op. 3. D. 101.
2. Statsura A. G. Evolution of state legal policy in the USSR (1967–1976) // Science and school. 2009. No. 2. P. 75–77.
3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906701376?yclid=lgwfkfvtj402158529>.
4. Reshmet D. A. Komsomol operation “Care” as a tool for preventing antisocial behavior of minors in the USSR in the 70s // Current problems of our time: science and society. 2020. No. 3 (28). pp. 56–61.
5. Rusakov V.K., Ananin O.Yu., Prostakishina Yu.A. Experience in forming a system for preventing delinquency among minors in domestic pedagogy // BGZh. 2018. No. 4 (25). pp. 287–291.
6. Khisamutdinova G.I. Implementation by internal affairs bodies of the law enforcement function of the state in the 60-80s of the XX century // Bulletin of the UUI. 2018. No. 2 (80). URL:
7. CDOOSO. F. 5810. Op. 3. D. 107.
8. CDOOSO. F. 5810. Op. 3. D. 109.

Информация об авторе

Гребенщикова Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Grebenshchikova Irina V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 21.05.2024

Оперативно-розыскная операция как эффективная организационная форма применения сил и средств оперативно-розыскной деятельности при противодействии организованной преступности (исторический опыт)

Иванов Святослав Игоревич

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия,
sviatoslavigor@gmail.com

Аннотация. В статье на основе исторического опыта рассмотрены возможности оперативно-розыскной операции при противодействии организованной преступности как высшей организационной формы применения сил и средств оперативно-розыскной деятельности. Представлен краткий обзор деятельности в начале XX века охранных отделений, которым удалось найти эффективную организованную форму оперативно-розыскной деятельности. Обозначены положительные и отрицательные стороны применения оперативно-розыскной операции в обозначенный период.

Ключевые слова: операция, организованная преступность, охранные отделения, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Иванов С. И. Оперативно-розыскная операция как эффективная организационная форма применения сил и средств оперативно-розыскной деятельности при противодействии организованной преступности (исторический опыт) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 151–156.

Original article

Operational and search operation as an effective organizational form of application of forces and means of operational and investigative activities in countering organized crime (historical experience)

Ivanov Svyatoslav I.

Crimean Affiliate of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russia,
sviatoslavigor@gmail.com

Abstract. Based on historical experience, the article considers the possibilities of application of operational and search operation in countering organized crime as the highest organizational form of application of forces and means of operational and investigative activities. A brief review of the activity of security departments in the early twentieth century, which managed to find an effective organized form of operational and investigative activities, positive and negative aspects of the application of operational and search operation in the designated period are specified.

Keywords: operation, organized crime, security departments, operational and investigative activities

For citation: Ivanov S. I. Operational and search operation as an effective organizational form of application of forces and means of operational and investigative activities in countering organized crime (historical experience) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 151–156.

Организованная преступность, благодаря высокому уровню латентности, не может в полной мере отражаться в статистических отчетах, но при этом является серьезной угрозой безопасности Российской Федерации. В период с 2012 по 2018 гг. отмечалось увеличение на 17,9 % числа преступлений, совершенных преступными группами и преступными сообществами, и на 4,7 % количества лиц, совершивших преступления в их составе [1, с. 88–89]. В последующие годы преобладали тенденции интеграции преступных сообществ в цифровой мир и усиление воздействия на общественное сознание с помощью социальных сетей [2, с. 152], увеличения доли экономической преступности в структуре организованной преступности фактически до 50 % [3, с. 73; 4, с. 114–115], возрастания числа проявлений этнической преступности [5, с. 130–133] и террористических проявлений, включая и соответствующую деятельность спецслужб Украины. Продолжается использование преступными сообществами в своих целях бывших, а порой и действующих сотрудников правоохранительных органов и спецслужб. Так, по сообщению средств массовой информации в начале декабря 2023 г. были задержаны начальник штаба СОБР «Рысь» и оперуполномоченный полицейского спецназа. По заявлению депутата Александра Хинштейна, операция по задержанию проводилась с участием ГУСБ Росгвардии, все лица причастны к заказным убийствам, похищениям людей, разбойным нападениям. Это еще раз подтверждает тот факт, что преступные сообщества при необходимости совместных действий прибегают к созданию картелей, в том числе для противодействия правоохранительным органам [6, с. 605], и свидетельствует об актуальности темы статьи.

Отечественными исследователями неоднократно предпринимались попытки теоретической разработки основ уголовной политики противодействия организованной преступности. Наряду с иными мерами рекомендовалось использовать такую организационно-тактическую форму оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), как операция, в частности, западный (в первую очередь, США) опыт ведения тайных (секретных, агентурных) операций. В той или иной мере этих вопросов касались в своих работах Ю. А. Воронин, Н. С. Железняк, С. А. Кутякин, А. В. Майоров, А. Л. Осипенко, С. В. Пырчев, Е. Г. Самовичев, Е. В. Сокол, Ю. В. Сокол, А. Е. Шарихин, В. И. Шаров, В. Ф. Щербаков, П. В. Эрохин и многие др. Исследованию операции как актуальной проблемы ОРД посвятил одну из последних своих статей Г. К. Синилов [7, с. 20].

Необходимо сказать, что МВД России принимают меры, позволяющие в значительной степени ослабить негативное влияние преступных сообществ на общее состояние преступности в стране. Министром внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцевым отмечено создание подразделений по противодействию наркоугрозе в сети Интернет. Эти подразделения действуют в составе управлений и отделов по контролю за оборотом наркотиков. Другие

оперативные службы МВД России на сегодняшний день имеют также подразделения по борьбе с киберпреступностью [2, с. 144].

Обращено необходимое внимание подразделений уголовного розыска на тенденции усиления вооруженности и активизации банд, организованных групп и преступных сообществ, сформированных по этническому принципу или же имеющих экстремистскую и террористическую направленность деятельности [8, с. 215].

Вместе с тем вызывает тревогу некоторая недооценка роли негласного содействия граждан в деле своевременного выявления преступных сообществ и групп, выяснения их намерений, сил и средств, а также в проведении оперативно-розыскных операций в целях пресечения преступлений, совершаемых указанными субъектами.

Представляется целесообразным кратко рассмотреть тактику и стратегию политической полиции Российской империи в борьбе с революционными партиями, последующие успешные операции ОГПУ-НКВД Советской России в 1920–1930 гг., радиоигры контрразведки СМЕРШ. Опыт корпуса жандармов и охранных отделений представляет интерес, несмотря на то, что их деятельность была направлена против политических противников режима, а не на противодействие организованной преступности в целом. Однако, во-первых, организованная уголовная преступность в России в XIX – начале XX вв. была относительно незначительной (банды, шайки и др. формирования), а деятельность партий, например, социалистов-революционеров, напрямую связана с совершением террористических актов, социал-демократов (большевиков) – с так называемыми «экспедициями», что соответствует уголовным преступлениям. Во-вторых, организованная преступность – «рациональная формальная общественная система, живой социальный механизм с прочной бюрократической надстройкой» [9, с. 52], и именно удары по «бюрократической надстройке» революционных партий являлись основой борьбы охранных отделений с ними. Первоначально данная стратегия была направлена на полное уничтожение революционных организаций, но они возрождались, и к концу XIX в. охранные отделения постепенно перешли к новым планам и тактике. Ведущая роль в сборе оперативной информации и обеспечении успеха «ликвидации» (так было принято называть заключительный этап сыскной операции) отводилась внутренней агентуре (т. е. секретным сотрудникам, входящим в состав преступных сообществ). Кроме этой категории агентуры имелась вспомогательная агентура (не входящие в состав преступных сообществ, но постоянно содействующие розыску агенты) и так называемые «штучники», за плату поставляющие сведения по каждому интересующему розыск факту. Для проверки поступающей агентурной информации использовалась «перекрестная агентура», в камерах – «подсадная агентура», в т. ч. из лиц, содержащихся под стражей (тюремная агентура),

сельская агентура, агентура высшей школы, железнодорожная, фабричная, профессиональная, просветительская, изобретательская, редакционная [10, с. 79–83], имелась даже заграничная агентура. Обращает внимание отсутствие агентуры в составе вооруженных сил, которая была запрещена в период, предшествующий Февральской революции, что отвечало взглядам генералитета и офицерского корпуса на доносительство, но в корне расходилось с интересами розыска.

Выдающуюся роль в воспитании жандармов и бережном отношении к агентам сыграл начальник Московского охранного отделения надворный советник С. В. Зубатов – единственный из начальников охранных отделений, не имевший жандармского чина и начинавший свою карьеру секретным сотрудником. Он оказал влияние на формирование по европейскому образцу всей системы розыска, реформировал систему наружного наблюдения, ему подчинялся «Летучий отряд филёров», фактически действовавший по всей России (начальник – Е. П. Медников), им создан «извозчий двор» для филёров. В разное время под его руководством работали жандармские офицеры Б. А. Герарди, Я. Г. Сазонов, А. Г. Петерсен, В. В. Ратко, А. И. Спиридович, П. П. Заварзин и другие. Сам С. В. Зубатов лично занимался вербовкой агентов, ведя длительные беседы о революционной борьбе и интересах государства. Даже в случаях, когда не удавалось их завербовать, часть его собеседников впоследствии отказались от участия в революционных организациях. Секретными сотрудниками отделения были Зинаида Гернгросс-Жученко, сама предложившая основанные на идейных убеждениях услуги, Евно Азеф – в дальнейшем разоблаченный как провокатор [11, с. 40–67].

Еще в 1896 г., анализируя операции по ликвидации «Московского рабочего союза», С. В. Зубатов обнаружил различия взглядов на свою вину у интеллигентов-революционеров, вполне сознававших свою ответственность за содеянное, и рабочих, руководствующихся экономическими интересами и не видевших политического характера своих деяний. Он понял, что одних репрессивных мер в борьбе с социал-демократией недостаточно, их следует дополнить программой действий, направленных на улучшение экономического положения рабочих. Такие предложения были поддержаны московским генерал-губернатором, дядей царя, Сергеем Александровичем. Рабочие под влиянием С. В. Зубатова и его подчиненных, добившихся существенных успехов в конфликтах с работодателями, подали ходатайство о создании рабочего общества. Он был переведен на должность начальника Особого отдела Департамента полиции, руководившего деятельностью охранных отделений. Меры по улучшению экономического положения рабочих, вызвавшие шквал критики справа и слева, получили название «зубатовщины», а сам С. В. Зубатов сослан после конфликта с Министром внутренних дел В. К. Плеве под полицейский надзор во Владимир.

Как уже указывалась, полная ликвидация революционных организаций не вполне оправдала себя: на смену прежним возникали новые организации, но уже не обеспеченные оперативным освещением. Жандармский генерал А. В. Герасимов предложил не уничтожать, а даже оберегать те революционные организации, где действовала агентура охранных отделений. С этим Министр внутренних дел П. А. Столыпин сначала не был согласен, но позже поддержал идею А. В. Герасимова [12, с. 186–192]. По его воспоминаниям [13] и воспоминаниям А. П. Мартынова [14], такая система привела к фактическому разгрому всех «подпольных» революционных партий, местные организации которых едва дышали лишь настолько, насколько им разрешали охранные отделения. Характерны и оценки современных исследователей: «...Весьма успешно прошло большинство из организованных ею (жандармской полицией – *примечание автора статьи*) операций. Удивительными были уровень развития агентуры, качество анализа разнообразной информации, точность и быстрота принятых решений» [15, с. 148]. С. Галвазин пришел в своем исследовании [16] к выводу, не соответствующему этим оценкам, а именно, что «охранка не выдержала столкновения с оперативно-розыскным аппаратом партии большевиков во главе с В. И. Лениным, создавшим разветвленную сеть своей агентуры во властных структурах империи для разложения их изнутри» [17, с. 10–11]. Нам представляется такой вывод сомнительным, поскольку партия большевиков к 1917 г. была сведена к ряду незначительных организаций, имеющих влияние в основном на неквалифицированных рабочих, а ее руководящее ядро находилось за границей и в ссылке. Но согласно сведениям зарубежной агентуры весь состав партийной школы Лонжюмо был известен политической полиции. Сам В. И. Ленин за несколько дней до Февральской революции писал, что нынешнее поколение профессиональных революционеров может не дожить до революции в России. В январе 1912 г. по его инициативе была созвана всероссийская конференция партии социал-демократов, в работе которой участвовало не менее шести жандармских агентов [18, с. 212].

Завершая краткий обзор деятельности охранных отделений в начале XX века, приходится признать, что им удалось найти эффективную организованную форму оперативно-розыскной деятельности, которая в сочетании со стратегией использования внутренней агентуры позволила с 1908 по 1917 гг. успешно вести борьбу с подпольными политическими партиями. Но фактически подготовка к революции велась и в других кругах общества, в том числе в правых буржуазных (даже считавшихся монархическими) партиях октябристов и кадетов, а главное – в масонской ложе. Неоднократные попытки организовать оперативное наблюдение за ними со стороны охранных отделений не поддерживались Департаментом полиции и были запрещены. Наряду с этими и другие ошибки, допущенные правительством, Департаментом полиции и

Военным министерством, способствовали возникновению массовых беспорядков в Петрограде и свершению Февральской революции.

В опубликованном еще к началу 1970-х г. исследовании историк Н. Н. Яковлев доказывал роль масонов в подготовке революции. По его мнению, почти все члены Временного правительства являлись и членами масонской ложи. Плохое снабжение действующей армии в первые годы Первой мировой войны было в известной мере усугублено «заговором буржуазии», стремившейся к захвату власти. После ее прихода к власти снабжение боеприпасами, артиллерийскими системами, винтовками, обмундированием предполагалось коренным образом и быстро улучшить, что, безусловно, способствовало бы победе и укреплению авторитета этой власти. Недостаточное материальное обеспечение армии в 1914–1915 гг. «случились не потому, что страна исчерпала ресурсы, а явилась следствием нарастающего хаоса, создаваемого в определенной степени умышленно соперниками царизма в правящих кругах <...> Недостаток и перебой в боевом снабжении, раздутые буржуазной печатью, служили оружием для компрометации существующего строя» [19, с. 129]. Такая точка зрения была подвержена острой критике со стороны советских историков (И. И. Минц, Е. Д. Черменский, А. Я. Аврех, М. К. Касвинов). Однако в современной историографии И. Фроянов, О. Платонов, В. Брачев полностью разделили мнение Н. Яковлева о существовании масонского заговора, а В. Старцев, отрицая этот заговор, все же пришел к выводу об огромной роли влияния масонства на либералов и захват государственной власти [20, с. 9]. Кроме того, практически все Временное правительство было сформировано из представителей масонской ложи (за исключением П. Н. Милюкова, в принципе отвергавшего слепое подчинение указаниям, но фактически проводившего политику масонов). А. Ф. Керенский, позже возглавивший это правительство, являлся Генеральным секретарем Верховного совета Великого Востока народов России, т. е. был руководителем масонской ложи.

Таким образом, руководители охранных отделений вели борьбу с революционным движением путем так называемых ликвидаций – сыскных операций, завершающихся арестом всех участников той или иной организации, но при обеспечении побега с места операции либо иного вывода агента и одного (двух) членов организации (для полной убедительности в непричастности агента к провалу). Однако такая тактика не позволяла иметь оперативную осведомленность во всех слоях общества, а Департамент полиции прямо запрещал ее распространение на масонов, октябристов и кадетов. Предложенный С. В. Зубатовым путь «полицейского социализма» также был скомпрометированным, что в условиях мировой войны и нарастающей социальной напряженности позволяло масонам легко манипулировать настроениями масс.

Организационная форма оперативно-розыскной деятельности, к которой пришли охранные отделе-

ния, разумеется, не называлась оперативно-розыскной операцией. Она представляла собой ряд оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, согласованных друг с другом по цели, задачам, времени, месту (или объектам) и тактическим способам действий. Следует отметить, что хотя понятия, которые мы употребили в данной формулировке, жандармами не использовались, на практике почти все ими делалось так, как и в наше время. Широко применялись оперативная игра (или ряд ее элементов), маневры сил и средств и т. д. Сам же термин «операция» стал широко употребляться уже в советское время. Однако в первое время начисто отметалась всякая возможность использования свойственного охранным отделениям агентурного метода. После Октябрьской революции сама практика негласного сотрудничества отдельных лиц с подразделениями, ведущими оперативно-розыскную деятельность, «оценивалась как провокация, а лица, оказывающие содействие, именовались не иначе как провокаторы» [10, с. 96]. Вскоре эта ошибка была исправлена, но неприязнь отдельных руководителей милиции, отчасти вызванная осознанием опасной стороны агентурной работы, периодически наблюдалась даже в послевоенные (после окончания Великой Отечественной войны) годы.

В отношении уроков исторического опыта, накопленного охранными отделениями, необходимо сказать, что в части нанесения основного удара по «центрам принятия решений» (как ныне принято именовать органы управления противоборствующей стороны), он был воспринят. Уже в 1920-е гг. органами ОГПУ была проведена операция «Трест», основанная на оперативной игре и позволившая на значительный период избежать террористических актов на своей территории. Во время Великой Отечественной войны широкое применение контрразведкой «Смерш» радиоигр позволило провести ряд операций, из которых наибольшую известность приобрели «Монастырь» и «Березино». В этой связи интересно процитировать слова бывшего кадрового сотрудника абвера Г. Бухайта «Советы целиком восприняли наследие тайной царской службы, наполнили его своим духом и превратили в огромный и мощный инструмент власти» [21, с. 583].

В то же время актуальным на сегодняшний день остается вопрос использования исторического опыта отечественных спецслужб в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при проведении оперативно-розыскных операций по противодействию организованной преступности. Полагаем, что приведенные в статье исторические примеры, в том числе примеры эффективного использования негласного содействия граждан, натолкнув практических сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов на творческое переосмысливание и эффективное применение описанного в своей оперативной работе.

Библиографический список

1. Гринько С. Д. Состояние организованной преступности в России // Закон и право. 2019. № 11. С. 88–89.
2. Пырчев С. В. Тенденции организованной преступности в развивающемся цифровом мире // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2. С. 142–153.
3. Репецкая А. Л. Российская организованная преступность: характеристика современного развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4. С. 65–73.
4. Молчанова Т. В. Организованная преступность в сфере экономической деятельности: состояние и тенденции развития // Вестник Московского областного государственного университета. 2021. № 3. С. 111–117.
5. Кузнецов К. В. Организованная этническая преступность в субъектах Российской Федерации: состояние и некоторые тенденции (на примере наиболее распространенных преступлений) // Вестник Сибирского юридического института. 2017. № 2 (24). С. 129–133.
6. Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. А. И. Долговой. М.: ИНФРА; НОРМА, 1997. 784 с.
7. Синилов Г. К. О некоторых итогах развития теории оперативно-розыскной деятельности за последние 15 лет (1990–2005 гг.) и ее актуальных проблемах на ближайшую перспективу // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 7. С. 15–21.
8. Эзрохин П. В. Основные концептуальные положения совершенствования оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска по противодействию организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 213–218.
9. Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с немецкого. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.
10. Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1999. 230 с.
11. Спиридович С. Записки жандарма / репринт изд. 1930 г. М.: Худож. лит., 1991. 268 с.
12. Кошель П. А. История российского сыска. М.: Молодая гвардия, 2005. 395 с.
13. Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 140–342.
14. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 27–408.
15. Черных П. В. История органов внутренних дел. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. 327 с.
16. Галвазин С. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Совершенно секретно, 2001. 190 с.
17. Жаров С. Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 459 с.
18. Агафонов В. К. Парижские тайны царской охранки. М.: Русь, 2004. 416 с.
19. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. 2- изд. М.: Молодая гвардия, 1974. 240 с.
20. Спицын Е. Ю. Россия-Советский Союз 1917–1945. Т. 3 // Полный курс истории России. В 4 т. М.: Концептуал, 2015. 400 с.
21. Кулинок С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. М.: Яуза-каталог, 2020. 704 с.

References

1. Grinko S. D. The state of organised crime in Russia // Law and Law. 2019. № 11. Pp. 88–89.
2. Pyrchev S. V. Tendencies of organised crime in the developing digital world // Proceedings of the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2020. № 2. Pp. 142–153.
3. Repetskaya A. L. Russian organised crime: characteristics of modern development // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4. Pp. 65–73.
4. Molchanova T. V. Organised crime in the sphere of economic activity: state and trends of development // Bulletin of Moscow Regional State University. 2021. № 3. Pp. 111–117.
5. Kuznetsov K. V. Organised ethnic crime in the subjects of the Russian Federation: state and some trends (by example of the most common crimes) // Bulletin of the Siberian Law Institute. 2017. № 2 (24). Pp. 129–133.
6. Criminology: textbook for law schools / ed. by A. I. Dolgova. M.: INFRA; NORMA, 1997. 784 p.
7. Sinilov G. K. About some results of development of the theory of operative-search activity for the last 15 years (1990–2005) and its actual problems for the nearest future // Problems of law-enforcement activity. 2007. № 7. Pp. 15–21.
8. Ezrokhin P. V. Basic conceptual provisions for improving the operational and investigative activities of criminal investigation units to counteract organised crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. Pp. 213–218.
9. Schneider G. J. Criminology / per. from German. M.: Progress-Univers, 1994. 502 p.
10. Shakhmatov A. V. Legal regulation of assistance of citizens to the bodies carrying out operative-search activity: dis. ... kand. jurid. sciences. SPb, 1999. 230 p.
11. Spiridovich S. Notes of a gendarme / Reprint ed. 1930 г. М.: Khudozhestvennyi lit., 1991. 268 p.
12. Koshel P. A. The History of Russian Sysk. M.: Molodaya Gvardiya, 2005. 395 p.
13. Gerasimov A. V. On the blade with terrorists // «Okhranka». Memories of the heads of the political

investigation. Т. 2. М.: New Literary Review, 2004. Pp. 140–342.

14. Martynov A. P. My service in the Separate Corps of Gendarmes // «Okhranka». Memories of the leaders of the political investigation. Т. 1. М.: New Literary Review, 2017. Pp. 27–408.

15. Chernykh P. V. History of internal affairs bodies. Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 327 p.

16. Galvazin S. Security structures of the Russian Empire: Formation of the apparatus, analysis of operational practice. М.: Top secret, 2001. 190 p.

17. Zharov S. N. Operative-search activity in Russia: organisation, methods, legal regulation (historical and legal research): dis. ... dr. jurid. sciences. Ekaterinburg, 2010. 459 p.

18. Agafonov V. K. Paris Secrets of the Tsarist Security Service. М.: Rus, 2004. 416 p.

19. Yakovlev N. N. 1 August 1914. 2nd ed. М.: Molodaya Gvardiya, 1974. 240 p.

20. Spitsyn E. Yu. Russia-Soviet Union 1917–1945. Т. 3 // The Complete Course of Russian History. In 4 vol. М.: Conceptual, 2015. 400 p.

21. Kulinok S. V. Hitler's servants. German reconnaissance and sabotage schools and courses on the territory of Belarus in 1941–1944. М.: Yauza-catalogue, 2020. 704 p.

Информация об авторе

Иванов Святослав Игоревич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Ivanov Svyatoslav I. – Candidate of Legal sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 21.05.2024

К вопросу о правовых основаниях организации и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1917–1922 гг.

Каргапольцева Надежда Игоревна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, kargapolzeva_ni@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования организации и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в период с 1917 по 1922 г. Обозначены основные права и полномочия ее деятельности, причины создания и реорганизации данной структуры в 1922 г. Отмечена роль деятельности подразделений военной цензуры для ВЧК. Автором введены в научный оборот ранее не использованные материалы Государственного архива Свердловской области.

Ключевые слова: революция, правовое регулирование, советское правительство, ВЧК, борьба с контрреволюцией и саботажем, гражданская война, правовое регулирование, военная цензура

Для цитирования: Каргапольцева Н. И. К вопросу о правовых основаниях организации и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1917–1922 гг. // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 157–161.

Original article

On the issue of the legal basis for the organization and activities of the Cheka in 1917–1922

Kargapol'tseva Nadezda I.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, kargapolzeva_ni@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of the organization and activities of the All-Russian Extraordinary Commission (Cheka) in the period from 1917 to 1922. The basic rights and powers of its activities, the reasons for its creation and the reorganization of this structure in 1922 are outlined. The role of the activities of military censorship units for the Cheka is noted. The author introduced previously unused materials from the State Archives of the Sverdlovsk Region into scientific circulation.

Keywords: revolution, legal regulation, Soviet government, Cheka, fight against counter-revolution and sabotage, Dzerzhinsky, civil war, legal regulation, military censorship

For citation: Kargapol'tseva N. I. On the issue of the legal basis for the organization and activities of the Cheka in 1917–1922 // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 157–161.

Изучение различных вопросов исторического прошлого нашего государства всегда было и остается для историков и правоведов актуальным. Особенный научный интерес представляет организация и деятельность чрезвычайных органов советской власти, поскольку многие нормативные и правовые акты, несмотря на прошедший большой исторический период, до сегодняшнего времени носят определенный гриф секретности и являются недоступными для исследования.

Огромное значение для Советской власти в первые годы ее существования имели органы Всероссийской чрезвычайной комиссии, особенно в период

гражданской войны, когда встала угроза самого существования власти большевиков.

Так, до самороспуска 5 (18) декабря 1917 г. охрану завоеваний революции и подавление эксплуататорских классов осуществлял Петроградский Военно-революционный комитет. Готовящаяся всероссийская забастовка служащих заставила советское правительство учредить 7 (20) декабря 1917 г. Всероссийскую чрезвычайную комиссию (далее – ВЧК) при Совете народных комиссаров (далее – СНК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, работающую под

контролем Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) и Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ).

Председателем ВЧК был назначен Феликс Эдмундович Дзержинский [1, с. 16]. Вместе с ним членами коллегии стали Иван Ксенофонович Ксенофонов, Яков Христофорович Петерс, Василий Васильевич Фомин – всего сотрудников было около 40 человек. О том, как быстро ВЧК стала развиваться, говорит тот факт, что в августе 1918 г. центральный аппарат ВЧК насчитывал уже 781 человека.

Необходимо отметить, что в органы ВЧК принимались только самые преданные делу революции большевики. В период «кадрового голода» на руководящие должности в подразделения уголовного розыска было рекомендовано назначать лиц именно из числа работников ВЧК.

Перед ВЧК были поставлены задачи, связанные с выработкой мер борьбы, пресечением и ликвидацией выступлений по всей России. Она имела право проводить только предварительное расследование с передачей дел Революционному трибуналу на всех саботажников и контрреволюционеров [2]. В административном порядке могла конфисковывать имущество, лишать продуктовых карточек, опубликовывать списки врагов народа.

ВЧК состояла из четырех отделов: информационного, организационного, филиального и отдела борьбы. Для осуществления своих полномочий ВЧК имела собственные вооруженные силы: отряды ВЧК, части особого назначения (ЧОН), контролировавшие Революционным военным советом республики, свою систему исправительно-трудовых учреждений [3, с. 36].

Так, в соответствии с постановлением ВЦИК на территории Советского государства ГубЧК были организованы лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый [4, с. 235].

Полномочия органов ВЧК постоянно то расширялись, то сужались, исходя из политической ситуации и действий саботажников и контрреволюционеров как внутри Советского государства, так и за его пределами.

Так, Постановлением СНК от 31 января 1918 г. полномочия ВЧК были ограничены розыском, пресечением и предупреждением преступлений против Страны Советов. Ведение дел и расследование по таким преступлениям осуществляли следственные комиссии при трибуналах.

Существенное расширение своих полномочий ВЧК получили в соответствии с Декретом СНК от 21 февраля 1921 г. «Социалистическое отечество в опасности»¹, когда на территорию вступили германские войска, возникла угроза существованию Республики Советов и все силы и средства были направлены на защиту революции «до последней капли крови». По нему ВЧК стала осуществлять репрессии

непосредственно, вплоть до расстрела на месте, в отношении шпионов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов.

С 1918 г. подразделения ВЧК были созданы на местах (губернские, уездные, фронтовые, транспортные и армейские).

Так, в соответствии с приказом по войскам Северо-Урало-Сибирского фронта по борьбе с контрреволюцией и Уральскому военному округу от 14 июня 1918 г. № 1 именем Российской Советской Федеративной Республики приказом народного комиссара по Военным делам командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом с неограниченными полномочиями против чехословацких мятежников и других контрреволюционных выступлений в районе Челябинск – Омск был назначен Берзин [5, л. 19].

По законам военного времени высшая мера наказания устанавливалась за измену Советской Республике; агитацию против нее; распространение провокационных слухов с целью навредить ее обороне; деятельность шпионов в пользу чехословацких и других войск; неисполнение приказов и распоряжений военных властей; самовольное оставление позиций и т. д.

В августе 1918 г. в названии Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем слова «и саботажем» были заменены – «спекуляцией и преступлениями по должности».

Ввиду того что произошел ряд террористических актов в отношении руководящего состава Советской республики, вслед за покушением на В. И. Ленина, после доклада председателя ВЧК о деятельности этой организации 5 сентября 1918 г. СНК приняло Постановление «О красном терроре»². ВЧК, кроме расстрела на месте преступления всех лиц, «прикосновенных» к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам с целью беспощадной борьбы с классовыми врагами [6, с. 11], получила право решать дела в своих коллегиях, арестовывать и изолировать людей в концентрационных лагерях.

Так, например, Следственной комиссией Революционного трибунала от 1 октября 1918 г. № 3576 было предписано Пермской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности принять меры по розыску и аресту жителя Пермской губернии гражданина К. за контрреволюционную деятельность [7, л. 1].

Декретом ВЦИК от 2 ноября 1918 г. «О Всероссийской и местной чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» было введено положение о деятельности этих органов. Так, в соответствии с данным нормативным правовым актом ВЧК, являясь органом СНК, осуществляли свою деятельность совместно с

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

² Постановление от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» // РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10. Подлинник. Машинописный текст. Подписи – автографы; Правда. 1918. 5 сентября (сообщение о декрете); Известия. 1918. 8 сентября; Декреты советской власти. М., 1964. Т. III. С. 291–292.

Народными комиссариатами по внутренним делам и юстиции посредством делегирования своих представителей. ЧК имели право организации при себе вооруженных отрядов, величина которых устанавливалась на местах исполнительным комитетом Советов Депутатов по соглашению с ВЧК. Все такие вооруженные отряды находились под контролем и на учете Реввоенсоветов Республики. Председатели местных ЧК избирались местными исполнительными комитетами и утверждались ВЧК [8, с. 398].

ВЧК, в свою очередь, вырабатывали инструкции для местных Чрезвычайных комиссий, таким образом, организация деятельности таких подразделений регулировалась не только законными, но и подзаконными актами.

Так, согласно требованиям Екатеринбургской Чрезвычайной комиссии от 8 декабря 1919 г. № 1676¹ в ЧК необходимо было предоставлять сведения о бывших жандармах и полицейских чинах, назначенных в советскую милицию Екатеринбургской губернии.

Когда гражданская война подходила к концу, Декретом ВЦИК от 18 марта 1920 г. у ЧК изъяли судебные полномочия, но оставили предварительное расследование и сохранили право заключать в административном порядке в лагеря на срок не свыше 5 лет.

Так, Екатеринбургской губернской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности было возбуждено дело по обвинению в контрреволюционном настроении против советской власти гражданина Ш. [9, л. 1] В деле содержались материалы следующего характера:

1. Общее настроение.
2. Отношение к Советской власти.
3. Отношение к РКП (большевиков).
4. Периоды продрозверстки и продролога.
5. Взгляды и отзывы на новую экономическую политику.
6. Голод в Поволжье – помощь голодающим.
7. Кооперация и отношение к ней масс.
8. Состояние фабрично-заводской промышленности Урала до и после проведения нэп.
9. Безработица в России. Положение неработающих и их настроения.
10. Состояние промышленности и производства за границей. Рост безработицы, кризисы и настроения рабочих масс.
11. Торгово-промышленная связь с бывшими русскими капиталистами с иностранным капиталом.
12. Настроения русской контрреволюционной эмиграции.
13. Красная Армия, ее настроения до и после мобилизации.
14. Внутривластные и профсоюзные мысли и настроения.
15. Контрреволюция на Урале.
16. Спекуляция, преступления по должности, разные уголовные преступления по должности и разные уголовные преступления.

17. Цифровая сводка о работе военно-цензурного отделения за 1921 г.

Такие дела заводились на всех лиц, подозреваемых в совершении действий, связанных с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Как следует из содержательной части дела, военно-цензурное отделение в деятельности ВЧК имело большое значение. Военный отдел, созданный на базе Управления военного контроля Реввоенсовета и армейских ЧК в декабре 1918 г., 1 января 1919 г. был переименован в Особый отдел при ВЧК – именно это подразделение в дальнейшем и занималось перлюстрацией корреспонденции. Информация, полученная в результате просмотра корреспонденции, способствовала выявлению и раскрытию уголовных преступлений; выявлению лиц, связанных с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности; составлению отчетной информации об отношении различных слоев населения той или иной территории Советского государства, и его реакции на проводимые мероприятия правительства.

Так, по данным ГубЧК Екатеринбургская губерния, населенная преимущественно рабочим элементом, в политическом отношении признавалась революционно устойчивой территорией.

Благодаря концентрации крупной промышленности на Урале, особенно в Екатеринбургской губернии, взоры как отечественной, так и международной контрреволюции были обращены именно на эти местности. Если в политическом отношении Екатеринбургская губерния не была благоприятной почвой для контрреволюции, то в силу экономических условий она представляла большой интерес для шпионской и контрреволюционной деятельности организаций разных оттенков и группировок.

Техническая контрреволюция во всех областях хозяйства доходила до чрезвычайных размеров. Соседство Екатеринбургской губернии с Тюменью, где в течение всего года процветал бандитизм и массовый размах преступности, губительно отразилось на жизни и настроении всей губернии. Тем не менее в Екатеринбургской губернии было меньше всего перебоев в хозяйственных органах и предприятиях и политическое настроение за все время гражданской войны можно было считать «удовлетворительным» [9, л. 2].

Большинство населения города Екатеринбурга, включая даже обывательщину, к началу 1922 г. из выжидательного отношения к Советской власти перешло к «более-менее сносно».

Отмечалось, что с января 1921 г. и до начала 1922 г. население недоверчиво относилось к новой политике Советской власти и не обсуждало вопросы политики, исчез общественный интерес к эпидемии, борьбе с ней, голоду и другим недостаткам, уступив место анализу рыночных цен, а с мая – всевозможных сделок и махинаций.

У большинства населения губернии к Советской власти было отношение хорошее, жалобы возникали

¹ ГАСО. Ф. Р-9, Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 191

в связи с плохой организацией выдачи пайков и неравномерным их распределением среди населения губернии.

Крестьянство, начиная с января 1922 г., жаловалось на падеж скота от голода, на труд и гужовинность, на плохую сортировку семенного хлеба и т. д. Среди крестьян отмечалась склонность к обработке земли и образованию коммун в некоторых уездах, особенно в Шадринском и Ирбитском [9, л. 3]. Многие выражали свое удовлетворение по поводу электрификации деревни.

С апреля 1922 г. крестьяне питали надежду на свободную торговлю, именно за это хвалили Советскую власть, но агульные жалобы на голод и болезни, все положительное сводили к нулю. Бедняки жаловались на то, что были не в состоянии приобретать что-либо по вольной цене, и все свои надежды возлагали на государство: «Советская власть нас не оставит!» – обычное выражение неимущего крестьянства.

Красноармейцы жаловались на голод и плохие условия казарменной жизни, однако, отзывались более чем хорошо о Советской власти, в письмах родным в деревню после наступления периода демобилизации обсуждали только вопросы семейной жизни.

Иностранцы, и даже русская эмиграция, об отношении к Советской власти писали крайне мало, ибо очень смутно себе представляли жизнь и события, произошедшие после Октябрьской революции в России.

В период продразверстки, вплоть до апреля 1921 г., все письма, исходящие из деревни, представляли собой один сплошной плач и жалобу, переходящие временами в отчаяние. Почти во всех письмах была замечена характерная мысль о том, что проведение продразверстки – это идея местных властей и центр об этом ничего не знает, а если бы знал, то принял бы меры защиты крестьян.

Весть о продналоге, в связи с отменой продразверстки на хлеб и масленичные семена, крестьяне вначале встретили радостно, хотя и недоверчиво. Затем в большинстве уездов Екатеринбургской губернии продналог крестьянами стал признаваться непосильным, а в некоторых – (Каменском и Екатеринбургском) совершенно трудно выполнимым. Крестьяне жаловались, что отдавали весь хлеб, а сами питались травами и разными суррогатами, от которых развивались желудочные заболевания [9, л. 4].

В связи с переходом к новой экономической политике в рабочей среде роптали на «вольную торговлю» и указывали, что новая экономическая политика поддерживает спекулянтов и боярышников, а рабочие как сидели на голодном пайке, так и будут сидеть. Но впоследствии, при переводе многих заводов на коллективное снабжение и сокращение штатов, жалобы сошли на нет.

Также рабочие выражали недовольство по поводу сдачи в аренду предприятий и возвращения домов бывшим собственникам. Эти акты они характеризовали как возврат к старому. Имелись и совершенно

противоположные мнения, например, рабочие и население Кыштымского завода были очень довольны, что завод сдавался в аренду англичанам [9, л. 4].

Торговый класс России, вовлеченный новой экономической политикой, с головой ушел во всевозможные сделки и обороты как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Материалы контрреволюционного характера извлекались из писем и делились на 5 категорий [9, л. 10]:

- 1) открытые выступления против Советской власти групп и организаций, связывающихся посредством писем;
- 2) сведения, имеющие скрытый условный характер, указывающий на шпионаж;
- 3) агитация против Советской власти и гражданской войны, имеющая определенную цель;
- 4) злобные высказывания против Советской власти пассивной части населения, которая могла стать активной при перевороте;
- 5) концентрация контрреволюционеров на заводах и предприятиях с целью противодействия или просто агитации.

В соответствии с Инструкцией по содержанию левых эсеров, числящихся за секретным отделом ВЧК от 10 мая 1920 г. № 11943, утвержденной ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при СНК, ни одно письмо заключенного на волю не могло быть отправлено, не пройдя тюремную цензуру, причем необходимо было снять с него копию и направить в секретный отдел ВЧК [11, с. 80].

Структура органов ВЧК менялась неоднократно, но важнейшими элементами являлись следующие подразделения: контрразведывательные отделы (КРО), отделы военной контрразведки (Особый отдел, образованный 19 декабря 1918 г.), подразделения внешней разведки (Иностранный отдел ВЧК был образован 20 декабря 1920 г.), в ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена охрана границ Советского государства¹.

На IX Всероссийском Съезде Советов 30 декабря 1921 г. была принята Резолюция о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, в которой отмечалась героическая работа данных органов и большие заслуги в деле укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции как от внутренних, так и от внешних покушений. Также в связи со стабилизацией ситуации в стране было принято решение о возложении борьбы с нарушениями законов Советских Республик на судебные органы. Таким образом, была проведена реорганизация ВЧК, сужение ее компетенции и усиление начал революционной законности.

Так, 6 февраля 1922 г. ВЦИК принял постановление об упразднении ВЧК и образовании Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР,

¹ URL: [https://www.prilib.ru/history/619826#:~:text=6%20февраля%201922%20г.%20ВЦИК,возникло%20Объединённое%20ГПУ%20\(ОГПУ%20СССР\).](https://www.prilib.ru/history/619826#:~:text=6%20февраля%201922%20г.%20ВЦИК,возникло%20Объединённое%20ГПУ%20(ОГПУ%20СССР).)

в задачи которого входила борьба со шпионажем, контрреволюцией и бандитизмом¹.

Таким образом, чрезвычайные органы ВЧК, организация и деятельность которых регламентировались нормативными правовыми актами СНК и ВЧК, за короткий срок своего существования в первоначальном исполнении, пользуясь неограниченными правами и полномочиями, выполнили важнейшую задачу по защите Советского государства как от внутренних, так и от внешних угроз.

Библиографический список

1. Качановский Ю. В. Органы государственной безопасности. История и современные проблемы // Военно-юридический журнал. 2008. № 3. С. 16–20.
2. Колпадики И. А., Серяков М. Л. ЩИТ И МЕЧ. Энциклопедический справочник. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/sch/iti/mech/17.htm#1>
3. Пчелинцев М. В. Образование и деятельность органов ВЧК на территории Северо-Кавказского региона в 1917–1918 гг. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. № 17. С. 35–39.
4. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 368 с.
5. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-573. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 19.
6. Сануков К. Н. От чрезвычайных комиссий до ФСБ // Марийский юридический вестник. 2007. № 5. С. 10–39.
7. ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1.
8. Упоров И. В. Статус и компетенции чрезвычайной комиссии в Советской России (1918–1922 гг.) // Science Time. 2016. № 10 (34). С. 395–403.
9. ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1.
10. Смыкалин А. С. Тайный политический контроль в годы Советской власти // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2005. № 13. С. 79–88.

References

1. Kachanovsky Yu. V. State security bodies. History and modern problems // Military legal journal. 2008. No. 3. pp. 16–20.
2. Kolpadiki I. A., Seryakov M. L. SHIELD AND SWORD. Encyclopedic reference book. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/sch/iti/mech/17.htm#1>
3. Pchelintsev M.V. Formation and activities of the Cheka bodies on the territory of the North Caucasus region in 1917–1918. // News of SOIGSI. School of young scientists. 2017. No. 17. pp. 35–39.
4. Smykalin A. S. Colonies and prisons in Soviet Russia. Ekaterinburg: Publishing house UrGUA, 1997. 368 p.
5. State Archives of the Sverdlovsk Region (hereinafter referred to as GASO). F. R-573. Op. 2. Unit hr. 19. L. 19.
6. Sanukov K. N. From emergency commissions to the FSB // Mari legal bulletin. 2007. No. 5. P. 10–39.

7. GASO. F. R-573. Op. 2. Unit hr. 6. L. 1.

8. Uporov I.V. Status and competence of the emergency commission in Soviet Russia (1918–1922) // Science Time. 2016. No. 10 (34). pp. 395–403.

9. GASO. F. R-573. Op. 2. Unit hr. 1. L. 1.

10. Smykalin A. S. Secret political control during the years of Soviet power // Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities. 2005. No. 13. pp. 79–88.

Информация об авторе

Каргапольцева Надежда Игоревна – кандидат юридических наук

Information about the author

Kargapoltseva Nadezda I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 21.05.2024

¹ URL: [https://www.prilib.ru/history/619826#:~:text=6%20февраля%201922%20г.%20ВЦИК,возникло%20Объединённое%20ГПУ%20\(ОГПУ%20СССР\).](https://www.prilib.ru/history/619826#:~:text=6%20февраля%201922%20г.%20ВЦИК,возникло%20Объединённое%20ГПУ%20(ОГПУ%20СССР).)

Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии

Мясникова Татьяна Васильевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, mtv24.01@mail.ru

Аннотация. В статье проводится оценка влияния лидеров криминального мира на уровень организованной преступности, анализируется предупредительная деятельность правоохранительных органов в отношении данных лиц. Автором предлагаются меры по совершенствованию профилактики указанной группы преступлений.

Ключевые слова: предупреждение, организованная преступность, высшее положение, преступная иерархия, вор в законе

Для цитирования: Мясникова Т. В. Предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 162–166.

Original article

Prevention of occupying a high position in the criminal hierarchy

Myasnikova Tatyana V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, mtv24.01@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic under study is expressed in the introduction of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation into the criminal legislation of Russia, which confirms the feasibility and necessity of studying ways to counteract persons occupying a higher position in the criminal hierarchy. The article assesses the influence of criminal authorities on the level of organized crime in general and analyzes the preventive activities of law enforcement agencies against the leaders of the criminal world. The result of the study is a proposal to improve prevention measures for this group of crimes.

Keywords: prevention, organized crime, highest position, criminal hierarchy, thief in law

For citation: Myasnikova T. V. Prevention of occupying a high position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 162–166.

Деятельность преступных сообществ, различных криминальных формирований считается одним из наиболее опасных проявлений современного общества. Занятие высшего положения в преступной иерархии имеет непосредственное отношение к общему состоянию организованной преступности, поэтому борьба с лидерами криминального мира является важным направлением в контексте предупреждения преступности [1, с. 118]. По общему правилу, результативность противодействия криминальным явлениям проявляется уже на этапе профилактики, в связи с чем превентивное воздействие на указанную группу лиц должно занимать ключевое место в системе предупреждения занятия высшего положения в преступной иерархии.

Прежде чем приступить к анализу соответствующих предупредительных мер, целесообразно рассмотреть основные детерминанты современной организованной преступности и деятельности криминальных лидеров. В этой связи необходимо выделить следующие причины:

- 1) глобализация и цифровизация преступности, принявшей транснациональный характер;
- 2) латентная коррупция на федеральном и региональном уровнях и в правоохранительной сфере;
- 3) сложность и разветвленность коррупционных схем, позволяющих криминальным элементам внедряться во все структуры общества и государства с

целью установления контроля над наиболее значимыми секторами экономической деятельности;

4) «отставание» субъектов противодействия организованной преступности;

5) провокационная деятельность субъектов организованной преступности, направленная на дискредитацию представителей органов государственной власти и управления.

Важным условием повышения эффективности борьбы с преступностью выступает своевременное совершенствование уголовного законодательства, а также следственной, судебной и прокурорской практики [2, с. 29]. Законодатель постоянно находится в поиске оптимального способа решения возникающих проблем, благодаря чему реформируется имеющаяся юридическая база: вводятся новые статьи, конкретизируются уже имеющиеся нормы, появляются разъяснения спорных вопросов.

Так, с целью эффективного противодействия криминальному сообществу была предпринята попытка контроля за его ключевой составляющей – лидерами из числа преступного контингента. В апреле 2019 г. Федеральным законом № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»¹ были скорректированы положения ст. 210 УК РФ, а также введена новая ст. 210.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

С появлением данной новой нормы появилась возможность привлечения к уголовной ответственности авторитетов криминального мира, которые зачастую напрямую не задействованы в совершении преступлений, но обладают властными полномочиями в преступном обществе, т. е. непосредственно участвуют в развитии организованной преступности. Таким образом, законодатель предпринял попытку урегулирования вопроса о привлечении к ответственности членов элиты «воровского» сообщества за само обладание определенным статусом, позволяющим оказывать воздействие на имеющиеся процессы в обществе (как преступного, так и не преступного характера), а не за совершение конкретного уголовного деяния.

Такая концепция предполагает сокращение числа влиятельных лиц преступного общества с целью разобщения и дезорганизации организованной преступности. Анализируя практику применения рассматриваемой нормы, следует отметить, что реализация предписанных положений не в полной мере соответствует прогнозируемому результату. За пять лет существования ст. 210.1 УК РФ не удалось сформировать эффективного механизма применения указанных положений, что выразилось в минимальном количестве

обвинительных приговоров по данной статье. Помимо этого, качественная характеристика вступивших в силу приговоров вызывает ряд вопросов. Более того, весомая часть уголовных дел закончилась вынесением оправдательного приговора.

В числе первых оправданных по ст. 210.1 УК РФ был гражданин Г. В описательно-мотивировочной части приговора Липецкого областного суда от 4 июня 2021 г. отмечается, что следствие не установило конкретных противоправных действий, свидетельствующих о реализации указанным гражданином полномочий «вора в законе» после включения ст. 210.1 в УК РФ в апреле 2019 г. Кроме того, по мнению суда, факт занятия высшего положения в преступной иерархии указанным гражданином не был бесспорно установлен. Позже первый апелляционный суд общей юрисдикции отменил оправдательный приговор, а дело возвращено для устранения нарушений, препятствующих его рассмотрению [3].

Исследование данной проблемы привело к некоторым выводам, среди них заключение о том, что предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии должно предполагать комплексность и должную реализацию следующих аспектов:

1. Бесспорная концептуальная и понятийная характеристика рассматриваемого деяния. Уже на первом этапе расследования правоохранительные органы сталкиваются с проблемой определения идентифицирующих признаков, которые относят установленных лиц к категории занимающих высшее положение в преступной иерархии. К сожалению, современное законодательство не закрепляет четкого определения и не прописывает признаки, которыми должно обладать лицо для привлечения его к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ.

2. Достаточная правовая база. В контексте данного положения также присутствуют пробелы в нормативной базе, регулирующей область уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деяния. Правоприменители вынуждены следовать принципу судебного прецедента при доказывании и принятии итоговых процессуальных решений, что не совсем корректно в рамках правовой системы Российской Федерации.

3. Специализация кадров, ведущих борьбу с авторитетами криминального мира, и их подготовка. Тенденция вынесения оправдательных приговоров по данной статье наглядно транслирует отсутствие надлежащего уровня знаний при применении норм законодательства в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Такое заключение предполагает необходимость организации и проведения дополнительного обучения сотрудников правоохранительных органов.

4. Достаточное ресурсное обеспечение, современная информационная база. Вопрос ресурсного обеспечения государственных органов относится к обширному спектру экономических проблем любого государства, Россия не является исключением. Качество оснащенности деятельности правоохранитель-

¹ Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2024).

ных органов по борьбе с лидерами уголовного сообщества не в полной мере соответствует требуемому уровню. Помимо актуальной информационной обеспеченности также необходимы технические средства для расследования и раскрытия преступлений рассматриваемой группы.

5. Знание реального состояния и тенденций организованной преступности в регионе, обоснованных прогнозных оценок, а также владение информацией о структурном составе криминального контингента в исследуемой географической единице. Безусловно, на основе данных отчетной статистики создается комплекс профилактических мер, однако специфика исследуемой категории преступлений требует принципиально нового подхода к разработке и реализации предупредительной политики. Сбор информации и расследование преступлений, связанных с авторитетами криминального мира и преступным сообществом, занимают продолжительный временной период, в связи с чем появляется необходимость оценки реальной ситуации с учетом её актуальности на анализируемой территории. Также наличие указанных данных позволит предметно работать в направлении сбора достаточных доказательств о причастности лица к преступному миру и его положению в нем.

6. Международный характер. Наличие определенного статуса в «воровской» среде позволяет, а в некоторых случаях и предполагает перемещение лица не только в рамках региона или страны, но и между государствами. Для построения эффективного механизма поиска таких лиц огромную роль играет межведомственное и транснациональное сотрудничество.

К общим социальным мерам предупреждения и профилактики организованной преступности и деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, можно отнести следующие мероприятия:

- проведение реформ, направленных на улучшение экономического положения общества;
- модернизация политической системы с целью гармонизации общественных отношений;
- социальное оздоровление страны посредством устранения или минимизации негативных социальных факторов и условий;
- развитие демократии для поднятия уровня доверия граждан;
- усиление гражданской активности населения.

Учитывая специфику анализируемого состава преступления, стоит рассмотреть конкретные меры, которые могут способствовать более эффективному предупреждению данного преступления. Так, система специально-криминологических мер по противодействию лидерам криминального мира должна выражаться в следующем:

1. Выявление и блокировка каналов проникновения криминальных авторитетов во властные государственные органы и общественные организации. Когда организованная преступность в лице криминальных авторитетов распространяет своё воздействие на высшие слои власти, это приводит к подрыву доверия

населения к правительству и правоохранительным органам. Допущение коррупционных проявлений и отсутствие эффективного судебного преследования могут привести к укреплению преступных организаций и усилению чувства безнаказанности.

2. Международное сотрудничество. Как показывает практика, «воры в законе» действуют не только в одной стране, они могут быть частью транснациональных преступных группировок, поэтому важно поддерживать тесное сотрудничество с другими странами и обмениваться информацией о миграции лидеров преступного мира, о результатах и промежуточных этапах расследования.

Положительным примером в данном направлении выступает ситуация, связанная с выдачей в начале 2022 г. России Португалией гражданина Ф., которому инкриминировалось занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако данный случай является единичным фактом сотрудничества со стороны европейских стран [4].

3. Обеспечение законности и безопасности предпринимательской деятельности. Традиционное значение статуса «вор в законе» подверглось искажению в современных реалиях. Развитие социума привносит свои изменения в криминальные процессы. В настоящее время получить уголовный статус можно и за денежное вознаграждение, обходя традиционные «воровские» обязательства. Часть современных «воров в законе» приобрела его, пользуясь своими достижениями в коммерческой деятельности, или, наоборот, получила его за деньги для достижения определенных позиций в предпринимательской деятельности. Таких личностей в криминальной среде называют «апельсинами» или «лаврушниками» [5]. Они, безусловно, оказывают негативное воздействие на естественное функционирование экономического поля в нашей стране. В связи с этим контроль предпринимательской деятельности должен осуществляться не только в отношении производимого и/или реализуемого продукта, но и в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

4. Использование инновационных технологий и способов обмена информацией. Правоохранительным органам следует использовать современные технические средства для обнаружения и задержания лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Необходимо задействовать актуальные способы поимки преступника и слежения за ним. Камеры видеонаблюдения, системы распознавания лиц и другие технологии могут помочь повысить уровень эффективности борьбы с организованной преступностью и её лидерами.

5. Осуществление специальной правоохранительной деятельности:

- правовое регулирование оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, связанной с выявлением, изобличением и привлечением к ответственности участников организованных преступных формирований, особой защитой сотрудников правоохранительных органов, свидетелей и

потерпевших от противоправных посягательств со стороны криминальных структур;

- специальное уголовное законодательство об ответственности за активное участие в деятельности организованных преступных формирований;

- проведение целевых операций по пресечению деятельности «воров в законе», лидеров и авторитетов преступных формирований, в том числе и среди осужденных и заключенных под стражу [6].

6. Обеспечение неотвратимости наказания и развитие законодательства. Требуется разработка и внедрение законодательных инициатив с целью исключения возможности уклонения от ответственности. Российская система правоохранительных органов нуждается в создании специализированных подразделений, служебная деятельность которых будет направлена на действенную работу в отношении лидеров преступного мира.

Специально созданные органы смогут способствовать уменьшению количества лиц, имеющих особый преступный статус в уголовном мире, а также разработать сдерживающий механизм предупредительного воздействия на организованную преступность.

7. Улучшение деятельности служб правоохранительных органов. Если не говорить о кардинальной смене структуры правоохранительных органов, то необходимо снабдить существующие службы достаточными ресурсами для борьбы с преступниками, занимающими главенствующее положение в криминальном мире. Также важно добиться, чтобы правоохранительные органы были независимыми и свободными в своей деятельности от коррупционных проявлений со стороны окружающих субъектов.

8. Осуществление профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних лиц и молодежи. Лидеры криминального сообщества не являются преступниками-индивидуалистами, поскольку для удержания статуса необходимо наличие поддерживающих его лиц антисоциальной направленности. Пополнение рядов преступников, особенно действующих в составе организованных групп, повсеместно происходит за счет молодого поколения. Воспрепятствование их привлечению к преступной деятельности должно осуществляться комплексно, затрагивая сферу профилактики преступности несовершеннолетних в детальном и углубленном аспекте. Также имеется необходимость проведения информационных кампаний, развития сознательности и образованности в обществе.

9. Склонение к содействию лиц, владеющих информацией о личности, занимающей высшее положение в преступной иерархии, ее связях, действиях и т. п. В деятельности правоохранительных органов по раскрытию преступлений, связанных с организованной преступностью, тем более с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, встречается целый ряд проблемных моментов. Основой доказательственной базы, исходя из правоприменительной практики, являются свидетельские по-

казания. Проблема заключается в своеобразии таких свидетелей. Получение информации о преступных связях лица и наличии у него определенного статуса в большинстве своем складывается из показаний лиц, приближенных к криминальному авторитету либо осведомленных о его преступной деятельности, а также участвующих в совместных преступлениях или действующих в преступных целях под руководством такой личности. Вполне логично сопротивление в содействии органам власти, поскольку помимо уголовного наказания к данному лицу будут применены различные меры «криминального» порицания. Учитывая спектр влияния криминальных авторитетов, установить потенциально значимых лиц, приближенных к организованной преступности и владеющих нужной информацией, достаточно сложно, не говоря уже о сотрудничестве с такими лицами.

В связи с этим возникает необходимость создания аппарата защиты свидетелей по данной категории преступлений, а также исключительных положений по применению уголовного законодательства в отношении указанных в предыдущем абзаце лиц. Актуальным в таком случае при назначении наказания является применение порядка, предусмотренного ст. 64 УК РФ. Возможность смягчения наказания позволит стимулировать лицо к сообщению необходимых для правоохранительных органов сведений, способных исключить совершение преступления с наибольшей степенью общественной опасности.

Безусловно, применение данной нормы не должно выходить за рамки закона: помимо передачи значимых сведений о деятельности лица, обладающего определенным статусом в криминальных кругах, деяния сообщившего должны соответствовать всем критериям, способствующим смягчению уголовного наказания. Исходя из этого, более частое применение предлагаемой нормы может в должной степени способствовать эффективному и динамичному расследованию.

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что перечисленные меры должны применяться комплексно, с участием всех заинтересованных субъектов. Только так у правоохранительных органов будет возможность эффективно противодействовать лидерам криминального мира и сократить их влияние на общество.

Библиографический список

1. Душкин А. А. Двойменный И. А. О проблемах применения новой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // Вестник ВИНТ. 2020. № 1 (32).
2. Малинин В. Б. Измалков В. А. Борьба с организованной преступностью – одна из основных задач государства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1.
3. Тамбовцева Г. М. Проблемы борьбы с организованной преступностью: на материалах Восточно-Сибирского региона: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001.

4. Александров А. Суд оправдал обвиняемого в занятии высшего положения в преступной иерархии. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 10.04.2024).

5. Бурнов В. Ответственность «воров в законе»: правоприменение. URL: <https://rapsi.ru> (дата обращения: 11.04.2024).

6. Арестов А. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

References

1. Dushkin A. A. Dvoymenny I. A. On the problems of applying the new article of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupying the highest position in the criminal hierarchy» // Vestnik VIVT. 2020. No. 1 (32).

2. Malinin V. B. Izmalkov V. A. The fight against organized crime is one of the main tasks of the state // Current issues in the fight against crime. 2015. No. 1.

3. Tambovtseva G. M. Problems of combating organized crime: on materials of the East Siberian region: dis. ... cand. legal sci. SPb, 2001.

4. Aleksandrov A. The court acquitted the accused of occupying the highest position in the criminal hierarchy. URL: <https://www.kommersant.ru> (date of access: 04/10/2024).

5. Burnov V. Responsibility of «thieves in law»: law enforcement. URL: <https://rapsi.ru> (date of access: 04/11/2024).

6. Arestov A. I. Criminal legal and criminological problems in the fight against organized crime: dis. ... cand. legal sci. M., 2006.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Модель «идеальной» конструкции конкретного состава преступления: миф или реальность

Ермакова Ольга Владимировна

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема создания конкретного состава преступления. Автором доказывается бессистемный характер современного правотворчества, в результате которого конструкции конкретных составов преступлений не согласуются между собой. В работе предлагается признать в качестве «идеальной» модели конкретного состава преступления такую конструкцию, которая не порождает сложности в толковании и проблемы в правоприменительной деятельности. Создание такой модели, по мнению автора, должно основываться на двух основных блоках: обоснованном отборе обязательных признаков и их четком выражении в конструкции состава преступления. Отдельное внимание автором уделяется выявлению типичных недостатков, допускаемых законодателем при создании конкретных составов преступлений.

Ключевые слова: состав преступления, законодательная модель конкретного состава преступления, создание состава преступления

Для цитирования: Ермакова О. В. Модель «идеальной» конструкции конкретного состава преступления: миф или реальность // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 167–171.

Original article

The model of the «ideal» construction of a specific corpus delicti: myth or reality

Ermakova Olga V.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. The presented article discusses the problem of creating a specific corpus delicti. The author proves the unsystematic nature of modern law-making, as a result of which the constructions of specific elements of crimes do not agree with each other. The paper proposes to recognize as an «ideal» model of a specific corpus delicti such a construction that does not cause difficulties in interpretation and problems in law enforcement. According to the author, the creation of such a model should be based on two main blocks: a reasonable selection of mandatory signs and their clear expression in the construction of the corpus delicti. Special attention is paid by the author to the identification of typical shortcomings allowed by the legislator when creating specific elements of crimes.

Keywords: corpus delicti, legislative model of a specific corpus delicti, creation of corpus delicti

For citation: Ermakova O. V. The model of the «ideal» construction of a specific corpus delicti: myth or reality // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2. Pp. 167–171.

Эффективность уголовно-правовых норм зависит от обоснованности конструкций конкретных составов преступлений, а также четкости изложенных в них положений.

При этом в условиях реформирования уголовного законодательства, которое наблюдается в последние годы, роль качественного и единообразного построения конструкций конкретных составов преступлений еще более возрастает. Так из 408 составов преступлений, закрепленных в Особенной части Уголовного

кодекса РФ (далее – УК РФ), модификации подвергались 403 состава. Лишь 5 составов преступлений с момента принятия уголовного закона не изменялись (ст. 336, 345, 353, 356, 358 УК РФ), что свидетельствует об активной трансформации закона. При этом в период с 2018 по 2024 г. было закреплено 36 новых составов преступлений.

Вместе с тем анализ УК РФ приводит к выводу, что современное законодательство отличается бес-

системностью, а осуществляемое правотворчество вызывает сомнение относительно следования каким-либо правилам. В результате в действующем уголовном законе даже схожие преступления, посягающие на один объект, имеют разные типы конструкций (а в отдельных составах вообще трудно установить разновидность используемой конструкции).

Сложившаяся ситуация в правотворческой деятельности негативным образом сказывается и на правоприменении, поскольку фактически по каждому составу преступления, закрепленному в Особенной части УК РФ, следует констатировать значительные проблемы толкования. Полагаем, наличие сложностей в применении уголовно-правовых норм приводит к неэффективности уголовно-правового регулирования наиболее значимых общественных отношений.

В этом свете неудивительно, что учеными высказываются мнения о необходимости принятия нового УК РФ [1, с. 97–102]. Не вдаваясь в причинный комплекс происходящего в современном законодательстве, следует подчеркнуть лишь то, что в этих условиях возрастают ценность и значение исходных правил, идей, которыми целесообразно руководствоваться законодателю при создании уголовно-правовых норм.

Следует отметить, что вопросы криминализации деяний привлекали внимание научной общественности еще с дореволюционного времени. Именно в тот период выходят фундаментальные исследования, которые существенным образом повлияли на развитие науки уголовного права. Однако в последние годы вектор изысканий ученых сместился на проблемы Особенной части УК РФ и решение вопросов толкования конкретных составов преступлений с выработкой предложений для судебной практики.

При этом только уголовно-правовая наука обладает потенциалом и возможностями разработать логически организованную теорию как наиболее сложную и развитую форму научного знания. Так, А. Э. Жалинский указывал на то, что в настоящее время состояние теоретической мысли характеризуется всевозрастающим интересом к самой науке, обнаружению закономерностей ее развития, анализу результатов [2, с. 30].

В связи с изложенным актуальным направлением развития науки уголовного права следует признать создание единой теории, руководствуясь которой возможно сформировать унифицированный, логически обоснованный нормативный правовой акт.

При этом возникает вопрос относительно возможности построения «идеальных» конструкций конкретных составов преступлений. Иначе говоря, такая модель – это миф или реальность?

Полагаем, ответ на данный вопрос должен основываться на том, что понимать под термином «идеальный». Учитывая, что основное предназначение конструкций конкретных составов преступлений – это реализация уголовной ответственности лица, со-

вершившего общественно опасное деяние, а также предупреждение преступлений, которое обеспечивается за счет неотвратимости наказания, то в первую очередь такая модель не должна порождать сложности в толковании и правоприменении.

На основании данного положения можно выделить 2 необходимых условия создания «идеальной» модели конкретного состава преступления:

1. Обоснованный отбор обязательных признаков, который будет основываться на определенных критериях.

Соблюдение этого условия представляет принципиально важное значение, поскольку включение в конструкцию того или иного признака определяет объем распространения предписания закона. Так, введение в разряд обязательных любых факультативных признаков сужает действие уголовно-правовой нормы. И, наоборот, отсутствие в конструкции дополнительных признаков, которые в общем составе относились к числу факультативных, расширяет возможности применения положений уголовного закона.

К примеру, в составе призывов к введению мер ограничительного характера в отношении РФ, граждан РФ и юридических лиц РФ (ст. 284.2 УК РФ) закреплён специальный субъект – гражданин РФ, что ограничивает действие запрета. Тем более что наряду с данным субъектом законодателем использована конструкция административной преюдиции, предполагающей наличие административного наказания за аналогичное деяние в течение года.

Несмотря на свою значимость, именно вопросы отбора обязательных признаков в науке уголовного права не получили достаточного теоретического освещения. В научной литературе указанные проблемы преподносятся как констатация устоявшегося факта, без выяснения тех причин, по которым используется та или иная конструкция.

Полагаем, совокупность оснований отбора признаков образует многоуровневую систему. В частности, потребность включения признака в конструкцию обуславливается особенностями охраняемых общественных отношений, отражением в признаке общественной опасности и сущностной характеристики деяния, а также типичностью признака. Кроме того, для признания того или иного признака обязательным необходим учет политического, экономического, культурного уровней развития общества, государственной политики, а также определение тех мотивов и целей, которые побудили к введению уголовно-правового запрета.

С целью демонстрации указанных оснований можно привести в пример конструкцию состава незаконного осуществления медицинской или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ), в соответствии с которой преступление считается оконченным только при причинении вреда здоровью человека. Учитывая особенности охраняемых общественных отношений, повышенную общественную опасность стадии совершения деяния, на которой уже имеет место негатив-

ное воздействие на здоровье человека, целесообразно использовать конструкцию формального состава преступления. Тем более что введенный в УК РФ в 2014 г. состав незаконного производства лекарственных средств, при схожести охраняемых общественных отношений, имеет формальную конструкцию.

2. Юридическое выражение данных признаков в конструкции состава преступления, а впоследствии и в норме уголовного закона. Отражение каждого признака осуществляется при помощи специальных правил, способов, приемов, которые относятся к юридической технике.

Помимо общих правил юридического выражения, которые достаточно разработаны в научной литературе, необходимо выделять специальные правила, зависящие от того элемента состава преступления, признаки которого следует отразить в конструкции конкретного состава преступления и норме закона.

Так, особыми правилами характеризуется юридическое выражение вида конструкции состава преступления. При этом для терминологического оформления преступного деяния законодатель в большинстве составов использует форму отглагольного существительного, что создает впечатление процесса осуществления деяния, имеющего протяженность во времени.

В русском языке отглагольные существительные отражают процесс (действие) и (или) результат процесса. Соответственно, законодатель при использовании такого существительного может вложить в его содержание различное значение и «связать момент окончания преступления с любой стадией процесса». Например, термин «вовлечение», употребляемый во многих составах преступлений против семьи и несовершеннолетних (ст. 150, 151 УК РФ), здоровья населения и общественной нравственности (ст. 240 УК РФ), можно трактовать как деятельность, направленная на склонение лица к чему-либо, и как результат такой деятельности, подразумевающий свершившийся факт воздействия. Использование такого способа описания деяния создает сложности в уяснении вида конструкции состава преступления.

Представляется, что проблема состоит не в самом использовании отглагольных существительных, а в отсутствии общего правила определения момента окончания преступления, в котором деяние обозначается таким образом. С целью единообразного толкования и применения уголовного закона, а также для обеспечения принципов законности и справедливости, следует унифицировать понимание значения отглагольного существительного, используемого для описания деяния в формальном составе преступления, подразумевая под ним исключительно фактическую его завершенность.

В усеченном составе значение отглагольного существительного следует определить как непосредственный процесс деяния, еще не завершенный. Соответственно, при использовании усеченной конструкции состава преступления необходимо исполь-

зовать такие термины (выражения) для обозначения действия (бездействия), которые подчеркивают одномоментность (предельную краткость) совершения деяния, независимость начального акта от наступления преступного результата.

Несоблюдение выделенных условий создания «идеальной» конструкции конкретного состава преступления приводит к недостаткам моделирования состава преступления. При этом каждому условию корреспондирует соответствующий недостаток.

В частности, если законодателем нарушено первое условие, касающееся отбора признаков состава, то это влечет к необоснованному включению того или иного признака в конструкцию и признанию его обязательным.

Так, неудачной видится конструкция состава принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ), в которой одновременно со специальными субъектами в виде следователя и лица, производящего дознание, указывается на другое лицо, обладающее признаками общего субъекта преступления.

Одновременное указание в конструкции состава преступления (и в уголовно-правовой норме) на признаки общего и специального субъекта в альтернативе не является верным, поскольку такой подход нивелирует влияние качеств лица, совершившего преступление, на общественную опасность данного акта, искусственно уравнивая ее показатели.

Необходимо весьма осторожно включать в состав мотив, поскольку любое преступление характеризуется полимотивацией и сложностями доказывания внутренних признаков. Например, состав злоупотребления должностными полномочиями ограничен корыстными или личными мотивами (заинтересованностью). Однако для этого преступления могут быть характерны и иные мотивы (ложно понятые интересы), которые обладают не меньшей общественной опасностью. Поэтому полагаем нецелесообразным указание на мотив преступления в составе преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

В тех случаях, когда законодателем не соблюдено второе условие и нарушены правила юридического выражения признаков конкретного состава преступления, возникают сложности с толкованием содержания того или иного признака и с квалификацией преступления.

Ошибки юридического выражения достаточно многочисленны, однако наиболее существенными из них выступают следующие:

1. Использование при юридическом отражении признаков оценочных понятий.

Например, момент окончания состава злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и еще ряда составов преступлений против государственной власти определяется посредством такого оценочного признака, как «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Несмотря на то, что разъяснения данного понятия приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий», его толкование вызывает сложности не только в науке уголовного права, но и в правопримени- тельной деятельности.

Неопределенность преступных последствий составов преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ, признается и Конституционным Судом РФ, однако, по его мнению, «*оно не является настолько неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений*» (курсив наш. – О. Е.)¹.

Не вступая в дискуссию относительно определенности (неопределенности) понятия существенного нарушения, следует констатировать, что проблемы его толкования имеют место. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, прекратив производство по уголовному делу за отсутствием в деянии состава преступления, поскольку «переименование улицы в селе не повлекло существенного нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых интересов общества и государства и наступления каких-либо последствий, связанных с причинением морального, физического или имущественного вреда личности»².

Сложность установления преступных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства заключается в том, что по каждому уголовному делу необходимо указание не только на конкретные права, гарантированные общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ, но и на оценку их нарушения как существенного [3, с. 120–125].

2. Отсутствие указания в законе на возможную форму деяния (действие, бездействие либо их сочетание).

В этой части следует указать на неудачное отражение формы деяния в составе незаконного осуществления медицинской или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ). В диспозиции уголовно-правовой нормы деяние описано как осуществление деятельности лицом, не имеющим лицензии.

Подобная формулировка привела к противоположным мнениям относительно формы совершения данного деяния: действие [4, с. 169–174], бездействие [5, с. 264–268] и смешанная форма³. Исходя из лекси-

ческого толкования законодательного предписания, деяние должно осуществляться в форме действия (об этом свидетельствуют два термина, отражающие активное поведение – осуществление деятельности). Данный вывод подтверждается анализом 39 приговоров, размещенных на официальных сайтах судов субъектов РФ. В частности, при описании деяния суды перечисляют, какие действия совершил виновный: манипуляции в виде внутримышечных инъекций, иглорефлексотерапию, массаж и т. д.⁴ Требование об отсутствии лицензии относится не к деянию, а к характеристике специального субъекта преступления. Другой вопрос в том, что необходимо было бы в законе дать более четкую и полную характеристику деяния, включив в него не только действия, но и смешанную форму.

3. Использование для описания деяния понятийного аппарата других отраслей права.

К примеру, понятие «имущественный ущерб», употребляемое для обозначения последствий хищений относится к ведению гражданского права (с использованием наименования «убытки»). В цивилистическом плане к имущественному ущербу относят и реальный ущерб, и упущенную выгоду. В Трудовом кодексе РФ под ущербом, подлежащим возмещению работником работодателю, понимается лишь реальный ущерб.

Вследствие неопределенности определения имущественного ущерба, разнообразия правопримени- тельной практики по данному вопросу, постановле- нием Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2022 г. № 53-П примечание 1 признано не соответствующим Конституции РФ. А впоследствии, 27 ноября 2023 г., УК РФ был дополнен примечанием 5 к ст. 158, закрепляю- щим, что сумма налога, уплаченная лицом, не включа- ется в имущественный ущерб.

4. Опосредованное указание на признак состава преступления.

Так, в действующем УК РФ необходимо устранить неточность в понимании возможной формы вины при моделировании состава преступления, что осуществимо только путем прямого отражения ее разновидностей в норме закона. При этом наряду с виной, мотивы и цели, включаемые в число обяза- тельных признаков, должны получать только прямое закрепление в конструкции состава. Это позволит не только избежать ошибок в квалификации, но и раз- граничить смежные деяния между собой, а также ре- шить многие вопросы толкования признаков состава преступления [5, с. 62–64]. В подтверждение данного утверждения можно привести состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Отсутствие указания на возможную форму вины в диспозиции статьи поро- ж-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 марта 2010 г. № 368-О-О // КонсультантПлюс: сайт.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 февраля 2013 г. № 21-Д12-8 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 33–36.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. URL: <https://ukrf-stat.ru/statya235-uk-rf-nezakonnoe-osushhestvlenie->

[medicinskoj-deyatelnosti-ili-farmaceuticheskoy-deyatelnosti/](https://ukrf-stat.ru/statya235-uk-rf-nezakonnoe-osushhestvlenie-medicinskoj-deyatelnosti-ili-farmaceuticheskoy-deyatelnosti/) (дата обращения: 30.01.2024).

⁴ Архив Советского районного суда г. Томска. URL: <http://sovetsky.tms.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=91>; Архив Центрального районного суда г. Читы. Уголовное дело № 1-1256/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0D0C2FRtRg5/> (дата обращения: 30.01.2024).

дает сложности относительно установления субъективной стороны этого преступления.

На основании изложенного следует вывод, что «идеальная» модель создания конкретного состава преступления должна основываться на обоснованном отборе обязательных признаков и их юридически грамотном и четком закреплении в норме уголовного закона. Соблюдение указанных условий при моделировании состава преступления приведет к единообразию законодательного материала и нивелированию проблем в правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. Пусурманов Г. В. О проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 2 (47). С. 97–102
2. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.
3. Коняхин В. П., Романченко Н. В. Злоупотребление должностными полномочиями: проблемные вопросы // Эпомен. 2020. № 44. С. 120–125.
4. Фатиева И. А., Скрипченко Н. Ю. Особенности конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации // Медицинское право: теория и практика. 2020. Т. 6. № 2 (12). С. 169–174.
5. Шалагин А. Е. О некоторых особенностях квалификации и предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 235 и 236 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 264–268.
6. Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М.: Юрлитинформ, 2022. 384 с.

References

1. Pusurmanov G. V. About the draft of the new Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg Legal Academy. 2020. No. 2 (47). Pp. 97–102.
2. Zhalinsky A. E. Criminal law in anticipation of change. Theoretical-instrumental analysis. M., 2009.
3. Konyakhin V. P., Romanchenko N. V. Abuse of official powers: problematic issues // Epomen. 2020. No. 44. Pp. 120–125.
4. Fatieva I. A., Skripchenko N. Yu. Features of the design of the crime provided for in Article 235 of the Criminal Code of the Russian Federation // Medical law: theory and practice. 2020. T. 6. No. 2 (12). Pp. 169–174.
5. Shalagin A. E. On some features of qualification and prevention of crimes provided for in Articles 235 and 236 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2012. No. 1. Pp. 264–268.

7. Ermakova O. V. Reflection of a socially dangerous act and the mechanism for its commission in the norms of a special part of the Criminal Code of the Russian Federation (conceptual foundations). M.: Yurlitinform, 2022. 384 p.

Информация об авторе

Ермакова Ольга Владимировна – доктор юридических наук, доцент

Information about author

Ermakova Olga V. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 21.05.2024